

ЖАК ДЮКЛО

НА ШТУРМ НЕБА

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА-
ПРЕДВЕСТНИЦА
НОВОГО МИРА

Jacques Duclos

A l'assaut du ciel

*La Commune de Paris
annonciatrice d'un monde nouveau*

Paris 1961

ЖАК ДЮКЛО

*НА
ШТУРМ
НЕБА*

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА —
ПРЕДВЕСТНИЦА НОВОГО МИРА

Перевод с французского

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1962

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО
И РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ
А. И. МОЛОКА

Редакция литературы по историческим наукам

Предисловие к русскому изданию

В связи с изданием в Советском Союзе этой книги о революции 18 марта 1871 года, в ходе которой трудящиеся Парижа, по прекрасному выражению Карла Маркса, поднялись «на штурм неба», я хотел бы выразить великому советскому народу чувства благодарности и братской любви, которые питает к нему рабочий класс, народ Франции.

Когда Маркс в письме к Кугельману от 12 апреля 1871 года писал о парижских коммунарах как о людях, «готовых штурмовать небо», он хотел подчеркнуть этим грандиозный характер их борьбы, направленной на достижение целей, трудно осуществимых в объективных и субъективных условиях той эпохи. Но эти бои возвестили — и с какой силой! — о появлении на авансцене истории новых социальных сил, призванных изменить облик мира.

Если в 1871 году «штурм неба» был только образным выражением, исполненным восхищения героями и веры в будущее, то ныне, когда идеи, за которые сражались и умирали бойцы Коммуны, восторжествовали на обширной части земного шара, дело обстоит совершенно иначе. Спутники, лунники, космические ракеты отправились на штурм неба. 12 апреля 1961 года, то есть ровно через 90 лет после того, как Карл Маркс писал о «штурме неба», прославляя борьбу, начатую парижскими революционерами, первый в мире космонавт, советский коммунист Юрий Гагарин, преодолев земное притяжение, облетев Землю, а затем вернувшись на нее, вписал навеки памятную дату в историю человечества.

Этот подвиг, за которым 6 августа 1961 года последовал подвиг Германа Титова, облетевшего 17 раз

вокруг Земли, открыл перед человечеством новые перспективы в деле покорения сил природы. Он показал превосходство социалистической системы над системой капиталистической.

Подвиги советских космонавтов были совершены благодаря рабочим, техникам, ученым великого Советского Союза, который, осуществив под руководством своей славной коммунистической партии Великую Октябрьскую социалистическую революцию 1917 года, взял реванш за поражение Парижской Коммуны. После этого в СССР были достигнуты огромные успехи, построен социализм, и советские люди приступили к осуществлению программы строительства коммунизма.

В. И. Ленин глубоко изучил историю Парижской Коммуны и, продолжая дело Карла Маркса, извлек из ее опыта важные уроки для международного революционного рабочего движения, для разработки революционной стратегии, которая обеспечила победу в Октябре 1917 года.

Во время своего пребывания в Париже Ленин неоднократно приходил поклониться Стене федератов, у подножия которой были расстреляны последние защитники Коммуны, сражавшиеся до конца среди могил кладбища Пер-Лашез.

Изучая героическую попытку, предпринятую в 1871 году трудящимися Парижа, и извлекая уроки из слабых сторон Парижской Коммуны как в области идеологии, так и в области тактики, Ленин сделал выводы огромной важности для мирового рабочего движения и для подготовки октябрьской победы 1917 года.

Эта социалистическая революция стала отправной точкой всех тех поразительных преобразований, которые совершились в мире и привели к возникновению могучего лагеря социалистических стран, насчитывающего миллиард человек, к значительному усилению международного рабочего и коммунистического движения, к бурному подъему освободительного движения колониальных и зависимых народов, к созданию обширной зоны мира на земле.

Большие изменения произошли за 91 год! Палачи Парижской Коммуны полагали, что оргия убийств, которую они учинили в дни майской «Кровавой недели» 1871 года, навсегда лишит трудящихся возможности до-

биться победы и взять управление государственными делами в свои руки.

История блестяще опровергла эти претензии «версальцев», вообразивших, что они могут повернуть колесо истории вспять. Об этом свидетельствуют успехи, достигнутые Советским Союзом во всех областях, прогресс, достигнутый мировой социалистической системой, которая становится, как отметило Совещание 81 коммунистической и рабочей партии, состоявшееся в Москве в ноябре 1960 года, «решающим фактором в развитии человеческого общества».

Бойцы Парижской Коммуны пали не напрасно. За них отомстили бойцы Октябрьской социалистической революции 1917 года. Ныне рабочий класс располагает в своей борьбе несравненным идеологическим оружием, которого так сильно недоставало бойцам Парижской Коммуны, — марксистско-ленинской теорией.

Всемирная победа социализма и коммунизма predetermined ходом событий, она свершится и в стране Парижской Коммуны — во Франции, как и во всех других странах. И миллионы мужчин и женщин всех стран мира, исполненные веры в эту победу, приветствуют XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза, вошедший в историю под славным именем «Съезда строителей коммунизма».

Его противникам, которые без конца твердят, что коммунизм порождает конфликт между личностью и обществом, ведет к подавлению индивидуальности человека, история отвечает, что истинная свобода и счастье возможны лишь при том социальном строе, который освобождает человека от гнета и эксплуатации, предоставляет ему широкие демократические права, обеспечивает возможность жить в достойных условиях, дает ему уверенность в завтрашнем дне, раскрывает его индивидуальные способности и таланты, вселяет в него гордое сознание, что он содействует своим трудом благоденствию и прогрессу всего общества. Этот социальный строй — социализм. И из всех ценностей, создаваемых социалистическим строем, самой великой ценностью является новый человек — активный строитель коммунизма.

«Человек красив и славен своим трудом, своими делами, тем, что он создал, что совершил, — говорил на XXII съезде товарищ Никита Сергеевич Хрущев. —

В труде раскрываются способности и таланты людей, гений человека, в труде — бессмертие человечества.

Подготовка человека к трудовой деятельности, трудовая закалка людей, воспитание любви и уважения к труду как к первой жизненной потребности и составляет суть, сердцевину всей работы по коммунистическому воспитанию»¹.

Все в движении общества к коммунизму подчинено человеку, направлено на благо человека. Человек — это слово будет звучать с тем большей силой и гордостью при коммунизме, что народ строит его для своего собственного счастья. Основой изменения общественных отношений и общественного сознания является экономика. Но эволюция общественных отношений, великая преданность человека коммунистическому идеалу, более высокая культура и более широкая инициатива являются необходимым условием экономического прогресса. Подъем культурного уровня всего народа, гармоническое развитие всех людей, яркий пример которых дает нам Советский Союз, являются залогом победоносного строительства коммунизма.

Программа Коммунистической партии Советского Союза указывает, каким образом государство диктатуры рабочего класса превращается в общенародное государство, которое является новым этапом в развитии социалистического государства и исключительно важной вехой на пути, ведущем к преобразованию социалистического государства в коммунистическое общество.

Такие изменения еще небывалого исторического значения требуют мобилизации всех созидательных творческих сил, все более активного участия народных масс в руководстве и в контроле за государственными делами, а это, естественно, означает расцвет социалистической демократии и являет полный контраст с политикой удушения демократии, характеризующей господство капиталистических монополий.

В связи с этой важной проблемой расцвета советской демократии XXII съезд КПСС занялся ликвидацией последствий культа личности Сталина. Этот культ привел к нарушению социалистической законности и злоупотре-

¹ «Материалы XXII съезда КПСС», Госполитиздат, М., 1961, стр. 111.

треблениям, которые имели тяжелые последствия, но отнюдь не изменили социалистической природы советского государства и не смогли помешать народам СССР успешно завершить грандиозные свершения под руководством своей великой коммунистической партии.

XXII съезд КПСС войдет в историю как великий съезд строителей коммунизма. Но перспективы развития коммунизма простираются далеко за пределы Советского Союза, где начато его построение. Они приобретают всемирный характер и касаются трудящихся всего мира, всех народов, помышляющих о своем будущем.

Товарищ Никита Сергеевич Хрущев выразил не только чувства советских коммунистов, но и стремления и надежды трудящихся и передовых людей всех стран, когда заявил на XXII съезде КПСС:

«Могучее, все более ускоряющееся движение к коммунизму сметет все, что является преградой на пути к заветной цели — к построению самого справедливого общества на земле. Это не борьба одних против других, для того, чтобы узаконить господство над ними, это борьба против угнетения, против рабства, против эксплуатации, борьба за счастье всех. Мы твердо верим, что придет такое время, когда дети, внуки тех, кто ныне не понимает и не приемлет коммунизма, будут жить при коммунизме»¹.

Нет сомнения, что именно в этом направлении идет историческое развитие человеческого общества. А так как народы сами творят свою историю, то от французского народа, как и от всех других народов, зависит подготовить свое будущее, не противопоставляя борьбы за его блестящие перспективы борьбе за ближайшие задачи, за решение актуальных проблем, главной из которых является объединение рабочего класса и демократических сил.

Со времени мятежа в Алжире 13 мая 1958 года, который положил начало установлению режима личной власти, произошло еще два мятежа фашистского характера, а именно январский мятеж 1960 года в Алжире и военный путч 22 апреля 1961 года, организованный генералами и некоторыми мятежными полковниками также в Алжире.

¹ «Материалы XXII съезда КПСС», Госполитиздат, М., 1961, стр. 264.

Заговор генералов в Алжире, мечтавших распространить свой мятеж на Францию, показал, что армия, в рядах которой царит кастовый дух, армия, имеющая в своем составе крупные соединения наемников, пользующихся особым почетом и занимающихся преимущественно полицейскими и карательными операциями против колониальных народов, может превратиться в грозную опасность для нации.

Эти военачальники продолжают «традиции» Кавеньяка, который до того, как стать в июне 1848 года палачом парижских инсургентов, служил генералом в Алжире. То же самое было с генералом Сент-Арно, организовавшим расстрелы 2 декабря 1851 года, во время государственного переворота, который подготовил Луи Бонапарт, чтобы стать Наполеоном III. А во время майской «Кровавой недели» 1871 года коммунарам Парижа довелось увидеть за работой Галиффе — генерала с обгабренными кровью руками, который «прославился» своими зверскими действиями против мексиканцев в ходе войны, предпринятой в Мексике Наполеоном III.

Французская коммунистическая партия, наследница славных традиций парижских коммунаров, стоит в первых рядах борцов против мятежников, которые хотят сорвать соглашение о прекращении огня и воспрепятствовать установлению мира в Алжире. Вместе с тем она выступает против тех, кто чинит препятствия политике мира и разоружения, которой ждет народ.

Авторитет и силу придают партии в этой борьбе доверие большинства рабочего класса и значительной части народа Франции, мощь и влияние мирового коммунистического и рабочего движения и всего социалистического лагеря, где торжествуют идеи, во имя которых борется ФКП, где подтверждается созидательная сила марксистско-ленинского учения, принципы которого лежат в основе деятельности Французской коммунистической партии.

Борьба, которую ведут ныне трудящиеся во всем мире, охваченном волнением, в мире, в котором народы сами творят свою историю, является следствием и продолжением тех боев, которые вели наши предки; видное место среди них занимают коммунары Парижа, которым я и посвящаю эту книгу. Я надеюсь, что она будет хорошо встречена советскими читателями. Хочу отметить, что

возглас «Да здравствует Коммуна!», который служил когда-то приветствием прошлому и своего рода вызовом, брошенным будущему, ныне благодаря могучему и дорогому Советскому Союзу, благодаря великой семье социалистических стран уступает место лозунгу победы и веры, лозунгу, объединяющему сотни миллионов людей на всем свете: «Да здравствует Коммунизм!»

ЖАК ДЮКЛО

История не знает еще примера подобного героизма! Пусть сравнят с этими парижанами, готовыми штурмовать небо, холмов германско-прусской священной римской империи с ее допотопными маскарадами, отдающими запахом казармы, церкви, юнкерства, а больше всего филистерства.

Карл Маркс

[К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, М., 1952, т. II, стр. 443—444]

Маркс, назвавший в сентябре 1870 года восстание безумием, в апреле 1871 года, видя народное, массовое движение, относится к нему с величайшим вниманием участника великих событий, знаменующих шаг вперед во всемирно-историческом революционном движении.

В. И. Ленин

[В. И. Ленин, Соч., изд. 5, т. 14, стр. 376]

Это Советский Союз открыл человечеству дорогу в космос. Искусственная планета, которая вращается вокруг солнца, ракета, которая достигла луны, ракета, которая сфотографировала ее невидимую сторону, — несут на себе в бесконечные просторы космоса пролетарскую эмблему — серп и молот. Маркс писал о наших прадедах — коммунарах, что они штурмовали небо. Это было образное выражение. Но теперь его можно употребить в буквальном смысле слова, когда речь заходит о подвигах великой Советской Коммуны.

Морис Торез

Ее убили, озлобясь,
Картечью и штыками
И, с ног свалив, втоптали в грязь,
И в грязь втоптали знамя...
Пируют палачи вокруг,
Глумясь над жертвой юной...
Но жив мой дух,
Коммуны дух:
Не умерла Коммуна!

Эжен Потье

Введение

Девяносто лет тому назад трудящиеся Парижа, «штурмуют небо» (по прекрасному выражению Карла Маркса), создали в столице Франции первое рабочее правительство. Эта новая власть просуществовала только 72 дня. Она не успела осуществить все то, что задумала. Но, несмотря на кратковременность своего существования, Парижская Коммуна явилась предвестницей того нового мира, который на наших глазах утверждается в громадной части мира, пока он не заменит повсюду капиталистическую систему, подорванную внутренними противоречиями, обреченную ходом событий и бесповоротно осужденную историей.

Парижские коммунары 1871 года вписали славные страницы в историю международного рабочего движения, и французский рабочий класс по праву гордится этим.

Правящие круги окружают стеной молчания и забвения героическую эпопею Парижской Коммуны. В школьных учебниках и в целой серии реакционных книг ее изображают «преступным мятежом». А некоторые идеологи искажают ее сущность и изображают ее каким-то «революционным мифом», желая помешать трудящимся Франции изучать битвы прошлого и черпать в борьбе коммунаров образцы мужества и твердую веру в конечную победу социализма.

Когда я еще совсем молодым человеком прибыл в Париж из своего родного города и в 1914 году впервые принял участие в манифестации у Стены федератов, я знал о Парижской Коммуне только те клеветнические измышления, которые нам преподносили в школе. Охваченный любопытством, а затем волнением, смотрел я на

старых парижан, слышал, как они со слезами на глазах кричали: «Да здравствует Коммуна!», когда проходили ветераны боев 1871 года во главе с Эдуаром Вайяном, который был, как я узнал в тот день, министром просвещения Коммуны.

Я писал эти страницы, желая отдать дань уважения бойцам первой пролетарской революции, в надежде, что моя книга поможет лучше ознакомиться с борьбой коммунаров и извлечь из нее полезные уроки для нынешних боев. Я стремился пронизать эти страницы уважением и любовью к коммунарам, непоколебимой уверенностью в конечной победе великого дела, за которое сражались и умирали герои Парижской Коммуны.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Подъем рабочего движения

От баррикад 1830 года до боев лионских ткачей. — От февральской революции 1848 года до июньской бойни и государственного переворота 2 декабря 1851 года. — Организация рабочего движения. — Усиление борьбы рабочих. — Преследование членов Интернационала. — Вторая империя бросается в военную авантюру

Парижская Коммуна 1871 года впервые в политической жизни народов выдвинула рабочий класс на авансцену истории и создала правительство нового типа, коренным образом отличавшееся от всех предшествующих правительств. Эта революция не может быть понята и объяснена без изучения тех исторических условий, в которых она возникла и продолжалась 72 дня, завещав трудящимся всего мира пример огромной важности.

Известно, что у марксизма были следующие три источника: немецкая философия, английская политическая экономия и французский социализм. Не подлежит сомнению, что французское социалистическое движение, значение которого в разработке теории научного социализма было отмечено Карлом Марксом, сыграло значительную роль не только в развитии событий, приведших к восстанию 18 марта 1871 года в Париже, но и в усилении социальной сущности Парижской Коммуны по мере развития ее борьбы против версальцев.

В первые десятилетия XIX века вместе с развитием капитализма рос и рабочий класс. В то же время благодаря Фурье и Сен-Симону развивались и социалистические теории, разумеется утопические, но все же отражавшие то новое, что появилось в экономической жизни Франции. Лишенные права ассоциаций законом Ле Шапелье, который революционная буржуазия конца XVIII века

использовала как оружие для защиты существовавшего строя, трудящиеся поднимались отныне против своих эксплуататоров как самостоятельная сила, выдвигая свои собственные требования.

В 1830 году, во время «трех славных дней», буржуазия использовала силы рабочих, народа, чтобы свергнуть правительство Карла X, ордонансы которого против печати сделали его крайне непопулярным¹. Известно, что надежда на установление новой республики, которая воодушевляла бойцов в июле 1830 года, была сведена на нет интригами орлеанистов², присвоивших плоды этой революции.

Александр Дюма (отец), участвовавший в июльских боях 1830 года, с гневом писал об этих маневрах орлеанистов, вскрывая глубокую пропасть, существовавшую между теми, кто сражался, и теми, кто использовал в своих интересах борьбу народных масс.

«Революция 1830 года совершена.

Она совершена, говорим мы и повторяем, пишем и гравирруем, если понадобится, на железе и меди, бронзе и стали; совершена, но отнюдь не теми осторожными актерами 15-летней комедии, которые прятались за кулисами в то время, как народ разыгрывал кровавую драму трех дней; не Казимирами Перье, Лаффитами, Бенжаменами Констанами, Себастиани, Гизо, Могенами, Шуазелями, Одилонами Барро и тремя Дюпенами³. Нет! Эти последние, как мы уже говорили, держались даже не за кулисами — это было бы слишком близко от спектакля! — они сидели дома, тщательно спрятавшись, закрывшись на все замки. Нет, они никогда не смели и помыслить о чем-либо ином, кроме легального сопротивления, и даже после взятия Лувра и Тюильри все еще обсуждали в своих салонах выражения протеста,

¹ Огромное недовольство вызвал и ордонанс, предоставлявший избирательные права одним только крупным землевладельцам, то есть в основном дворянской аристократии. — *Прим. ред.*

² Так называли сторонников герцога Орлеанского, главы младшей ветви Бурбонов, который после падения Карла X стал конституционным монархом под именем Луи Филиппа I.

³ Руководящие деятели умеренно-либеральной буржуазии и буржуазной интеллигенции периода Реставрации. — *Прим. ред.*

ибо некоторые из них находили их слишком рискованными.

Революцию 1830 года совершила пылкая молодежь героического пролетариата, которая, правда, зажигает пожар, но и тушит его своей кровью. Ее совершили люди из народа, которых отстраняют, когда дело сделано; босые, умирающие от голода, выстояв на часах у дверей казначейства, они тянутся, чтобы увидеть с улицы паразитических гостей новой власти, приглашенных на пир, на дележ постов, чинов и почестей.

Люди, совершившие революцию 1830 года, — это те самые люди, которые два года спустя пали за то же дело у Сен-Мерри¹.

Однако на этот раз их называли иначе — именно потому, что они не изменили своим принципам: вместо того чтобы назвать их героями, их стали называть мятежниками».

После установления Июльской монархии банкир Лафит мог торжествующе воскликнуть: «Отныне господствовать будут банкиры». На сцене появились новые политические руководители буржуазии, отличавшиеся цинизмом, алчностью и жестокостью. Это было возвышение Тьеров, Казимиров Перье, Гизо и их собратьев.

Рабочие ассоциации были запрещены; только несколько профессиональных обществ взаимопомощи возникло в период Реставрации, но они могли существовать только под строжайшим надзором властей, лишь заявив о своей лояльности. В царствование Луи Филиппа к этим обществам взаимопомощи добавились «общества сопротивления», которые старались защитить расценки от попыток предпринимателей снизить заработную плату.

Так, например, в Лионе заработок рабочих-шелкоткачей, которые при Карле X получали от 4 до 6 франков за 13-часовой рабочий день, сократился по меньшей мере на 1 франк (за 18-часовой рабочий день). Поэтому понятно, что одно из важнейших «обществ сопротивления»

¹ Имеется в виду восстание республиканцев в Париже 5—6 июня 1832 года, жестоко подавленное правительством Июльской монархии. — *Прим. ред.*

той эпохи — лионское общество «Взаимного долга» («Devoir mutuel») сыграло решающую роль в восстании ткачей в 1831 году.

Экономический кризис вызвал крах старой организации производства в лионской ткацкой промышленности, и трудящиеся оказались жертвами процесса модернизации капиталистического производства. Для этих рабочих, которые не были еще затронуты пропагандой социалистических идей, дело шло не столько о преобразовании общества, сколько о защите их права на жизнь и улучшении их плачевной судьбы.

Они требовали установления твердого минимума заработной платы, который позволил бы им существовать. Было даже достигнуто компромиссное соглашение между представителями хозяев и делегатами рабочих. Но предприниматели дезавуировали своих представителей, создав тем самым предпосылки для применения силы. Хозяева держались тем более непримиримо, что они чувствовали свою силу ввиду военных приготовлений, которые были осуществлены по их просьбе. Некоторые из этих эксплуататоров, говоря о рабочих, которых они обвиняли в предъявлении чрезмерных требований, не стесняясь, заявляли: «Если у них пустой желудок, мы набьем его штыками».

21 ноября 1831 года лионские ткачи собрались в Круа-Русс¹. Двинутая против них национальная гвардия тщетно пыталась задержать их. Массы рабочих спустились по направлению к центру Лиона со знаменами, на которых они начертали знаменитый лозунг: «Жить работая или умереть сражаясь».

Префект департамента Рона и генерал, командовавший карательными силами, применили тактику, которую Тьер снова пустил в ход в 1871 году против Парижской Коммуны. Они покинули Лион и вернулись в него с армией, которой командовал маршал Сульт. Эта армия приступила к тому, что называют «восстановлением порядка». Но движение лионских ткачей навсегда останется вписанным в историю французского рабочего движения, как первое массовое выступление пролетариев против их эксплуататоров — капиталистов.

¹ Название одного из рабочих предместий Лиона, — *Прим. ред.*

Восстание лионских ткачей оказало большое влияние на развитие борьбы против Июльской монархии, борьбы, в ходе которой был установлен союз между республиканской мелкой буржуазией и рабочим классом. Именно в этих условиях в июне 1832 года была организована манифестация по случаю похорон генерала Ламарка, главы республиканской группы в палате депутатов. Эта манифестация переросла в восстание, и на какой-то момент Париж оказался в руках восставших. Виктор Гюго отобразил это восстание в «Отверженных», и именно на фоне этих событий он вывел своего бессмертного Гавроша.

В 1834 году в Лионе вспыхнуло новое движение. Оно носило более широкий характер, чем в 1831 году, так как общества взаимопомощи ткачей установили контакт с секциями «Общества прав человека и гражданина», состоявшими в большинстве из представителей мелкой и средней буржуазии.

Закон об ассоциациях нанес удар корпоративным обществам (взаимопомощи и «сопротивления») и политическим организациям: этот закон распространялся на объединения, насчитывавшие 20 и более человек, даже если они были разделены на более малочисленные группы, и, кроме того, предусматривал серьезные наказания (штрафы, полицейский надзор, тюремное заключение). Эти суровые предписания вызвали негодование народа. 9 апреля 1834 года в Лионе завязались бои, которые продолжались в течение пяти дней. Чтобы усмирить Круа-Русс, правительство бросило против восставших 15-тысячное войско; число убитых достигло 1200 человек.

Под влиянием возмущения, вызванного лионской резней, взялись за оружие и парижские секции «Общества прав человека и гражданина». Зловещий Тьер, бывший тогда министром внутренних дел, организовал подавление восстания. Он прибег к чрезвычайно жестоким мерам, бросив «силы порядка» (весьма модное ныне выражение) на штурм домов, обитатели которых были перебиты в своих жилищах. Особенно гнусной была резня на улице Транснотен. Домье своей знаменитой литографией, названной «Улица Транснотен» и изображающей одну из жертв Тьера, уже тогда заклеил несмываемым позором этого злодея, преступления которого в 1834 году были как бы прелюдией к его преступлениям 1871 года.

Если после 1831 года рабочие часто выступали вместе с мелкой буржуазией, то июньское восстание 1848 года ясно показало рост сил пролетариата и специфический характер требований рабочего класса.

Февральская революция 1848 года, свергнув Июльскую монархию, которая не обеспечивала промышленной буржуазии той власти, какая соответствовала бы ее действительной мощи, заставила считаться с силой рабочего класса, с растущим влиянием социалистических идей среди трудящихся. Вот почему буржуазная республика, рожденная этой революцией, позаботилась о том, чтобы окружить себя ввиду возросшей силы пролетариата «социальными учреждениями», и стала много говорить о положении трудового люда, ничего не делая фактически в этом направлении.

В этих условиях один рабочий был избран членом Временного правительства и была учреждена Люксембургская комиссия во главе с Луи Бланом и рабочим Альбером, которой была поручена «организация труда». Луи Блан изображал деятельность Люксембургской комиссии в идиллическом свете. Согласившись стать председателем этой комиссии, он заявил:

«Доказано, что те, кого называли мечтателями, управляют отныне обществом. Люди, никем не признаваемые, сделались вдруг людьми необходимыми»¹.

Делегаты проливали, вероятно, слезы умиления, слушая эти слова, но представителей хозяев еще не было там, а с ними идиллия не могла быть долговечной. «Теоретические» дискуссии в Люксембургском дворце были использованы правительством для отвода глаз, ибо оно

¹ В. И. Ленин писал о Луи Блане: «Французский социалист Луи Блан в революцию 1848 года печально прославил себя тем, что с позиции классовой борьбы перешел на позицию мелкобуржуазных иллюзий, прикрашенных фразеологией якобы «социализма», а на деле служащих лишь укреплению влияния буржуазии на пролетариат. Луи Блан ждал помощи от буржуазии, надеялся и возбуждал надежды, будто буржуазия *может* помочь рабочим в деле «организации труда» — этот неясный термин должен был выражать «социалистические» стремления» (В. И. Ленин, Соч., изд. 4, т. 24, стр. 15).

не приняло никаких конкретных мер в интересах трудящихся. В конце концов стало ясно, что создание этой комиссии было только обманом рабочих. Что же касается обсуждавшихся там «теоретических» проблем, то они были проникнуты духом утопического социализма.

1848 год был годом, когда Карл Маркс и Фридрих Энгельс опубликовали свой бессмертный «Манифест Коммунистической партии». Вскрывая механизм экономических кризисов при капиталистической системе, они писали:

«Каким путем преодолевает буржуазия кризисы? С одной стороны, путем вынужденного уничтожения целой массы производительных сил, с другой стороны, путем завоевания новых рынков и более основательной эксплуатации старых. Чем же, следовательно? Тем, что она prepares более всесторонние и более сокрушительные кризисы и уменьшает средства противодействия им.

Оружие, которым буржуазия ниспровергла феодализм, направляется теперь против самой буржуазии.

Но буржуазия не только выковала оружие, несущее ей смерть; она породила и людей, которые направят против нее это оружие, — современных рабочих, *пролетариев*»¹.

Вот эти-то пролетарии и выступили в июньские дни 1848 года. Чтобы справиться с безработицей, Временное правительство республики решило создать национальные мастерские, то есть повторить то, что уже было сделано в 1789 и в 1830 годах.

Эти национальные мастерские были созданы до образования Люксембургской комиссии. Они находились в ведении министра общественных работ Мари, одного из злейших врагов социализма. По мысли этого деятеля, национальные мастерские должны были дискредитировать саму идею социализма, приведя к разбазариванию государственных средств. Для достижения этой цели труд рабочих, которых собирались направить на бесполезные, бессмысленные работы, должен был оплачиваться по крайне низким расценкам, чтобы возбудить их недовольство.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 430.

Число рабочих, занятых в национальных мастерских, составляло в начале марта 1848 года 17 тысяч, а в начале апреля — уже 49 тысяч. Оно достигло 100 тысяч к 15 мая, когда трудящиеся Парижа ворвались в Национальное учредительное собрание и предприняли попытку выступления, которое привело к разрыву между рабочим классом и мелкой буржуазией. В этот же день после выступления (которое было в какой-то мере предвестником июньских дней) Гарнье-Пажес¹ заявил: «Нам нужна республика твердая, честная, умеренная».

С этого момента буржуазия стала ориентироваться на роспуск национальных мастерских, доступ в которые для рабочих был затруднен. Рабочих, которые не являлись уроженцами Парижа, решено было выслать в Солонь под лживым предлогом проведения земляных работ. И в завершение всех этих мер 21 июня был издан декрет об увольнении из национальных мастерских всех холостых рабочих, которым предоставили право выбирать между безработицей и зачислением в армию.

Парижские рабочие были таким образом спровоцированы на восстание. Борьба началась 23 июня, а на следующий день, 24 июня, баррикады были воздвигнуты на всем пространстве от улицы Сен-Дени до улицы Сент-Антуан и вокруг Пантеона. Что касается правящих кругов, то Исполнительная комиссия подала в отставку, а генерал Кавеньяк, который «отличился» в войне против алжирцев, собирался установить свою кровавую диктатуру.

Крупные военные силы были брошены против парижских инсургентов, которые сражались с изумительным мужеством. Три генерала — Бреа², Дювивье и Негрие — были убиты в ходе уличных боев, которые буржуазия вела с небывалой жестокостью. Одна брюссельская буржуазная газета, «*Indépendance belge*», писала: «Это война на истребление». Кавеньяк использовал картечь, снаряды, зажигательные бомбы. Он приказал никого не щадить на взятых штурмом баррикадах. Он вел войну против рабочих Парижа теми же методами, что и в Ал-

¹ Министр финансов Временного правительства, а затем член Исполнительной комиссии, близкий к кругам крупных финансистов. — *Прим. ред.*

² Нам еще придется говорить об этом генерале в связи с одним решением Парижской Коммуны.

жире. Но, несмотря на чрезвычайные средства, к которым он прибег, Кавеньяку удалось покончить с восстанием только 26 июня.

Говоря об этом восстании, которое составило эпоху в истории международного рабочего движения, Фридрих Энгельс писал о парижских рабочих:

«Сорок тысяч рабочих сражались четыре дня с противником, превосходившим их вчетверо, и были на волосок от победы. Еще немного — и они закрепились бы в центре Парижа, взяли бы ратушу, учредили бы временное правительство и удвоили бы свою численность как за счет населения захваченных частей города, так и за счет мобильной гвардии, которой нужен был тогда лишь толчок, чтобы перейти на сторону рабочих»¹.

Это восстание парижских рабочих открыло новую главу в истории французского революционного движения. Оно внесло уточнение в самое понятие социализма, установив необходимое разграничение между домарксовскими социалистическими теориями, которые игнорировали основную идею классовой борьбы между пролетариями и их эксплуататорами, и научным социализмом Маркса и Энгельса.

Ленин писал по этому поводу:

«Революция 1848 года наносит смертельный удар всем этим шумным, пестрым, крикливым формам домарксовского социализма. Революция во всех странах показывает *в действии* разные классы общества. Расстрел рабочих республиканской буржуазией в июньские дни 1848 года в Париже окончательно определяет социалистическую природу *одного* пролетариата... Все учения о *неклассовом* социализме и о *неклассовой* политике оказываются пустым вздором»².

Подавление восстания парижских рабочих в июне 1848 года сыграло на руку цезаризму и облегчило избрание Луи Бонапарта против Кавеньяка³. В момент своего

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 5, стр. 158.

² В. И. Ленин, Соч., изд. 5, т. 23, стр. 2.

³ На президентских выборах 10 декабря 1848 года. — *Прим. ред.*

провозглашения президентом республики тот, кому предстояло вскоре стать Наполеоном III, с похвалой отзывался о Кавеньяке,

«поведение которого, — как заявил он, — было достойно его честной натуры и того чувства долга, кое является первейшим качеством главы государства».

Будущий убийца 2 декабря 1851 года воздал таким образом должное палачу июньского восстания 1848 года. И в то время, как он говорил о необходимости «основать республику всеобщего благоденствия», он уже помышлял, несомненно, о государственном перевороте, который должен был сделать его императором.

В конечном счете враждебная рабочим политика республиканской буржуазии подготовила гибель республики и позволила установить Вторую империю, которая привела Францию к Седану¹. Прошло несколько лет, прежде чем рабочему классу, которому в июне 1848 года был нанесен жестокий удар, удалось восстановить свои силы и подготовиться к новым боям.

*

С развитием капитализма, которое характеризует период Второй империи, численность рабочего класса заметно увеличилась. Именно во времена Второй империи крупная промышленность укрепила свои позиции во Франции и умножилось число заводов, на которых были заняты сотни и тысячи рабочих. Именно в это время был создан пресловутый «Комите де Форж»², который сохранял это наименование вплоть до второй мировой войны.

Однако, несмотря на концентрацию промышленности и значительные успехи крупной промышленности, мелкое производство сохраняло, бесспорно, большое значение во французской экономике. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1870 году 60 процентов рабочих и работниц Франции было занято на мелких предприятиях.

¹ Сдача в плен 83-тысячной французской армии во главе с Наполеоном III немецким войскам при Седане (2 сентября 1870 года) явилась настоящей катастрофой для Франции в войне 1870—1871 годов. — *Прим. ред.*

² Объединение предпринимателей французской черной металлургии. — *Прим. ред.*

В Париже, где эта форма производства оказывала более упорное сопротивление, чем в провинциальных индустриальных районах, также наблюдалось известное развитие крупной промышленности.

В 1870 году численность рабочих столицы составляла примерно 550 тысяч человек, в то время как общее число жителей Парижа достигало приблизительно 1900 тысяч человек. На крупных заводах, в частности машиностроительных и оружейных, было занято от 1500 до 2 тысяч рабочих. Количество предприятий, насчитывавших сотни рабочих, также значительно возросло. Но оставалось все же много мелких мастерских и большое число рабочих и работниц, работавших на дому.

Внутренняя торговля Парижа, который в 1860 году расширился за счет присоединения коммун, расположенных внутри крепостной стены, таких, как Монмартр, Бельвиль, Менильмонтан, Гренель и т. д., лежащих за кольцом Внешних бульваров, развивалась исключительно быстрыми темпами. В эту эпоху были созданы такие крупные магазины, как «Бон маршэ», «Лувр», «Бельжардиньер», «Прэнтан», «Самаритэн», что было сделано, разумеется, за счет владельцев мелких лавочек. Эмиль Золя изобразил их трудности и тревоги в своем романе «Дамское счастье».

К этому же периоду относится и «османизация» Парижа. Барон Осман, префект департамента Сена, известный делец, проложил большие парижские авеню, которые оказались, впрочем, недостаточно широкими для современного уличного движения. Без сомнения, разрабатывая этот план перестройки Парижа, Осман хотел уничтожить те узкие улицы, на которых так легко было возводить баррикады. Память об июньских днях 1848 года еще была жива, и страх перед рабочими Парижа сыграл известную роль в осуществлении политики барона Османа. Кроме того, осуществление этого плана благоприятствовало огромному размаху спекуляций недвижимостью, и Осман не зевал при этом.

В своем романе «Добыча» Эмиль Золя показал, как обогатилась в результате этих спекуляций горстка дельцов, которые за бесценок скупали старые дома и добивались затем их реквизиции государством, что позволило им перепродать их по цене в 20 или 30 раз более высокой, чем та сумма, которую они уплатили за них.

Но спекуляция на бирже оставила далеко позади спекуляцию недвижимостью. Шарлатанство и мошенничество лежали в основе многих крупных состояний. Вторая империя весьма благоприятствовала обогащению банковской олигархии, крупной промышленной и торговой буржуазии.

Именно в эту эпоху были основаны Лионский кредит и Генеральное общество (Сосьете женераль), а Французский банк открыл свои отделения в каждом департаменте.

Карл Маркс писал об этой эпохе казнокрадства и продажности, когда скандально огромные состояния вырастали как грибы:

«Вся мерзость капиталистического строя, внутренние тенденции которого получили полный простор, беспрепятственно выступила наружу»¹.

Вышедшая из государственного переворота, субсидированного деловыми кругами, Вторая империя управлялась на основе авторитарной конституции 1852 года. Это не мешало Наполеону III утверждать, что его правление является воплощением законности и национального суверенитета.

Характерными чертами императорского режима были военный деспотизм, политический гнет и вмешательство духовенства в государственные дела. Вскоре после своего вступления на престол Наполеон III провозгласил свой знаменитый лозунг: «Империя — это мир». Этот лозунг, без всякого сомнения, обманул многих французов. Но в действительности империя вела непрерывные войны — в Крыму, в Италии, в Мексике, не говоря уже о кампаниях в Кабилии, в южном Алжире, в Сенегале, в Китае, Индокитае и Сирии.

Такая политика должна была привести к росту государственного долга (который увеличился с 5516 миллионов франков до 12 454 миллионов) и, как следствие, к усилению налогового бремени, тяготевшего над страной.

Ввиду растущей непопулярности авторитарной империи в 1860 году был поднят вопрос о ее преобразовании в «либеральную империю». Это нисколько не изменило сущности режима; принятые тогда меры привели лишь

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 17, стр. 600.

к невероятному смешению деспотизма с неким подобием парламентских свобод.

Оппозиция режиму Второй империи продолжала усиливаться. Социальная сущность этой оппозиции изменилась по сравнению с периодом, непосредственно следовавшим за государственным переворотом 2 декабря 1851 года.

Рабочий класс, который был страшно ослаблен июньским кровопусканием 1848 года, мало-помалу восстанавливал свои силы. Он стал более многочисленным в результате капиталистического развития и начал осознавать свою силу и вместе с тем свои собственные интересы. И вскоре рабочий класс стал решающим фактором оппозиции бонапартистскому режиму.

Уже в первые годы Второй империи, в условиях быстрого развития капитализма, имели место многочисленные стачки. Но рабочие, находясь под влиянием течений, проповедовавших отказ от политической борьбы, очень часто возлагали ответственность за свое положение исключительно на хозяев и не ставили вопроса об ответственности императорского режима.

В этот период трудящиеся восставали против обнищания, жертвами которого они были. Делегаты парижских рабочих на международной выставке 1862 года разоблачали усиление капиталистической эксплуатации, которое проявлялось в снижении заработной платы.

Язва безработицы поразила всю Францию. Согласно статистическим данным того времени, в 1866 году в Париже насчитывалось 120 тысяч официально зарегистрированных нищих.

Зимой 1868/69 года их было 15 тысяч в XVIII округе, 12 тысяч в XX округе и почти такое же положение было в XI, XII, XIV, XVII и XIX округах.

Период Второй империи был отмечен также значительным повышением квартирной платы. Таким путем имущие классы заставляли трудящихся оплачивать расходы по перестройке Парижа и больших провинциальных городов.

Таким образом, в результате концентрации промышленности, роста эксплуатации и угнетения, которым подвергался рабочий класс, он все более и более проявлял себя как сила, оппозиционная императорскому режиму, с которой последнему приходилось считаться,

Империя не обманывалась на этот счет, и поэтому подвергала рабочих беспощадным репрессиям. Она обрушивала свои удары и на другие слои населения: на ремесленников, крестьян, интеллигенцию и на те группы буржуазии, интересы которых сталкивались с интересами крупных финансовых тузов, хозяев власти.

Оппозиция империи все возрастала. Если кандидаты республиканской оппозиции добились успехов на выборах, то это произошло в значительной мере благодаря поддержке трудящихся. Классовое самосознание последних все более усиливалось. Они уже начинали критиковать колебания, непоследовательность, антирабочую позицию депутатов-республиканцев, избрание которых они обеспечили. Это было явным признаком поворота трудящихся в сторону политической борьбы.

В 1864 году в связи с дополнительными выборами в Париже группа парижских рабочих выдвинула в письме, которое получило название «Манифеста шестидесяти», кандидатуру Толена. В этом письме можно было найти такие слова:

«Нам без конца твердят: «нет больше классов; с 1789 года все французы равны перед законом». Но мы, не имеющие иной собственности, кроме своих рук... мы утверждаем, что равенство, провозглашенное законом... еще должно быть осуществлено на деле».

На выборах в Законодательный корпус 1869 года, несмотря на избирательные подлоги и махинации, оппозиция императорскому режиму добилась значительного успеха: ее кандидаты собрали 3 258 877 голосов против 4 477 720 голосов, поданных за кандидатов правительства.

Успех оппозиции на выборах в 1869 году сопровождался значительным ростом рабочего движения, образованием многочисленных секций Интернационала. За расстрелом рабочих в Ла-Рикамари (департамент Луара) 16 июня последовал расстрел рабочих в Обене (департамент Аверон) 8 октября. В течение этого периода, а также в 1870 году сильное стачечное движение развернулось также в Париже, Сен-Кантене, Фуршамбо (департамент Ньевр), в Марселе, Руане, Лионе, Бордо, Нанте, равно как и в некоторых других городах, в частности

в Крезе, где борьба против Шнейдера, председателя Законодательного корпуса, была особенно ожесточенной¹.

Многочисленные признаки свидетельствовали о том, что между империей и народом выросла пропасть. Показателем такого положения вещей явилась мощная демонстрация народных масс в связи с похоронами республиканского журналиста Виктора Нуара, убитого в январе 1870 года двоюродным братом императора принцем Пьером Бонапартом.

8 мая 1870 года состоялся плебисцит по вопросу о «либеральной империи»². Наполеон III надеялся таким путем укрепить свое пошатнувшееся положение. Результаты плебисцита не могли отразить действительного устроения французского народа, так как этот способ народного опроса был лицемерен, лжив и обеспечивал большинство тем, кто его организовал. Тем не менее результаты плебисцита показали, особенно в Париже, сколь велика оппозиция императорскому режиму. В столице из 405 тысяч человек, участвовавших в плебисците, только 138 тысяч сказали «да», 184 тысячи ответили «нет», а 83 тысячи воздержались. Как и департамент Сена, департамент Буш-дю-Рон проголосовал в своем большинстве против империи. И все же Наполеон III получил большинство: 7358 тысяч сказали «да» против 1572 тысяч, ответивших «нет», и 1804 тысяч воздержавшихся.

А между тем бывший республиканский депутат Эмиль Оливье, ставший министром Наполеона III, использовал все средства, чтобы уничтожить оппозицию. 30 апреля, то есть за восемь дней до плебисцита, он приказал арестовать сторонников Интернационала. В циркуляре, адресованном генеральным прокурорам, он приказал арестовать членов этой организации и «привлечь к ответственности

¹ Барон Эжен Шнейдер являлся одновременно и видным сановником Второй империи и крупным капиталистом, владельцем металлургических заводов в Крезе. — *Прим. ред.*

² 20 апреля правительство Наполеона III опубликовало текст новой, более либеральной конституции. Декретом от 23 апреля французскому народу было предложено путем плебисцита ответить на вопрос: «одобряет ли он либеральные реформы, вводимые императором в конституцию с 1860 года при содействии высших государственных органов, и ратифицирует ли он сенатус-консульт от 20 апреля 1870 года? Утвердительный ответ означал одобрение всей политической системы Второй империи и поддержку правительства Наполеона III. — *Прим. ред.*

газеты, которые будут призывать к гражданской войне или оскорблять императора». Действуя таким образом, он хотел запугать некоторые слои буржуазии, враждебные империи, но боявшиеся размаха рабочего движения, и помешать им голосовать вместе с трудящимися против империи. К этому методу постоянно прибегают те, кто заинтересован в расколе трудящихся и стремится воспрепятствовать сплочению сил рабочих и демократов.

К тому же накануне того дня, когда Эмиль Оливье рассылал свой пресловутый циркуляр, то есть 29 апреля, приговор, вынесенный незадолго до этого (20 марта) членам парижского бюро Интернационала, был подтвержден апелляционным судом. Среди осужденных был Камелина, который стал затем директором Монетного двора при Коммуне и умер в 1932 году членом Французской коммунистической партии.

Обвинительные приговоры, вынесенные 20 марта и подтвержденные 29 апреля, не помешали французским секциям Интернационала продолжать под руководством Эжена Варлена свою активную деятельность и осуществить свою реорганизацию. Парижские секции объединились в федерацию¹, и встал вопрос о создании общенациональной федерации, которая объединила бы секции Интернационала, существовавшие в Париже, Лионе, Марселе, Руане, Бресте и в других крупных городах.

Организации Интернационала приняли активное участие в кампании против плебисцита. Тогда императорское правительство решило нанести им решительный удар, возбудив новое преследование против их руководителей, в том числе против Эжена Варлена.

Третий процесс Интернационала, открывшийся 22 июня 1870 года, произвел глубокое впечатление на трудящихся Парижа. Среди публики, присутствовавшей на заседаниях суда, было много рабочих; обвиняемые мужественно отстаивали свои убеждения перед лицом суда. Выступления обвиняемых показали, что хотя влияние мелкобуржуазных идей Прудона во французском рабочем движении было еще довольно сильным, однако идеи научного социализма Маркса и Энгельса уже проклады-

¹ Кроме парижской федерации, во Франции имелись в это время еще три федерации Интернационала — руанская, лионская и марсельская. — *Прим. ред.*

вали себе дорогу. В самом деле, судьям было заявлено, что Международное Товарищество Рабочих борется не только за увеличение заработной платы, но за ликвидацию самой системы наемного труда.

Процессы против Интернационала и многочисленные аресты рабочих деятелей, проведенные по всей Франции, показали истинное лицо «либеральной империи». Прибегая то к демагогии, то к репрессиям, она пыталась убедить всех, что она заботится о положении рабочих, а между тем полиция преследовала их ассоциации. С одной стороны, статья 1781 Гражданского кодекса обеспечивала хозяевам подлинно неограниченную власть¹, а с другой стороны, империя предпринимала некоторые шаги в духе патернализма. Она поощряла создание обществ взаимопомощи под своим контролем, предоставляла промышленникам субсидии на строительство жилищ для рабочих. Кроме того, законом 1864 года рабочим была предоставлена свобода коалиций, что явилось важной победой рабочего движения. Стачка сама по себе не рассматривалась больше как преступление². Но по мере того, как положение Второй империи ухудшалось, она проявляла все большую ненависть к рабочему классу.

В то же время действия правительства показали, чего стоят на деле бонапартистские лозунги о «национальном единстве». Императорское правительство, претендовавшее на то, что оно стоит над классами, в период своего загнивания проявляло себя самым наглядным образом как правительство эксплуататорских классов, враждебное эксплуатируемым.

Но в этот период умонастроение рабочего класса было уже иным: июньское поражение 1848 года представлялось событием далекого прошлого, а ненависть к бонапартистскому режиму сочеталась с горячим стремлением к социальным преобразованиям.

Секции Интернационала подвергались преследованиям, потому что они были первой политической организацией

¹ Эта статья гласила, что в случае конфликтов между предпринимателями и рабочими по вопросу заработной платы суд должен был при вынесении решения основываться на заявлениях предпринимателей. — *Прим. ред.*

² Закон, изданный в мае 1864 года, отменил закон Ле Шапелье 1791 года о запрещении коалиций. Однако фактически участники стачек продолжали подвергаться преследованиям и после отмены закона Ле Шапелье. — *Прим. ред.*

рабочего класса, потому что они защищали интересы и выражали стремления трудящихся.

Однако в тот период рабочее движение находилось под влиянием различных идеологических течений, и одной из характерных черт рабочего класса той эпохи был недостаток идеологического единства. Французские секции находились под влиянием прудонистских идей, враждебных политической организации рабочего класса и проведению независимой классовой политики. Карл Маркс, говоря о Прудоне, которого он называл «социалистом Второй империи», указывал, что его политика приводила к идеализации мелкой буржуазии¹.

Преследуя трудящихся, императорское правительство в то же время проводило такую авантюристическую внешнюю политику, что она неизбежно должна была привести к франко-прусской войне 1870 года.

8 июля 1870 года парижская организация Интернационала была объявлена распущенной. В тот же день австрийский посол князь Меттерних сообщал: «Я нашел императрицу столь воинственно настроенной и желающей войны, что не мог удержаться, чтобы не подшутить немного над ней».

19 июля война была объявлена. Эта война, которую министр Эмиль Оливье, по его собственному признанию, встретил «с легким сердцем», должна была привести Вторую империю, вышедшую из насильственного переворота, к позору Седана и полному краху.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXV, стр. 486.

ГЛАВА ВТОРАЯ

От страха перед народом к национальной измене

Седанская капитуляция — следствие беспечности Второй империи. — Императорская клика цепляется за власть. — Выступление масс приводит к провозглашению республики. — Лозунг национальной обороны служит прикрытием измены. — Национальное собрание в Бордо как орудие реакции. — Провокации против Парижа множатся. — Создание Центрального комитета национальной гвардии. — Париж накануне восстания

Вторая империя, которая уже имела в своем активе, или, вернее, пассиве, большое число войн, оказалась в 1870 году в положении, которое становилось все более и более затруднительным с точки зрения европейского равновесия.

Италии удалось создать единое государство при поддержке Наполеона III, но в дальнейшем он выступил в роли защитника папы как светского государя¹.

Со своей стороны, Германия также стремилась к единству. Победа Пруссии над Австрией при Садовой² явилась первым шагом на пути реализации политики объединения страны, которой так боялись французские правители, ибо Германия могла превратиться в державу столь же сильную, а то и более сильную, чем Франция.

Прусское правительство знало, что на пути осуществления его планов стоит императорская Франция, и поэтому на всякий случай готовилось к войне. А военная

¹ Французские войска, введенные в Рим еще в 1849 году, а затем вторично в 1867 году, защищали власть папы как правителя Римского государства и отражали все попытки итальянских патриотов во главе с Гарибальди присоединить Рим к объединенной Италии и лишить папу светской власти. Осуществить это удалось только в сентябре 1870 года, после того как французские войска были выведены из Рима. — *Прим. ред.*

² 3 июля 1866 года. — *Прим. ред.*

организация Второй империи оказалась страшно отсталой, несмотря на значительные ассигнования на нужды обороны.

Серьезный анализ международного положения должен был бы убедить императорское правительство в необходимости избегать войны с Северогерманским союзом, возглавляемым Пруссией, но соображения внутренней политики толкали это правительство на военную авантюру. Затевая процесс против Интернационала, Наполеон III уже тогда, то есть в июне 1870 года, решил втянуть Францию в войну, используя в качестве предлога конфликт, возникший между Францией и Пруссией из-за кандидатуры принца Гогенцоллерна¹ на испанский престол.

Наполеон III жаждал войны. Ее жаждал и Бисмарк, который открыто говорил об этом начиная с 1867 года. Известно, что Бисмарк, опасаясь, как бы франко-германский конфликт не уладился (поскольку прусский король одобрил отказ принца Гогенцоллерна от испанской короны), фальсифицировал пресловутую эмсскую депешу, намеренно придав ей оскорбительный для французского правительства смысл.

Так были созданы условия для развязывания войны, которая должна была последовать за попытками уничтожить рабочее социалистическое движение (процесс против Интернационала был одним из составных элементов этого плана). Официально война была объявлена 19 июля 1870 года. Наполеон III не побоялся выступить в роли агрессора.

В такой обстановке Генеральный совет Международного Товарищества Рабочих опубликовал воззвание по поводу франко-прусской войны, датированное 23 июля.

В этом документе дана была точная характеристика только что начавшейся войны.

«Чем бы ни кончилась война Луи Бонапарта с Пруссией, — читаем мы в этом воззвании, — похоронный звон по Второй империи уже прозвучал в Па-

¹ Речь идет о принце Леопольде Гогенцоллерне, родственнике прусского короля Вильгельма I. Его кандидатуру на вакантный испанский престол настойчиво поддерживал Бисмарк, стремившийся втянуть Испанию в войну против Франции и заставить последнюю воевать на два фронта: на Рейне против Германии и в Пиренеях против Испании. — *Прим. ред.*

риже. Вторая империя кончится тем же, чем началась: жалкой пародией. Но не надо забывать, что именно правительства и господствующие классы Европы дали возможность Луи Бонапарту в течение восемнадцати лет разыгрывать жестокий фарс *ре-ставрированной империи*.

Со стороны Германии война эта является оборонительной. Но кто поставил Германию перед необходимостью обороняться? Кто дал возможность Луи Бонапарту вести войну против Германии? *Пруссия!* Не кто иной как Бисмарк конспирировал с этим самым Луи Бонапартом в надежде подавить внутри Пруссии демократическую оппозицию и осуществить аннексию Германии династией Гогенцоллернов».

Предвидя, что с падением империи война изменит свой характер, Генеральный совет обращался в этом воззвании к трудящимся Германии со следующим предостережением:

«Если немецкий рабочий класс допустит, чтобы данная война потеряла свой чисто оборонительный характер и выродилась в войну против французского народа, — тогда и победа и поражение будут одинаково губительны. Все те несчастья, которые постигли Германию после так называемой освободительной войны¹, обрушатся на нее снова с еще большей жестокостью».

В Воззвании Генерального совета Интернационала приводился манифест, адресованный 12 июля парижскими секциями Интернационала рабочим всех наций, манифест, в котором говорилось:

«Война из-за вопроса о преобладании или война в интересах какой-нибудь династии в глазах рабочих может быть лишь преступным безумием. Мы, — те, кто хочет мира, работы и свободы, — мы протестуем против воинственных кличей тех, кто может откупиться от «налога крови» и для кого общественные несчастья служат источником новых спекуляций!...»²

¹ Речь идет об усилении дворянско-монархической реакции в Германии после освобождения ее от власти наполеоновской Франции в 1813 году. — *Прим. ред.*

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 17, стр. 2—4.

Кроме того, в воззвании было приведено одно из многочисленных заявлений французских трудящихся, а именно заявление секции в Нёйи на Сене, датированное 22 июля:

«Справедлива ли эта война? Нет! Национальна ли эта война? Нет! Это война исключительно династическая. Во имя гуманности, во имя демократии, во имя истинных интересов Франции мы всецело и энергично присоединяемся к протесту Интернационала против войны»¹.

В воззвании Генерального совета были воспроизведены также отрывки из резолюций, принятых берлинской секцией Интернационала, рабочими Брауншвейга и рабочими Хемница. Последние, осудив династическую войну, заявили:

«Памятуя лозунг Международного Товарищества Рабочих: *«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»*, мы никогда не забудем, что рабочие *всех* стран — наши *друзья*, а деспоты *всех* стран — наши *враги*»².

*

Военные действия начались 2 августа 1870 года под руководством Наполеона III, который принял на себя командование войсками. Ужасающий беспорядок царил в императорской армии. Об этом свидетельствуют телеграммы, опубликованные «правительством национальной обороны» в ноябре 1870 года.

Вот некоторые из этих документов, которые показывают, в каком состоянии находилась французская армия еще до начала военных действий:

Бич, 18 июля

Генерал де Файи — военному министерству

Нахожусь в Биче с семнадцатью батальонами пехоты. Вышлите нам денег на содержание войск. Банковские билеты не имеют хождения. В окрестных государственных кассах денег нет. Нет денег и в войсковых кассах.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 17, стр. 3.

² Там же, стр. 4.

Сент-Авольд, 21 июля

2-й корпус — военному министерству

Отдел присылает нам пачки бесполезных карт. У нас же нет ни одной карты французской границы; предпочтительнее было бы выслать то, что нам нужно и чего нам крайне недостает.

Бельфор, 21 июля, 7 часов утра

Генерал Мишель — военному министерству

Прибыв в Бельфор, я не нашел ни моей бригады, ни начальника дивизии. Что я должен делать? Где мои полки?

Мец, 24 июля

Интендант 3-го корпуса — военному министерству

3-й корпус завтра покидает Мец. У меня нет ни санитаров, ни интендантских рабочих, ни санитарных повозок, ни полевых хлебопекарных печей, ни обоза, ни переправочных средств, а в 4-й кавалерийской дивизии у меня нет даже ни одного чиновника. Прошу Ваше превосходительство вывести меня из затруднительного положения, в котором я оказался. Главная квартира не может помочь мне.

Все эти требования направлялись военному министру, пресловутому маршалу Лебефу, который торжественно заверял, что императорская армия располагает всем необходимым, вплоть до последней пуговицы на гамаше.

Сам император обратился к военному министру со следующей просьбой:

Сен-Клу, 26 июля

Военному министерству

Я вижу, что армии недостает сухарей и хлеба. Нельзя ли испечь хлеб в хлебопекарнях Парижа и отправить его в Мец?

Наполеон

И все это происходило до начала военных действий. Когда же армия была введена в действие, беспорядок еще более усилился. Об этом свидетельствуют следующие телеграммы:

Мец, 6 августа, 3 часа утра

Императрице

Сегодня утром я не получил известий от Мак-Магона. Разведка в сторону Саара не донесла о каком-либо передвижении неприятеля. Сейчас узнал о схватке, в которой участвовали войска генерала Фроссара. Идти туда слишком поздно. Как только у меня будут новости, я сообщу о них.

Наполеон

Беспорядок усилился до такой степени, что одиннадцать дней спустя убийца 2 декабря отправил следующую телеграмму:

17 августа, 7 часов утра

Император — мэру Этена

Есть ли у Вас известия об армии?

Наполеон

Наполеон III, этот новоявленный Субиз¹, искал свою армию. Он дошел до того, что вынужден был расспрашивать какого-то мэра, нет ли у того новостей из армии. Так рушился в обстановке беспечности и позора режим, который начал с насильственного уничтожения демократических свобод и который, увы, слишком долго пользовался доверием народа, связавшего свою судьбу с судьбой человека, считавшегося спасителем родины, но ставшего ее губителем.

Подобно тому как «герой» 18 брюмера окончил свою карьеру при Ватерлоо², «герой» 2 декабря вскоре должен был окончить свою карьеру при Седане.

С самого начала военных действий французская армия потерпела ряд серьезных поражений при Виссамбуре и Фрешвиллере (Верте), где Мак-Магон позволил разбить себя. Эмиль Золя в своем романе «Разгром» на-

¹ Князь Шарль де Субиз — французский маршал, приближенный короля Людовика XV и любимец его фавориток. Был наголову разбит прусским королем Фридрихом II при Росбахе (5 ноября 1757 года), а затем дважды (в 1762 году) герцогом Брауншвейгским. — *Прим. ред.*

² Последнее сражение, данное Наполеоном I 18 июня 1815 года. В этом сражении англо-прусские войска нанесли сокрушительный удар французской армии. Через четыре дня после этого Наполеон окончательно отрекся от престола. — *Прим. ред.*

рисовал впечатляющую картину беспечности, царившей в армии, неподготовленности, которая сказывалась во всех деталях, «навыков Алжирской войны», характерных для императорской армии. Впрочем, все армии, привыкшие сражаться против безоружных колониальных народов, неспособны противостоять военным силам, равным или превосходящим их по численности и вооружению.

В то время как маршал Базен, «прославившийся» в Мексике, позволил окружить себя в Меце, где он собирался так цинично изменить родине, Наполеон III решил отвести Шалонскую армию к Парижу. Императрица, назначенная регентшей, была убеждена, что возвращение ее мужа в столицу вызовет там взрыв революции, и поэтому посоветовала императору двинуться с Шалонской армией на помощь Базену.

Фридрих Энгельс так описывал 8 августа 1870 года ведение войны французами:

«Французская армия утратила всякую инициативу. Ее передвижения диктуются не столько военными соображениями, сколько политической необходимостью. Армия в 300 000 человек находится почти на виду у противника. И если она должна в своих передвижениях руководствоваться не тем, что делается в неприятельском лагере, а тем, что происходит или может произойти в Париже, то она уже наполовину разбита»¹.

Все это должно было завершиться поражением при Седане, где Наполеон III капитулировал и сдал немцам армию в 100 тысяч человек². Таким образом, позорная капитуляция при Седане привела к крушению императорского режима, рожденного преступным переворотом 2 декабря 1851 года.

Среди причин поражения Франции численное превосходство неприятеля имело гораздо меньшее значение, чем бездарность французского командования и то состояние дезорганизации армии, которое допустило правительство. К тому же коррупция, столь характерная

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 17, стр. 27.

² В момент капитуляции этой армии в ней насчитывалось 83 тысячи человек, так как 17 тысяч погибли в бою 1 сентября. — *Прим. ред.*

для Второй империи, царила как в области военного снабжения, так и в других областях. И если солдаты не были обеспечены ни продовольствием, ни боеприпасами, то это не значит, что поставщики армии не получили денег за поставки — независимо от того, были они осуществлены или нет.

Понятно, что в первые дни войны императорская власть старалась скрыть правду. Биржевые спекулянты Парижа даже неплохо заработали, пустив в начале августа слух о решающей победе Мак-Магона. Поэтому последовавшее за этим как роковое возмездие сообщение о поражении произвело крайне удручающее впечатление на население, ненависть которого к императорскому режиму нарастала с каждым днем.

6 и 7 августа, несмотря на войну, состоялись муниципальные выборы. Республиканцы одержали победу в таких крупных городах, как Лион, Марсель, Гавр, Сент-Этьенн, Бордо, Тулуза и т. д. Императорскому правительству внушали тревогу главным образом рабочие Парижа, ибо депутаты-республиканцы, боявшиеся народа, старались осуществить «священное единение» с правительственным большинством.

Уже 7 августа, после того как французская армия потерпела тяжелое поражение при Рейхсгофене, вопрос о смене правительства обсуждался не только Законодательным корпусом, но и общественным мнением Франции. В то же время гнев народа против империи продолжал нарастать.

8 августа кабинет Эмиля Оливье уступил место кабинету генерала Кузена-Монтобана, графа Паликао. На следующий день, 9 августа, когда новое правительство представлялось Законодательному корпусу, тысячи манифестантов толпились на площади Согласия. Эти манифестанты, большинство которых принадлежало к рабочему населению столицы, требовали провозглашения республики. Громко требуя провозглашения республики, они направились к Законодательному корпусу, но отряды кавалерии преградили им путь.

Однако депутаты-республиканцы, находившиеся в здании Законодательного корпуса, не спешили, как рабочие-манифестанты, с провозглашением республики. Но империя уже была обречена. Эжен Варлен, который перебрался в Брюссель, чтобы не попасть в руки импера-

торской полиции (после того, как он был осужден как один из руководителей французских секций Интернационала), задавал себе вопрос, что происходит в Париже. Он писал:

«Почему народ Парижа не сверг империю при первых же ее поражениях и не поднял революционную Францию против прусского короля?»

Рабочие были еще недостаточно сильны и не смогли поднять широкие демократические силы на борьбу, чтобы уже в тот момент свергнуть империю. Глава нового правительства, который обязан был титулом графа Паликао своим разбойничьим действиям в Китае во время экспедиции 1860 года¹, решил продолжать политику репрессий, чтобы заставить «улицу замолчать». В Париж были переброшены крупные воинские силы, чтобы защитить правительство от гнева трудящихся. Осадное положение позволяло Паликао совершать акты грубейшего произвола. Но, несмотря на репрессии властей, революционные манифестации продолжались. Они происходили в Лионе, Марселе, Тулузе, Лиможе и Бордо.

11 августа парижская федерация рабочих профессиональных объединений направила делегацию к депутатам-республиканцам, чтобы выяснить, когда же наконец они подадут населению Парижа сигнал к восстанию, чтобы свергнуть правительство. Однако эти депутаты лишь упрекали рабочий класс в том, что он не принял участия в борьбе против государственного переворота 2 декабря 1851 года, умалчивая в то же время о кровавой резне рабочих в июне 1848 года. Такого рода аргументами они пытались оправдать свою бездеятельность.

Бланки, тайно возвратившийся из Брюсселя в Париж и являвшийся сторонником действий активного меньшинства, подготовил выступление, которое, по его расчетам, должно было привести к свержению империи. Согласно плану участники восстания должны были захватить

¹ Захвату и варварскому разграблению Пекина англо-французскими войсками в октябре 1860 года предшествовало сражение у моста Балицяо (на подступах к китайской столице), закончившееся полным поражением китайских войск. Титул графа Паликао, который был присвоен генералу Кузену-Монтобану как главнокомандующему французских войск, происходит от названия этого моста, — *Прим. ред.*

оружие в казарме пожарных, находившейся в квартале Ла-Виллет. Выступление, предпринятое 14 августа сотней бланкистов без всякой связи с массами, потерпело неудачу. 80 человек было арестовано и предано военному суду по «делу Ла-Виллет».

Многие противники империи сурово осудили это выступление бланкистов. Варлен решительно заявил: «Инициаторы этого выступления — безумцы». Правительство, конечно, не упустило случая заявить, что эта попытка была организована прусскими шпионами. Даже Гамбетта подхватил это необоснованное обвинение, что вызвало негодование в социалистических кругах, осуждавших выступление бланкистов. Шесть участников этих событий, в том числе Эд, который стал затем одним из генералов Коммуны, были приговорены к смерти.

Полицейский террор принял такие размеры, что люди стали бояться и подозревать друг друга. Агентов-провокаторов было так много, что они мерещились повсюду. Это всеобщее недоверие было использовано властями империи, чтобы помешать объединению народных сил.

Военные неудачи следовали одна за другой с исключительной быстротой, а правительство и не помышляло о том, чтобы сконцентрировать все силы нации против пруссаков. Оно уклонялось от мобилизации и вооружения мобильной гвардии и всячески старалось воспрепятствовать всеобщему вооружению национальной гвардии Парижа, озабоченное прежде всего тем, чтобы не допустить вооружения трудящегося населения столицы.

К тому же зачисление в национальную гвардию было обставлено бюрократическими формальностями, чтобы воспрепятствовать проникновению в ее ряды трудящихся. Другими словами, правительство Паликао не только не использовало взрыв патриотических чувств французов, но, наоборот, сдерживало их, как только могло. Английская пресса, касаясь этого вопроса, вынуждена была констатировать «парализующее влияние агентов правительства».

Следствием этой политики было то, что в августе 1870 года в Париже можно было видеть национальных гвардейцев, проходивших обучение с палками вместо ружей. Многие отряды национальной гвардии не внушали доверия правительству, и им не давали оружия. Как в

Париже, так и в провинции запасы оружия предназначались для реакционно настроенных частей.

Накануне своего падения Вторая империя не могла обратиться с призывом к народу, которого она боялась. Вот почему приток добровольцев был очень незначителен. Парижские рабочие не испытывали никакого желания сражаться за империю, и, требуя оружия, они, несомненно, помышляли о том, чтобы избавиться от бонапартистской клики, неспособной обеспечить защиту страны.

*

После сражений, разыгравшихся в начале второй половины августа, участь армий Наполеона III, казалось, была уже решена. В Германии Вильгельм Либкнехт¹, считая, что война с императорской Францией, пожалуй, уже окончена, задавал себе вопрос, свергнет ли французский народ династию Бонапартов, чтобы обеспечить свое спасение.

Действительно, такова была задача, вставшая перед народом Франции, и надо было действовать быстро, чтобы смести империю. Но депутаты левой, от которых парижский народ ждал призыва к восстанию, не были расположены спешить с провозглашением республики, так сильно боялись они рабочего класса. И если буржуазным республиканцам удалось в течение всего августа 1870 года удерживать народ от восстания, достаточно сильного, чтобы покончить с империей, то это объяснялось известной слабостью рабочего социалистического движения, являвшейся следствием характерной для него идеологической путаницы и недостаточных связей его с массами.

Используя эту ситуацию, возникшую вследствие позиции депутатов левой, упорно не желавших что-либо предпринять против императорского правительства, и бессилия рабочего социалистического движения, реакционный генерал, губернатор Парижа, орлеанист Трошю, который имел репутацию человека, не являвшегося ставленником императорского двора, и демагогически изображал себя решительным сторонником сопротивления

¹ Один из руководителей германской социал-демократической партии, редактор социалистической газеты «Volksstaat». — *Прим. ред.*

пруссакам, смог приобрести даже некоторую популярность среди населения.

Трошю придерживался по отношению к парижскому населению гибкой тактики: он делал вид, что является противником политики императорского правительства, и старался завоевать доверие мобильной гвардии и национальной гвардии Парижа. В то же время он поддерживал контакт с депутатами левой и подготавливал таким образом создание нового правительства взамен существующего.

Трошю стремился создать у парижан впечатление, будто он деятельно занимается организацией обороны столицы, тогда как на самом деле ничего не делалось. Карл Маркс писал:

«По моему мнению, вся защита Парижа — лишь полицейский фарс, чтобы успокоить парижан, пока пруссаки не будут стоять у ворот и пока не спасут порядок...»¹

Классовые соображения, обусловленные ненавистью к трудящимся и к социализму, толкали некоторые слои буржуазии на путь прямой измены, на превращение «национальной обороны» в лживую фразу, рассчитанную просто на обман народа.

Меры, необходимые для организации обороны Парижа от пруссаков, не принимались; зато война против народа продолжалась. 25 и 26 августа были произведены сотни арестов и обысков. Между тем в провинции осадное положение, введенное вначале в Шербуре, Бресте, Лориане, Рошфоре и Тулоне, было распространено также на департаменты Восточные Пиренеи, Ньевр и Шер.

Но час разгрома императорских армий неумолимо приближался. 1 сентября разыгралась битва при Седане, а на следующий день Наполеон III приказал поднять белый флаг капитуляции над городской крепостью и направил прусскому королю послание, в котором заявлял, что, поскольку ему не удалось умереть в рядах своих войск, он отдает ему свою шпагу.

Так позорно закончилась плачевная карьера убийцы 2 декабря, авантюриста, который, используя захваченную им власть, втянул Францию в бесчисленные войны,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 390.

после того как заявил: «Империя — это мир». И снова кровь десятков тысяч храбрых французских солдат была пролита по его вине в той династической войне, которую он проиграл.

Во время войны 1870 года французские солдаты действительно показали мужество, которое вызвало уважение врага. Но если солдаты вели себя как герои, то военачальники, продвинувшиеся в чинах благодаря протекции или выдвинувшиеся во время колониальных войн в Мексике, Китае и Алжире, оказались совершенно бездарными. Эти побитые генералы жаждали взять реванш в борьбе против французов. Эти разбитые пруссаками генералы намерены были действовать против французского народа с тем большей жестокостью, что им крайне необходимо было несколько освежить свои поблекшие лавры.

Уже во второй половине августа императорский главный штаб был убежден, что поражение неминуемо. 24 августа Бисмарк писал своей жене: «Придется или сражаться под Парижем, или совсем больше не сражаться». Война вскрыла далеко зашедшее разложение Второй империи. Дорогой ценой расплачивался народ за поддержку, оказанную им императорскому режиму, за то, что он вверил свою судьбу человеку, которого считал спасителем.

Империя не пережила седанской капитуляции, которую почти в течение двух дней скрывали от парижского народа. 3 сентября депутат-республиканец Жюль Фавр, хотя он был осведомлен о поражении при Седане, не пожелал разоблачить правительство, скрывавшее правду от народа, а ограничился призывом «к тесному единению и к борьбе до последней капли крови».

Страх перед выступлением рабочих побудил даже такого человека, как Гамбетта, обратиться вместе с несколькими другими республиканцами к орлеанисту Тьеру с просьбой возглавить коалиционное правительство с участием Трошю, но транноненский палач предпочитал остаться в стороне и выждать.

Между тем становилось все труднее скрывать от парижского народа седанскую катастрофу. Вечером 3 сентября был созван Законодательный корпус, и Жюль Фавр от имени депутатов левой предложил генерала Трошю в качестве кандидата на пост военного диктатора Фран-

ции. Главной заботой Жюль Фавра (о котором Энгельс сказал: «Такой сволочи еще не бывало»¹⁾) было предотвращение народной революции.

Гнев в рабочих предместьях Парижа все нарастал, и вечером 3 сентября в различных кварталах столицы состоялись манифестации, участники которых требовали: «Низложения!» Вскоре к этому требованию прибавилось требование создания республики. «Да здравствует Республика!» — кричали манифестанты. Перед лицом этого выступления народных сил Жюль Фавр настоял, чтобы Законодательный корпус собрался на ночное заседание, дабы без революции осуществить смену правительства, ставшую неизбежной. План Жюль Фавра и его друзей заключался в том, чтобы передать власть императора Законодательному корпусу, который в дальнейшем мог бы возвратить ее Наполеону III или его наследнику; но, как признался позже другой депутат левой, Жюль Симон, «слово «низложение» казалось нам необходимым, чтобы умиротворить разгневанный народ». В конце концов Законодательный корпус ничего не решил на этом ночном заседании и постановил продолжить свою работу на следующий день (4 сентября).

Когда депутаты явились в Законодательный корпус на ночное заседание (3 сентября), у входа в Бурбонский дворец собралась огромная толпа, в которой было много рабочих. Заметив это, депутаты левой предложили манифестантам разойтись и заявили им, что надо думать о нации, а не о республике. Таким путем им удалось убедить большинство манифестантов разойтись. По мере того как толпа удалялась, ее место занимали войска, которые должны были охранять подступы к зданию Законодательного корпуса. Утром 4 сентября вокруг Бурбонского дворца были сосредоточены пехотные и кавалерийские части, насчитывавшие несколько тысяч человек. Кроме того, воинские части, находившиеся в резерве, были приведены в состояние боевой готовности.

Законодательный корпус, собравшийся в полдень на заседание, обсудил различные предложения, касавшиеся передачи власти. Был поднят вопрос о том, чтобы выражение «ввиду того, что трон является вакантным» заменить более гибкой формулировкой — «ввиду сложившихся

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 391.

обстоятельств». Все это предлагалось для того, чтобы избежать слова «низложение». Но вскоре хитроумные разглагольствования депутатов Законодательного корпуса были прерваны народом, который ворвался в Бурбонский дворец с криками: «Низложение! Да здравствует Франция! Да здравствует Республика!»

Войска, деморализованные известием о поражении при Седане, оказали крайне слабое сопротивление натиску народа. Депутаты левой боялись этого захвата Бурбонского дворца народом. Но дело было сделано. И председатель Законодательного корпуса Шнейдер, крупный предприниматель из Крезе, впервые в жизни увидел, как люди из народа усаживались на места депутатов.

Тщетно уговаривали толпу депутаты левой во главе с Гамбеттой благоразумно подождать решения Законодательного корпуса. Клич «Да здравствует Республика!» был единственным ответом на эти уговоры. Логика вещей требовала немедленного провозглашения республики. Но в этом случае депутаты левой вынуждены были бы создать временное правительство сообща с революционными элементами, которые ворвались в Бурбонский дворец.

Несомненно, скорее из этих соображений, чем ради верности установившимся традициям, депутаты левой бросили призыв: «В Ратушу!» Но когда они прибыли туда, красное знамя рабочей революции уже развивалось над фронтоном Ратуши, занятой бланкистами и неоякобинцами. Вот почему в списках членов нового временного правительства, которые распространялись в толпе, наряду с именами некоторых депутатов левой значились имена Бланки, Флуранса, Делеклюза, Феликса Пиа, а также Рошфора, находившегося в тюрьме Сент-Пелажи.

Предводитель депутатов левой Жюль Фавр призывал толпу соблюдать порядок и спокойствие, но без особого успеха. Убедившись в этом, он поставил своей целью выиграть время до провозглашения нового правительства. Под предлогом тщательного обсуждения состава правительства депутаты левой удалились в одно из помещений Ратуши на совещание.

Это совещание затянулось надолго, и толпа, собравшаяся перед Ратушей, разошлась. Часть манифестантов направилась к Сент-Пелажи, чтобы освободить за-

ключенных. Когда освобожденный Рошфор прибыл в Ратушу, депутаты левой завладели им и внесли его имя в список членов нового правительства. Этот список состоял исключительно из имен парижских депутатов, а также депутатов, которые, будучи выбраны одновременно в Париже и в провинции, предпочли числиться по провинции [это были Гамбетта (департамент Буш-дю-Рон), Эрнест Пикар (департамент Эро) и Жюль Симон (департамент Жиронда)]. Как вынужден был признаться потом Жюль Симон, задача состояла в том, чтобы избежать Коммуны.

Председателем нового правительства должен был стать Жюль Фавр, но очень скоро, желая обеспечить повиновение войск, он уступил свое место генералу Трошю, решившему присоединиться к буржуазным республиканцам, чтобы бороться против революционного рабочего движения. При этом, согласившись взять на себя роль главы правительства, Трошю потребовал от своих коллег обязательства защищать следующие три принципа: «бог, семья, собственность».

Временное правительство под председательством Трошю, окончательно сформированное 4 сентября в 8 часов вечера, приняло название «правительства национальной обороны». Но оно собиралось заниматься отнюдь не национальной обороной, а совсем другим делом.

После падения империи и провозглашения республики Генеральный совет Интернационала опубликовал второе воззвание, датированное 9 сентября. Это воззвание разоблачало действия прусского правительства, заявлявшего вначале, что оно ведет войну «чисто оборонительного характера», а теперь требовавшего аннексии Эльзаса и Лотарингии. Воззвание воспроизводило выдержку из манифеста немецкой Социал-демократической партии от 5 сентября, в котором говорилось:

«Мы протестуем против аннексии Эльзаса и Лотарингии. И мы сознаем, что говорим от имени немецкого рабочего класса. В общих интересах Франции и Германии, в интересах мира и свободы...»¹

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 17, стр. 279.

Интернационал приветствовал установление во Франции республики, но писал в воззвании:

«Эта республика не ниспровергла трон, она только заняла оставленное им пустое место. Она провозглашена не как социальное завоевание, а как национальная мера обороны. Она находится в руках временного правительства, состоящего частью из заведомых орлеанистов, частью из буржуазных республиканцев, а на некоторых из этих последних июньское восстание 1848 г. оставило несмываемое пятно. Распределение функций между членами этого правительства не обещает ничего хорошего. Орлеанисты заняли сильнейшие позиции — армию и полицию, между тем как мнимым республиканцам предоставили функцию болтовни. Некоторые из первых шагов этого правительства довольно ясно показывают, что оно унаследовало от империи не только груды развалин, но также и ее страх перед рабочим классом»¹.

Далее в этом воззвании, автором которого был Карл Маркс, парижским рабочим давались важные советы:

«Таким образом, французский рабочий класс находится в самом затруднительном положении. Всякая попытка ниспровергнуть новое правительство во время теперешнего кризиса, когда неприятель уже почти стучится в ворота Парижа, была бы безумием отчаяния. Французские рабочие должны исполнить свой гражданский долг, но, вместе с тем, они не должны позволить увлечь себя национальными традициями 1792 г., как французские крестьяне дали обмануть себя национальными традициями Первой империи. Им нужно не повторять прошлое, а построить будущее. Пусть они спокойно и решительно пользуются всеми средствами, которые дает им республиканская свобода, чтобы основательнее укрепить организацию своего собственного класса. Это даст им новые геркулесовы силы для борьбы за возрождение

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 17, стр. 280.

Франции и за наше общее дело — освобождение труда. От их силы и мудрости зависит судьба республики»¹.

Последующие события показали, что парижские рабочие подпали под влияние «традиций», о которых говорил Маркс. Одной из их главных забот было усиление борьбы против немецких захватчиков. Но этой борьбой руководило «правительство национальной обороны», от которого буржуазия ждала, что оно использует власть, украденную им 4 сентября у рабочего класса и народа Парижа, не для того, чтобы разбить пруссаков, с которыми она решила договориться, а для того, чтобы обеспечить «порядок» внутри страны.

Указания Генерального совета Интернационала не получили широкого распространения в массах и в конечном счете были известны лишь очень немногим. К тому же левореспубликанские газеты, которые опубликовали этот документ, изъяли из него одно из главных мест, содержащее критику «правительства национальной обороны».

Сразу же после образования этого правительства, 5 сентября, парижская федерация Интернационала разоблачила узурпацию буржуазными республиканцами народного суверенитета. Но, учитывая состояние войны и неподготовленность народных масс, она считала борьбу против правительства несвоевременной и заявляла, что готова поддержать его, если оно удовлетворит требования рабочего класса, а именно:

упразднение полицейской префектуры и смещение должностных лиц империи;

отмена всех ограничительных законов (предусматривавших уголовную ответственность или денежные штрафы) в отношении печати, права собраний и союзов;

немедленные выборы парижского муниципалитета;

аннулирование всех приговоров и прекращение судебных преследований, возбужденных по делам, связанным с выступлениями против империи.

Кроме того, была принята резолюция о создании в каждом округе Парижа республиканского комитета; каждый из них должен был выделить четырех делегатов в состав Центрального комитета. Членами временного

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 17, стр. 280—281.

Центрального комитета стали Варлен, Привэ, Шпётлер, Гаан, Аме, Шуто, Робийяр.

Центральный республиканский комитет¹ и окружные комитеты² поставили своей задачей принять участие в обороне страны и помочь правительству в этом деле. В ходе собрания, состоявшегося 13—14 сентября, Центральный комитет принял программу мер, которые должно было принять правительство в области 1) общественной безопасности, 2) продовольственной и жилищной политики, 3) организации обороны Парижа и 4) обороны департаментов.

16 сентября Центральный комитет направил делегацию к правительству, но она не была принята. Когда об этом узнало население, то на следующий день, 17 сентября, снова явилась делегация, которая была принята от имени правительства Жюлем Ферри.

Проблема между «правительством национальной обороны» и парижским народом все более углублялась. Перспектива выборов в парижский муниципалитет все более отдалялась — до такой степени клика Трошю боялась народного голосования. Мэрами парижских округов, назначенными правительством, были большей частью буржуа, ненавидевшие рабочее движение. Меры же, принятые для обеспечения обороны Парижа, не соответствовали требованиям момента.

Правительство не желало удовлетворять народные требования относительно роспуска бывших полицейских частей империи и преобразования муниципальной гвардии в республиканскую гвардию. Преобразование городской полиции в отряды «блюстителей порядка» (*gardiens de la paix*) никого не могло обмануть: полицейские силы Второй империи были сохранены.

Главной заботой так называемого правительства национальной обороны была борьба против рабочего класса, против народа. Что касается национальной обороны, то глава правительства (которое присвоило себе это громкое наименование) генерал Трошю [фамилия его

¹ Полное название этой организации было Центральный республиканский комитет 20 округов Парижа, но обычно его называли просто Центральным комитетом 20 округов Парижа. — *Прим. ред.*

² Эти комитеты назывались то республиканскими комитетами (с указанием округа), то комитетами бдительности, то просто комитетами обороны. — *Прим. ред.*

звучала весьма двусмысленно: Trochu — это причастие от глагола «trop choir» (слишком низко пасть), как говорил Виктор Гюго] начал исполнение своих обязанностей с того, что назвал безумием «попытку Парижа выдержать осаду прусской армии». Но подобные заявления делались лишь в тесном кругу, ибо перед широкой публикой правительство изображало себя полным решимости защищать страну.

Министр иностранных дел так называемого правительства национальной обороны Жюль Фавр был особенно искусным мастером говорить обратное тому, что он делал.

7 сентября он распорядился расклеить афиши, в которых заявлялось:

«Враг у наших ворот. У нас только одна мысль — прогнать его с нашей территории... Мы не уступим ничего! Никогда! Ни пяди нашей земли! Ни камня наших крепостей!»

И в то же самое время этот вероломный министр пытался организовать тайное свидание с Бисмарком. Несколько дней спустя он отправил Тьера со специальной миссией за границу, чтобы облегчить правительству заключение перемирия. 19 сентября, через пятнадцать дней после создания так называемого правительства национальной обороны, когда пруссаки оказались под Парижем, Жюль Фавр встретился с Бисмарком в Ферьере (департамент Сена и Марна).

С военной точки зрения у французов была в тот момент возможность взять инициативу в свои руки, поскольку окружение Парижа еще только начиналось и было завершено значительно позднее. Но правительство не хотело вести войну против захватчиков. Им владело только одно чувство — страх перед Парижем, страх перед народом, который был исполнен патриотизма и от которого приходилось скрывать преступные переговоры, подготовлявшие измену.

Это поведение было обусловлено ходом мысли, аналогичным тому, который должен был привести Базена к предательству. Соображения такого же порядка побудили старого предателя Петена стать в 1940 году гитлеровским гаулейтером. Из тех же соображений отказался сражаться в 1940 году и генерал Вейган под лживым

предлогом, будто Париж находится в руках коммунистов.

Даже Морис Баррес¹ вынужден был предъявить военачальникам 1870 года страшное обвинение:

«У них была, — писал он, — только одна тактическая линия, только одна стратегическая задача: добиться того, чтобы гражданское население согласилось на капитуляцию. Их целью была не победа, а капитуляция».

17 сентября Виктор Гюго обратился со своим знаменитым призывом к вольным стрелкам, который в мрачные годы оккупации был воспроизведен в наших призывах к борьбе против гитлеровских захватчиков:

«Вольные стрелки, пробирайтесь сквозь чащи, преодолевайте могучие потоки, укрывайтесь в тени, используйте сумерки, скользите по оврагам, переползайте, цельтесь, стреляйте, истребляйте захватчиков»².

Между тем правительство вело в это время переговоры с Бисмарком. Все военные операции были предприняты в таких условиях, что они заранее были обречены на неудачу. Нужно было только делать вид, что ведется борьба, и стараться, чтобы эти бои были совершенно бесплодными. Так Трошю осуществлял свой план, который он сформулировал следующим образом: «Мы не можем обороняться, мы решили не обороняться». Это была в какой-то степени та же «странная война», которую мы снова увидели в 1939—1940 годах. А для успокоения парижского населения ссылались на усилия, предпринимавшиеся в провинции Гамбеттой с целью организации национальной обороны.

Ненависть к народу обуревала «правительство национальной обороны», которое, по выражению Маркса, являлось в действительности правительством «национальной

¹ Баррес, Морис (1862—1923) — французский публицист крайне реакционного направления, ярый милитарист и шовинист. — *Прим. ред.*

² Эти слова В. Гюго были воспроизведены в воззвании ветерана французской компартии Марселя Кашена, опубликованном в подпольном номере газеты «Humanité» в январе 1943 года и призывавшем французских патриотов к усилению вооруженной борьбы против немецко-фашистских оккупантов. — *Прим. ред.*

измены». Эту ненависть разделяли с ним все реакционные круги, доверием которых оно пользовалось. Так, например, инициатор закона о религиозном обучении де Фаллу¹ говорил, что благоразумных людей «внутренняя угроза должна беспокоить не меньше, чем внешняя угроза». А весьма известный в ту эпоху католический публицист Луи Вёйо был еще более откровенным: он заявлял, что побеждать не следует, что победа была бы катастрофой.

Что касается генерала Дюкро, то он откровенно заявил: «Если пруссаки под стенами Парижа, то в самом Париже и у нас в тылу существует столь же грозный враг». Дюкро выразил тем самым общее мнение генералов и адмиралов, которые выходили из себя при одном упоминании о возможности всеобщей мобилизации, о Франции, поднявшейся против нашествия².

Итак, руководящие круги буржуазии делали все, чтобы решить проблему войны и мира путем капитуляции, которую они подготавливали шаг за шагом. Депутатам от округов, которые требовали предоставить Парижу право голоса при решении вопросов обороны, избрания муниципального совета Парижа, его Коммуны, Трошю ответил, что «его положение не позволяет ему идти на уступки». Он один несет ответственность за национальную оборону, заявлял он. К тому же Трошю без конца повторял, что у него есть свой план. Действительно, в то время только и говорили, что о «плане Трошю», но, как показали события, это был весьма своеобразный план.

В самом деле, 13 октября был отбит Баньё; более решительная атака позволила бы взять и Шатильон, но у Трошю не оказалось резервов. 21 октября наступление на Мальмезон обнаружило слабость вражеского окружения. Но генерал Дюкро, который руководил операцией, ввел в бой только 6 тысяч человек, дав таким образом

¹ Крупный помещик, ярый монархист и клерикал граф де Фаллу был инициатором закона, принятого 15 марта 1850 года реакционным большинством Законодательного собрания и подчинившего народное образование во Франции (особенно начальные школы) контролю католического духовенства. Закон этот стали именовать «законом Фаллу». — *Прим. ред.*

² Лишь немногие республиканский настроенные генералы (Федерб, Шанзи, Кремер и др.) высказывались за решительную борьбу против вражеского нашествия. — *Прим. ред.*

пруссакам возможность отразить нападение и даже захватить две пушки.

Таков был план генерала Трошю, который изображал все эти операции как удачные разведки, восхваляя в то же время великолепную оборону Шатодена и спекулируя на депешах Гамбетты, вылетевшего 8 октября в провинцию для организации обороны.

24 октября газета «Combat» опубликовала ужасную новость: «Базен собирается сдать Мец и начать переговоры о мире от имени Наполеона III; его адъютант находится в Версале». Генерал Трошю, председатель «правительства национальной обороны», тотчас же опроверг «столь гнусное» сообщение и заявил: «Базен, этот славный воин, непрестанно тревожит осаждающую армию блестящими вылазками». Это было 27 октября.

29 октября штаб Трошю возвестил о взятии Ле-Бурже. Но в течение всего дня солдаты оставались без продовольствия и без подкреплений под огнем пруссаков, которые на следующий день вновь заняли Ле-Бурже, захватив в плен и его защитников (1600 человек).

*

31 октября на Париж обрушилось сразу три удара: потеря Ле-Бурже, капитуляция «славного» Базена, которого генерал Трошю так защищал за три дня до того, и прибытие Тьера. При известии о предстоящем подписании перемирия в Париже произошли манифестации, участники которых кричали: «Долой Трошю! Не надо перемирия! Да здравствует Коммуна!»

Действенная оборона была возможна, ибо в Париже имелось 246 тысяч мобилей и моряков, 7500 офицеров и 125 тысяч национальных гвардейцев, готовых к наступлению, а также к обороне. Трошю же спрашивал: «Где взять тысячу артиллеристов?» На этот вопрос историк Коммуны Лиссагарэ ответил позднее следующим образом:

«В каждом парижском механике сидит артиллерист Парижской Коммуны. Париж изобилует инженерами, техниками, мастерами, бригадами, из которых можно было создать нужные кадры. В Париже имелось, буквально было под руками, все необходимое для победы».

Но «правительство национальной обороны» думало только о капитуляции, и приезд в Париж Тьера предвещал скорое заключение перемирия. В самом деле, одно извещение, подписанное Жюлем Фавром, весьма ясно говорило об этом:

«Г-н Тьер прибыл сегодня в Париж и тотчас же отправился в министерство иностранных дел. Он представил правительству отчет о своей поездке. Благодаря сильному впечатлению, которое произвело в Европе сопротивление Парижа, четыре великие нейтральные державы — Англия, Россия, Австрия и Италия — пришли к единому решению.

Они предлагают воюющим сторонам перемирие с целью созыва Национального собрания. Само собой разумеется, что это перемирие может быть заключено лишь при условии продовольственного снабжения Парижа в течение всего срока перемирия и проведения выборов в Национальное собрание по всей стране».

В свете всех этих фактов парижский народ все более и более убеждался, что правительство Трошю — это правительство измены. 31 октября в Ратуше произошли серьезные события. Перспектива перемирия, а также сообщение о капитуляции Меца вызвали возмущение парижан. Перед Ратушей собралась толпа и, преодолев заграждения мобильной гвардии, ворвалась в здание с криками: «Не надо перемирия! Долой Трошю! Всеобщая мобилизация! Да здравствует Коммуна!»

Трошю пытался обратиться к толпе с речью, но его голос был заглушен криками: «Долой Трошю!» Бланкисты, возглавлявшие манифестантов, потребовали низложения правительства. Из уст в уста передавались имена людей, которые должны войти в новое правительство. Но так как дело затягивалось, Трошю и его правительственная клика вызвали к Ратуше войска и организовали свою демонстрацию, так что вскоре на площади слышались возгласы: «Долой Коммуну!»

Тем временем мертворожденное правительство с участием Бланки и Флуранса обсуждало вопрос о созыве избирателей для выборов парижского муниципалитета.

Официальная афиша, назначавшая выборы Муниципального совета Парижа на 1 ноября из расчета по четыре советника от округа, была подписана Дорианом¹, председателем Комиссии по организации выборов, В. Шельше, вице-председателем комиссии, мэром Парижа Этьеном Араго и помощниками мэра Парижа Шарлем Флоке, Анри Бриссоном, Шарлем Эриссоном и Кламажераном.

Таково было положение к вечеру 31 октября. Но в полночь бретонские мобили, верные Трошю, ворвались в Ратушу и выгнали оттуда рабочих-активистов, которые расположились там. «Правительство национальной обороны» одержало верх и тотчас же приняло меры, чтобы помешать избранию муниципальных советников Парижа, а 16 ноября постановило лишить Париж права иметь собственный муниципалитет.

Трошю не хотел этих выборов, потому что они привели бы к учреждению новой власти, созданной на основе народного опроса и противостоящей правительству, не узаконенному народной волей. При таких условиях Парижская Коммуна очень скоро оттеснила бы клику 4 сентября.

Ввиду создавшегося положения Трошю и его коллеги опубликовали утром 1 ноября официальный документ, извещавший о проведении 3 ноября плебисцита. В этом документе говорилось:

«Правительство призывает все население Парижа ответить послезавтра на вопрос: хочет ли оно иметь правительство Бланки, Феликса Пиа, Флуранса и их друзей, подкрепленное революционной коммуной, или же оно по-прежнему доверяет людям, которые взяли на себя 4 сентября тяжелую обязанность спасти родину».

В то же время Трошю опубликовал ряд важных и весьма знаменательных декретов. Один из этих декретов имел своей целью помешать национальной гвардии участвовать в политических выступлениях масс; в нем было сказано, что «каждый командир батальона, который зовет свой батальон не для обычных учений или без

¹ Инженер и предприниматель Дориан был министром общественных работ и добросовестно занимался возведением укреплений для защиты Парижа. — *Прим. ред.*

сфициального приказа, будет предан военному суду». Другим декретом были отстранены от исполнения своих обязанностей девять батальонных командиров национальной гвардии, в том числе Флуранс, Ранвье и Мильер. Третьим декретом генерал Клеман Тома был назначен командующим национальной гвардии департамента Сена.

Организовав плебисцит 3 ноября, республиканцы из правительства 4 сентября возобновили таким образом в своих интересах бонапартистскую процедуру. Воспротивившись избранию представителей Парижа в состав Муниципального совета, правительство в то же время решило с помощью голосования («да» или «нет») добиться одобрения населения путем обмана, ибо плебисцит — это всегда политическое мошенничество.

Понятно, что плебисцит принес правительству огромное большинство; только в двух округах — XI и XX — большинство ответило «нет». Что же касается выборов окружных мэров (речь шла о выборах влиятельных людей), то во многих округах эти выборы принесли успех умеренным элементам; тем не менее в XIX округе был избран Делеклюз, а в XX — Ранвье.

Почувствовав себя более уверенно после успеха, который обеспечил ему плебисцит, правительство Трошю вступило на путь репрессий и издало приказ об аресте друзей Бланки, признанных виновниками событий 31 октября. К счастью, многим революционерам, подвергшимся преследованиям, удалось скрыться и избежать ареста.

Трошю оказался хозяином положения. Но он не собирался организовывать действенную оборону Парижа, а поэтому, вместо того чтобы объединить военные силы Парижа, он сохранил три вида формирований: армию, мобилей и гражданские части, то есть национальную гвардию, сея вражду и ненависть между этими воинскими соединениями.

«Больше всего правительство опасалось восстания, — писал Лиссагарэ. — Теперь оно стремилось избавить Париж уже не только от безумия осады, но прежде всего от революционеров. Крупные буржуа разжигали это достойное усердие. Еще до 4 сентября они заявили, рассказывает Жюль Симон,

что «вовсе не будут сражаться, если рабочий класс будет вооружен и будет иметь какие-нибудь шансы одержать верх». Вечером 4 сентября Жюль Фавр и Жюль Симон явились в Законодательный корпус, чтобы успокоить их, сказать им, что защитники не причинят ущерба существующему зданию.

В силу непреодолимого хода событий рабочие оказались вооруженными. Надо было по крайней мере обезвредить их ружья.

Уже два месяца крупная буржуазия выжидала своего часа. Плебисцит показал ей, что этот час настал. Трошю держал в своих руках Париж, а крупная буржуазия с помощью духовенства держала в руках Трошю; это было тем легче, что он считал себя ответственным только перед своей весьма странной совестью, которая имела еще более темные и извилистые закоулки, чем кулисы какого-либо театра. Он верил в чудеса, но он не верил в подвиги. Он верил в небесные легионы, но не в земные. Вот почему с 4 сентября он считал своим долгом обманывать Париж, рассуждая таким образом: «Я сдам тебя, но для твоего же блага». После 31 октября он уверовал в свою двойную миссию. Он возомнил себя архангелом Михаилом, спасителем гибнущего общества».

28 ноября генерал Трошю патетически восклицал: «С верою в бога вперед на защиту родины!» В действительности же он помышлял не столько о борьбе с пруссаками, сколько о подавлении парижских рабочих. Он собирался организовать, так сказать, комедию обороны.

В тот же день, 28 ноября, генерал Дюкро, командующий второй парижской армией, заявил:

«Я вернусь в Париж только победителем или погибну. Вы, может быть, увидите, как я паду сраженный, но никогда не увидите моего отступления. Не останавливайтесь тогда, а отомстите за меня. Итак, вперед! Вперед, и да хранит нас господь!»

Речь шла о том, чтобы подготовить вылазку в направлении Шампиньи. Но Дюкро возвратился в Париж, и он не погиб и не оказался победителем. Он оставил на поле боя 8 тысяч человек и вернулся в Париж

побежденным. Так обнаруживалась беспечность, бездарность и предательство штаба, который не доверял народу и не хотел бить врага с помощью народа.

После этой пресловутой вылазки генерала Дюкро Трошю с легким сердцем в течение двадцати дней почи-вал на лаврах. Он использовал это время, чтобы распу-стить и оклеветать батальон стрелков Бельвиля, ибо в нем было слишком много горячих голов, а также для того, чтобы опозорить 200-й батальон.

Наконец 21 декабря правительство решило вспом-нить о пруссаках. Мобили департамента Сена были бро-шены без пушек на Стен и Ле-Бурже. Они были встре-чены сокрушительным огнем артиллерии. Успех при Ла Виль-Эврар не был закреплен и использован. Нацио-нальные гвардейцы почти без всякого прикрытия в те-чение двух дней выдерживали на плато Аврон огонь 50 орудий. После того как многие гвардейцы были пере-биты, генерал Трошю вдруг обнаружил, что эта позиция не имеет большого значения, и приказал оставить ее.

Париж был недоволен. Тогда Трошю распорядился расклеить афиши, в которых заверял, что он никогда не капитулирует. И в ночь с 18 на 19 января 1871 года он атаковал оборонительные укрепления, прикрывавшие Версаль. В великолепном порыве французские войска завладели редутом Монтрету, парком Бюзанваля и частью Сен-Клу. Но тут Трошю, решивший, несомненно, что французские солдаты зашли слишком далеко, отдал приказ об отступлении, и батальоны, возвращаясь, крича-ли в ярости. Все понимали, что их бросили в бой, чтобы пожертвовать ими. Действительно, один полковник цинич-но заявил: «Ну что же, мы сделаем национальный гвар-дии небольшое кровопускание, раз уж она этого хочет».

22 января произошло новое революционное выступ-ление, напоминавшее выступление 31 октября. Нацио-нальные гвардейцы 101-го маршевого батальона и 207-го батиньольского батальона, к которым присоединилась толпа народа, атаковали Ратушу, а также тюрьму Ма-зас, где были заключены обвиняемые по делу о восста-нии 31 октября. Выступление было подавлено, а его не-удачный исход привел к усилению репрессий. «Прави-тельство национальной обороны» одержало победу над парижским народом, но оно готово было капитулиро-вать перед пруссаками.

В этот же день, 22 января, генерал Трошю был заменен на посту главнокомандующего Парижской армии генералом Винуа, но он остался главой правительства.

28 января было подписано соглашение о перемирии сроком на 21 день. Форты Рони и Ножан, которые еще вели огонь, замолчали. Перемирие имело своей целью предоставить «правительству национальной обороны» возможность избрать Национальное собрание, которое должно было высказаться по вопросу о продолжении войны или об условиях мира. Собрание должно было быть создано в Бордо.

Выборы состоялись 8 февраля. В Париже результаты голосования свидетельствовали о том, что население стоит за продолжение войны и за республику. Однако в большинстве своем Собрание было реакционным: из 750 депутатов 450 были монархистами. Выборы показали, сколь велико было влияние реакционеров среди крестьян. Именно поэтому Бордоское собрание получило прозвище собрания «деревенщины»¹.

Главным деятелем этого реакционного собрания был Тьер, так называемый освободитель страны². Еще до того как он стал убийцей коммунаров, он договорился с Бисмарком о перемирии, но оно было сорвано выступлением 31 октября в Париже. Он саботировал оборону, вместо того чтобы предоставить себя в распоряжение Турской делегации, которой руководил Гамбетта. Для Тьера врагом были не пруссаки, а народные массы, парижские патриоты, которые не хотели капитулировать. Тьер, цинично спекулировавший на всех предрассудках, на ретроградных чувствах, на ненависти реакционеров к Парижу, готовился сыграть в Бордо, а затем в Версале свою отвратительную роль.

Собрание реакционеров в Бордо показало, как ненавидело оно Париж. Оно оскорбляло Париж. Оно осмеливалось обвинять парижскую национальную гвардию в том, что она бежала от врага. Это Собрание, избравшее

¹ Одним из первых так охарактеризовал это собрание мелкобуржуазный радикал адвокат Гастон Кремье (впоследствии один из руководителей Марсельской Коммуны). — *Прим. ред.*

² Так называли Тьера буржуазные историки, восхвалявшие его за то, что, став президентом республики, он выплатил военную контрибуцию Германии и подготовил этим вывод немецких войск из Франции. — *Прим. ред.*

Тьера главой исполнительной власти¹, некоторое время не решалось подписать мир с Германией. Но Тьер жаждал мира любой ценой. Он поспешил навязать депутатам свои взгляды, тем более что продолжение войны было немыслимо без мобилизации всех сил нации, а это отнюдь не соответствовало планам большинства депутатов.

Уже 19 февраля Тьер сообщил Национальному собранию список членов своего правительства. Министром иностранных дел в нем был Жюль Фавр, то есть тот самый человек, который поддерживал контакт с Бисмарком во время осады Парижа.

Прелиминарный договор о мире был подписан в Версале 26 февраля, после чего Тьер тотчас же выехал обратно в Бордо, где Собрание (на обсуждение которого был срочно поставлен вопрос о ратификации этого мирного договора) одобрило его 546 голосами против 107.

Впоследствии с этим Собранием сравнилось в подлости другое — то, которое собралось в Виши 10 июля 1940 года. Но если в Бордо депутаты от Эльзаса протестовали против аннексии Эльзаса и Лотарингии, то в Виши предатели не обмолвились ни словом, когда в октябре 1940 года гитлеровцы аннексировали Эльзас и Лотарингию. В Национальном собрании Виши никто не поднял голоса против измены, ибо решительные патриоты — коммунисты — были уже изгнаны из него. Но история помнит, что Французская коммунистическая партия в условиях оккупации родины подняла голос протеста возмущенной Франции.

Антинациональная позиция Бордоского собрания вызвала в Париже огромную тревогу. В конце января² в Зимнем цирке состоялось собрание национальных гвардейцев. 15 февраля в зале Тиволи на улице Таможни происходило второе собрание представителей национальной гвардии.

¹ 17 февраля 1871 года. — *Прим. ред.*

² 28 января 1871 года группа офицеров 145-го батальона национальной гвардии, создав свой Инициативный комитет, обратилась ко всем батальонам с предложением выделить делегатов в окружные комитеты национальной гвардии, а затем организовать на этой базе Центральный комитет. Собрание в Зимнем цирке состоялось 6 февраля. — *Прим. ред.*

В ходе этого собрания было решено, что все батальоны национальной гвардии объединятся вокруг Центрального комитета. 24 февраля 2 тысячи делегатов от рот национальной гвардии приступили к выборам Центрального комитета. Было решено, что части национальной гвардии будут признавать своими командирами только тех, кого они выберут сами. Это было ответом на назначение генерала Винуа, подписавшего капитуляцию Парижа в качестве военного губернатора столицы.

Парижане понимали, что «правительство национальной обороны» предало их. Они были возмущены подписанием и ратификацией прелиминарного мирного договора. Они собирались ответить на него достойным образом, когда немецкие войска вступили в столицу в соответствии с условиями соглашения, одобренными Тьером. 26 февраля, в тот самый день, когда в Версале был подписан прелиминарный мирный договор, парижские патриоты увезли пушки национальной гвардии, находившиеся в том секторе, который должны были занять немцы.

Эти пушки были отлиты на средства, собранные по подписке среди парижан во время осады столицы, и народ, естественно, не хотел, чтобы они попали в руки захватчиков. Вот почему патриоты тащили на руках вплоть до площади Вогезов орудия, стоявшие на авеню Ваграм, в Нёйи и в Отёйе. Затем их распределили между Бютт-Шомоном, Бельвилем, Шаронном, Ла-Виллетом и Монмартром.

В тот же день около 40 тысяч национальных гвардейцев приняли участие в манифестации, прошедшей по улицам Парижа. На Восточном вокзале народ захватил оружие. Два дня спустя Монмартр был охвачен волнением, народ предместий вооружался. Все это происходило за несколько дней до вступления немцев в Париж; поэтому в случае столкновения между парижским народом и оккупантами можно было опасаться худшего.

Люди, принадлежавшие к Интернационалу, к Центральному комитету 20 округов, к Федерации синдикальных палат и к национальной гвардии, поняли значение грозившей опасности и, по выражению Лиссагарэ, «осмелились пойти против течения», опубликовав воззвание, в котором призывали население избегать

всякого столкновения с немецкими войсками. В этом воззвании ¹, в частности, говорилось:

«Всякое выступление только подставит народ под удары врагов революции, германских и французских монархистов, которые потопят в море крови все его социальные требования. Мы не забыли еще об июньских днях...»

«Вокруг кварталов, которые должен занять неприятель, будет сооружено кольцо баррикад, чтобы полностью изолировать эту часть города. Национальная гвардия совместно с армией будет следить за тем, чтобы неприятель... не мог сообщаться с остальными частями города» ².

Это воззвание, опубликованное в виде афиш в траурной рамке, произвело огромное впечатление. Не было отмечено ни одного инцидента. Эффект, произведенный этим документом, подписанным неизвестными людьми, сразу же выявил существование влиятельной организации, которая еще только создавалась; но должна была сыграть чрезвычайно важную роль в ходе событий. Речь идет о Центральном комитете национальной гвардии.

Национальная гвардия состояла из добровольцев, которые, продолжая заниматься своими делами, в то же время несли военную службу. Разумеется, при определении условий зачисления в национальную гвардию исходили из классовых соображений. Различные ограничения фактически преграждали доступ в нее значительному числу рабочих, тогда как многочисленные представители буржуазии и мелкой буржуазии зачислялись в нее и получали оружие.

Однако во время осады Парижа правящие круги вынуждены были принять меры, открывшие трудящимся доступ в батальоны национальной гвардии. А так как многие из этих рабочих были без работы, то их использовали все время только как национальных гвардейцев, выплачивая им жалованье в размере 1,5 франка в день.

Совершенно не считаясь с чувствами национальной

¹ Это воззвание исходило от Федерального совета парижских секций Интернационала, Федеральной палаты рабочих обществ и ЦК 20 округов. — *Прим. ред.*

² Выдержка из обращения ЦК национальной гвардии. — *Прим. ред.*

гвардии и парижского народа, правительство Тьера не приняло никаких мер предосторожности, чтобы подготовить вступление немцев в Париж. 27 февраля в афише, язык которой был сухим как протокол, министр внутренних дел Эрнест Пикар объявил, что 1 марта 30 тысяч немецких солдат займут Елисейские поля.

Действительно, 1 марта пруссаки вступили в Париж. Вот как описывает это событие Лиссагарэ:

«Пруссаки смогли вступить в город 1 марта. Но этот Париж, которым снова завладел народ, не был более Парижем аристократов и крупных буржуа, как 30 марта 1815 года¹. Черные флаги, свисавшие с домов, пустынные улицы, закрытые магазины, умолкнувшие фонтаны, завешенные статуи на площади Согласия, темнота по вечерам, поскольку газ не зажигали, — все это говорило о том, что город не укрощен. Такой, должно быть, показалась Великой армии Москва².

Расположившиеся между Сеной, Лувром, все выходы из которого были закрыты, и цепью баррикад, окружавших предместье Сент-Оноре, немцы, казалось, попали в ловушку. Девиц, которые осмелились перейти эту границу, высекли. Кафе на Елисейских полях, которое открыло свои двери немцам, было разгромлено. Только в предместье Сен-Жермен один крупный аристократ решился предоставить пруссакам кров».

Со своей стороны Фридрих Энгельс так писал об этом же событии:

«И последние [немцы] не решились с триумфом войти в Париж; они заняли только небольшой уголок Парижа, часть которого вдобавок состояла из общественных парков, но и то заняли всего лишь на несколько дней. И в течение этого времени победители, державшие Париж в осаде в течение 131 дня, были сами осаждены вооруженными па-

¹ При вступлении войск шестой европейской коалиции в Париж представители дворянской аристократии и крупной буржуазии, забыв всякий стыд, восторженно приветствовали эти войска. — *Прим. ред.*

² 14 сентября 1812 года армия Наполеона вступила в Москву, покинутую почти всем населением. — *Прим. ред.*

рижскими рабочими, неусыпно следившими за тем, чтобы ни один «пруссак» не перешагнул узких границ предоставленного чужеземному завоевателю уголка»¹.

Антинациональная и антиреспубликанская политика Бордоского собрания и правительства Тьера вызывала глубокое возмущение народных масс и национальной гвардии, влияние которой продолжало возрастать.

3 марта, в ответ на назначение генерала Ореля де Паладина командующим национальной гвардии собрались делегаты 200 батальонов. Они приняли Устав Федерации национальной гвардии и избрали Исполнительную комиссию. От этого слова «Федерация» и произошло название «федераты», данное солдатам Коммуны.

Национальная гвардия была мощной массовой организацией. Она могла стать важной опорой для активистов Интернационала, что и подчеркнул Эжен Варлен, выступая 1 марта 1871 года на заседании парижского Федерального совета Интернационала:

«Войдем туда не как члены Интернационала, — сказал он, — а как национальные гвардейцы и постараемся привлечь на свою сторону эту организацию».

Однако другие члены Федерального совета противопоставили этой ясной точке зрения на задачи социалистического авангарда целый ряд оговорок. В конечном счете французские интернационалисты (так называли членов Первого Интернационала) не сделали, разумеется, всего того, что они могли бы сделать, чтобы усилить свое влияние внутри национальной гвардии и ее руководящего органа — Центрального комитета.

Приступив к исполнению функций командующего национальной гвардии, генерал Орель де Паладин сделал следующее угрожающее заявление:

«Председатель совета министров, глава исполнительной власти Французской республики, доверил мне верховное командование национальной гвардией департамента Сена.

Я сознаю, сколь велика эта честь. Она возлагает

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 87.

на меня большие обязанности. Первейшей из них является обеспечение порядка и уважения к закону и собственности. Я твердо намерен решительно подавлять все, что могло бы нарушить спокойствие города».

Поскольку Национальное собрание было избрано в принципе для решения вопроса о продолжении войны или заключении мира, то было бы логично, чтобы после выполнения своей печальной миссии оно перестало существовать. Однако у монархистов, которые преобладали в нем, были иные цели: они хотели задуть республику и обуздать Париж, который являлся как бы олицетворением республики.

Париж мучительно переживал позор прусской оккупации, когда его население узнало ужасные новости. Газеты, поддерживавшие Бордоское собрание, негодовали по поводу того, что Париж посмел выказать враждебность к пруссакам. Было предложено сделать местопребыванием Собрания не Париж, а какой-либо другой город. Кроме того, был внесен законопроект о просроченных платежах и о квартирной задолженности, угрожавший разорением торговцам и ремесленникам. Мир был ратифицирован. Эльзас и часть Лотарингии были отторгнуты от Франции. Предстояло уплатить 5 миллиардов франков. Оккупация парижских фортов должна была продолжаться до выплаты первых 500 миллионов, а оккупация восточных департаментов — до окончательной уплаты контрибуции.

Все это унижало, угнетало Париж. И как бы желая прибавить к стольким оскорблениям еще одно, Тьер назначил на пост командующего национальной гвардии того, кто сдал Орлеан, — генерала Орель де Паладина, которого Гамбетта вынужден был сместить из-за непригодности.

Париж знал этого генерала, который в письме к Наполеону III, опубликованном незадолго до этого, выражал сожаление, что его не было в Париже 2 декабря 1851 года, когда убивали парижан. И вот этого-то генерала-палача назначили командующим национальной гвардии! Сразу же по прибытии в Париж генерал созвал командиров батальонов национальной гвардии. Впрочем, он не добился большого успеха: из

260 командиров явилось только 30. Он прибыл, как заявил он, чтобы очистить армию от дурных элементов.

В то же время Тьер распространял в провинции лживые слухи о поджогах и грабежах в Париже. Виктор Гюго отказался от своего депутатского мандата после того, как Бордоское собрание оскорбило его.

Тьер писал герцогу Бройлю¹: «Палата испытывает ужас перед Парижем». Она собиралась приблизить местопребывание правительства и Собрания к Парижу, но не располагать их в самом Париже. 9 марта депутаты обсуждали вопрос о переезде Национального собрания в какое-нибудь другое место, только не в Париж, который они считали, по выражению одного монархиста того времени, «центром организованного бунтарства». В конце концов было решено 427 голосами против 154 перенести местопребывание Собрания в Версаль.

Париж был официально лишен звания столицы.

Реакционные меры обрушивались на население Парижа одна за другой. Решение лишить Париж звания столицы, принятое в Бордо 10 марта, было дополнено в тот же день запрещением издания шести республиканских газет² и принятием закона Дюфора о просроченных платежах.

В силу этого закона коммерческие векселя, выданные до или после закона 13 августа 1870 года об отсрочке платежей ввиду войны, векселя, срок которых истекал 12 апреля 1871 года, подлежали оплате. Коммерческие векселя, выданные в период с 13 августа по 12 ноября 1870 года, подлежали оплате через семь месяцев после истечения срока. Что касается векселей, срок которых истекал между 13 ноября 1870 года и 12 апреля 1871 года, то они могли быть предъявлены ко взысканию с 13 июня по 2 июля.

Это означало фактически разорение многочисленных должников. Поэтому многие торговцы, фабриканты и коммерсанты заявили резкий протест, но, несмотря на это, закон Дюфора был оставлен в силе. Сверх того правительство представило законопроект, позволявший

¹ Видный деятель партии орлеанистов, в то время французский посол в Лондоне, впоследствии глава министерства. — *Прим. ред.*

² Это постановление генерала Винуа было датировано 11 марта. — *Прим. ред.*

взыскивать задолженность по квартирной плате, образовавшуюся вследствие войны.

Это неизбежно должно было привести к наложению ареста на имущество и к принудительному выселению многих квартирнанимателей. Эти антинародные меры были дополнены отменой жалованья национальным гвардейцам¹, что должно было ввергнуть многих парижан в полную нищету.

Так цинично проявлялась реакционная сущность политики Тьера, направленной не только против трудящихся масс, но и против средних слоев. Все это наполняло радостью мерзкую каналью Жюля Фавра. 10 марта в письме к Тьеру он выражал свою радость по поводу решения Собрания, а также по поводу запрещения издания шести республиканских газет, добавляя при этом:

«Мы полны решимости покончить с укреплениями Монмартра и Бельвиля и надеемся достигнуть этого без кровопролития.

Сегодня вечером военный суд, разбирая дела второй очереди обвиняемых по делу о событиях 31 октября, заочно приговорил Флуранса, Бланки и Левро к смертной казни, а Валлеса, присутствовавшего на суде, к шести месяцам тюремного заключения.

Завтра утром я отправляюсь в Ферьер, чтобы согласовать с прусскими властями множество частных деталей».

Из этого письма явствует, что задуманная Тьером операция с целью захвата пушек, которые национальная гвардия установила в безопасном месте, вот-вот должна была начаться.

Париж жил как в лихорадке. Перед лицом усилившихся репрессий Центральный комитет национальной гвардии все более укреплял свои позиции. Националь-

¹ 15 февраля 1871 года было издано правительственное постановление, предлагавшее национальным гвардейцам, которые получали до сих пор жалованье и нуждаются в нем, подать в 10-дневный срок письменное заявление, подтверждающее их материальную нужду и отсутствие работы. Сообщившим ложные сведения угрожало исключение из рядов национальной гвардии и предание суду. Это постановление распространялось и на жен национальных гвардейцев, получавших пособие. — *Прим. ред.*

ная гвардия превращалась, по выражению одного историка Коммуны, в «общество по страхованию от государственного переворота». Центральный комитет был начеку.

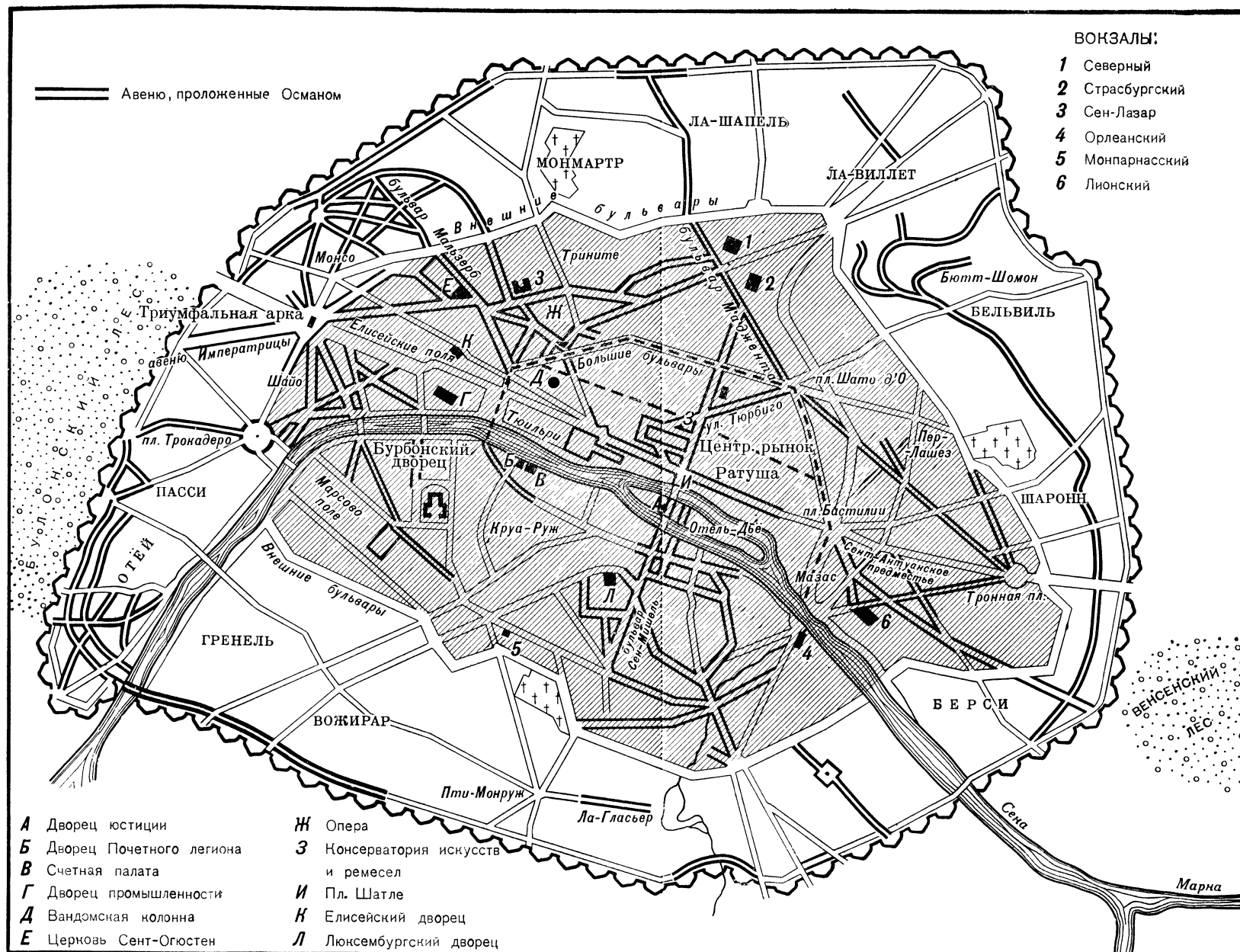
В связи с такой ситуацией делегаты национальной гвардии (офицеры и гвардейцы), которые уже собирались 4 и 10 марта, собрались снова 13-го. И на этом собрании представители 215 батальонов из 270 утвердили создание Федерации национальной гвардии и организовали Центральный комитет, в который должны были войти по четыре делегата от каждого округа.

Пруссаки оставили Версаль, где в роскошной Зеркальной галерее они провозгласили прусского короля Вильгельма I германским императором¹. 14 марта Тьер обосновался в префектуре департамента Сена и Уаза. Именно здесь он занялся подготовкой наступления на парижский народ, который все более решительно выражал свое недовольство.

По прибытии в Версаль, куда вслед за ним должно было последовать Собрание, заседание которого было назначено на 20 марта, Тьер счел необходимым убедиться, что со стороны Парижа нечего опасаться. С этой целью глава исполнительной власти отправился 17 марта в Париж, где он собрал своих министров вместе с командующим Парижской армии генералом Винуа и командующим национальной гвардии генералом Орель де Паладином.

Тьер полагал, что 300 тысяч национальных гвардейцев, которых Трошю отказался использовать в боях во время осады, не смогут оказать серьезного сопротивления «солдатам порядка». Он рассчитывал, что с 15—20 тысячами солдат регулярной армии он сможет обуздать Париж. Но при оценке сложившейся ситуации он не учитывал двух важных факторов. С одной стороны, он не замечал того, что почти вся национальная гвардия, охваченная пламенными патриотическими чувствами и стремлением к политическим и социальным преобразованиям, сплотилась воедино вокруг своего Центрального комитета. С другой стороны, он не замечал того, что солдаты регулярных войск, составлявшие парижский гарнизон, в значительной степени разделяли умонастрое-

¹ Это произошло 18 января 1871 года. — *Прим. ред.*

Париж во время Коммуны (белым цветом даны коммуны, расположенные внутри линии городских укреплений и присоединенные к Парижу).

Жак Дюкло

ния жителей Парижа и готовы были поднять ружья «прикладами вверх».

Тьер обещал Собранию, что оно сможет открыть свои заседания в Версале 20 марта, не опасаясь «мятежа улиц». Поэтому он спешил — он хотел с этим покончить. Все было пушено в ход, чтобы спровоцировать парижан и толкнуть их на борьбу.

17 марта было расклеено обращение к жителям Парижа за подписью Тьера и его министров. В нем говорилось:

«С некоторого времени под предлогом борьбы с пруссаками, которых уже нет более в стенах вашего города, злонамеренные люди захватили часть города в свои руки, возвели там укрепления и поставили караул, заставляя и вас принимать в этом участие, подчиняясь приказу некоего тайного комитета; этот комитет желает один распоряжаться частью национальной гвардии, не признавая, таким образом, власти генерала д'Ореля, столь достойного возглавлять вас, и хочет образовать свое правительство...

Пушки, похищенные у государства, будут возвращены в арсеналы; при выполнении этого срочно-го, справедливого и разумного дела правительство рассчитывает на вашу помощь. Пусть благонамеренные граждане отвернутся от дурных и помогут законной власти, вместо того чтобы противодействовать ей.

Парижане! Мы обращаемся к вам с этой речью, ибо уважаем ваш здравый смысл, ваше благоразумие и ваш патриотизм. Предупреждение сделано, и отныне мы вправе прибегнуть к силе, ибо необходимо во что бы то ни стало, не медля ни одного дня... полностью восстановить незыблемый порядок».

Две другие афиши, датированные 18 марта, были обращены к национальной гвардии, одна за подписью генерала Орель де Паладина и министра внутренних дел Эрнеста Пикара, другая за подписью Тьера и всех министров.

Эта вторая афиша утверждала:

«Распускают нелепые слухи, будто правительство готовит государственный переворот.

У правительства Республики нет и не может быть иной цели, кроме спасения Республики. Принятые им меры были необходимы для поддержания порядка; оно хотело и хочет покончить с повстанческим комитетом, члены которого, почти все неизвестные населению, являются лишь носителями коммунистических идей и предадут Париж разграблению, а Францию обрекут на гибель, если армия и национальная гвардия не поднимутся, дабы общими усилиями защитить Отечество и Республику».

Потрясая пугалом коммунизма, правительство рассчитывало оправдать свои крайние меры. Это происходило именно в момент осуществления операции по захвату пушек национальной гвардии — операции, которая как раз и должна была привести к революционному взрыву.

В своем гениальном предвидении событий Карл Маркс предугадал опасность, которая угрожала Парижу. Именно поэтому во втором воззвании Генерального совета I Интернационала о франко-прусской войне, датированном 9 сентября 1870 года, он призывал к разумию, о чем уже говорилось выше. Маркс предостерегал французских рабочих, но когда массы восстали, тогда, как писал Ленин:

«Маркс хочет идти с ними, учиться вместе с ними, в ходе борьбы, а не читать канцелярские наставления. Он понимает, что попытка учесть наперед шансы *с полной точностью* была бы шарлатанством или безнадёжным педантством. Он *выше всего* ставит то, что рабочий класс героически, самоотверженно, инициативно *творит* мировую историю. Маркс смотрел на эту историю с точки зрения тех, кто ее *творит*, не имея возможности наперед *непогрешимо* учесть шансы, а не с точки зрения интеллигент-мещанина, который морализирует «легко было предвидеть... не надо было браться...»¹

Парижские революционеры оказались в крайне трудном положении. Перед лицом наступления, начатого против них Тьером, который прибег к грубому насилию

¹ В. И. Ленин, Соч., изд. 5, т. 14, стр. 378—379.

и располагал мощными средствами, революционеры почти не могли уклониться от столкновения, что позволило бы им сберечь свои силы для последующих боев. Неизбежным следствием капитуляции без боя была бы деморализация и разложение революционных сил. Действительно, трудящиеся Парижа оказались перед дилеммой: или позволить раздавить себя без борьбы, или же ответить на провокации Тьера.

Под давлением масс и в значительной степени благодаря их инициативе решено было дать отпор Тьеру. И Карл Маркс тотчас же заявил о своей полной солидарности с вступившими в борьбу трудящимися Парижа. Поднявшись на восстание 18 марта, эти трудящиеся обеспечили победу первой пролетарской революции. Они выступили как выразители интересов и устремлений трудящихся всех стран.

Парижская Коммуна явилась своего рода знаменем, оповестившим о вступлении в борьбу новых социальных сил, которые осуществили в дальнейшем столь глубокие изменения в мире. В тот век, который был веком развития капитализма и торжества буржуазии, Парижская Коммуна была как бы прообразом грядущего века, нашего века, века социализма, восторжествовавшего ныне на обширной части земного шара. Вот почему, по прекрасному выражению Карла Маркса, герои Коммуны «навек запечатлены в великом сердце рабочего класса»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 17, стр. 366.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Революция 18 марта

Попытка отнять у национальной гвардии ее пушки и восстание парижского народа. — Центральный комитет национальной гвардии в Ратуше. — Его первые шаги. — Его ошибка: отказ от преследования войск Тьера до Версаля. — Выборы 26 марта. — Провозглашение Коммуны. — Характер этого нового правительства

18 марта, в 3 часа утра, войска Тьера, которым было приказано захватить пушки национальной гвардии, двинулись в направлении Бютт-Шомона, Бельвиля, предместья Тамплль, площади Бастилии, Ратуши, площади Сен-Мишель, Люксембургского дворца и Дома инвалидов.

Две бригады дивизии Сюсбиеля, одной из которых командовал генерал Леконт, должны были занять высоты Монмартра. Другая дивизия, под начальством генерала Фарона, была послана для захвата Бютт-Шомона и для нейтрализации Бельвиля и Менильмонтана. Дивизия генерала Модюи должна была занять кварталы Бастилии и Ратуши, площадь Сен-Мишель и Люксембургский дворец.

Префект полиции генерал Валантэн имел, кроме того, в своем распоряжении силы, равные одной дивизии, а именно республиканскую гвардию и различные подразделения, которые занимали Тюильрийский дворец, площадь Согласия, Елисейские поля, Дом инвалидов и Военную школу.

Операция по захвату пушек вылилась в конечном счете в военное окружение Парижа, имевшее своей целью нейтрализовать влияние Центрального комитета национальной гвардии. Наступление войск Винуа сначала было успешным. На Монмартре генерал Леконт рас-

сеял национальных гвардейцев и завладел пушками. Но их нужно было доставить на площадь Инвалидов, а упряжки, за которыми были посланы солдаты, все еще не прибыли, и дальнейшему ходу операции угрожала серьезная опасность.

В самом деле, как только рассвело, национальные гвардейцы, которым удалось пробраться сквозь кольцо войск, подняли тревогу. По инициативе комитета бдительности XVIII округа ударили в набат, сигнал общего сбора поднял на ноги роты национальной гвардии. Толпа теснилась вокруг солдат, пытавшихся увезти пушки. К 8 часам утра войска, занимавшие Монмартр, как бы растворились в людском потоке.

Дух воинской дисциплины не мог устоять перед столь непосредственным общением с народом. Солдаты 88-го пехотного полка не остались бесчувственными к призывам женщин: неужели они будут стрелять в своих братьев! Они подняли ружья прикладами вверх и побратались с народом при криках: «Да здравствует пехота! Долой Винуа! Долой Тьера!»

Несколько солдат республиканской гвардии, а также некоторые офицеры, в том числе генерал Леконт, были схвачены. Тем временем национальные гвардейцы и солдаты 88-го полка внесли разложение в ряды бригады Леконта, которая перестала существовать в это утро как самостоятельная воинская часть.

На площади Пигаль повстанцы отступили под натиском остатков дивизии Сюсбиеля, но в Бельвиле и Менильмонтане войска генерала Фарона вынуждены были отойти.

Операция по захвату пушек не удалась. Тьер и его министры, собравшиеся в министерстве иностранных дел, были охвачены беспокойством: тревожные вести поступали со всех концов Парижа. А в это время генерал Винуа ожидал в Лувре сообщения о победе, которая становилась все менее вероятной. Что касается военного министра генерала Леффло, то его едва не захватили повстанцы, когда он объезжал квартал Бастилии.

Ввиду такой неудачи Тьер, который в 1848 году советовал Луи Филиппу покинуть Париж, сосредоточить войска за пределами столицы, а затем атаковать восставших парижан, решил осуществить теперь подобный план. Он отдал приказ всем войскам отступить за Сену,

то есть на ее левый берег, рассматривая это отступление как первый этап полной эвакуации Парижа.

Министры Тьера не были согласны со своим главой относительно этой операции. Орель де Паладин, высказывавшийся за сопротивление в самом Париже, предпринял даже попытку мобилизовать национальную гвардию, командуя которой он номинально являлся, но ему с трудом удалось собрать лишь 500 гвардейцев.

Неудача, постигшая Тьера, превзошла все, что можно было предполагать. Во второй половине дня глава исполнительной власти и его министры, по-прежнему находившиеся в министерстве иностранных дел, увидели, как мимо здания проходили батальоны национальной гвардии, направляясь к Ратуше.

Если бы эти батальоны получили приказ занять министерство иностранных дел, Тьер был бы захвачен национальными гвардейцами, и это оказало бы определенное влияние на ход событий. Впрочем, когда Тьер увидал этих проходивших под окнами гвардейцев, он испугался и поспешил бежать; перед отъездом он подтвердил свой приказ об эвакуации Парижа, включая южные форты, а также Мон-Валерьен и Курбеуа. Что касается министров, то они покинули Париж вечером, после того как опубликовали воззвание, в котором говорилось:

«Комитет, принявший название Центрального комитета, после того как он захватил некоторое количество пушек, покрыл Париж баррикадами и завладел ночью министерством юстиции. Он открыл стрельбу по защитникам порядка и захватил некоторых из них, хладнокровно умертвил генерала Клемана Тома и другого генерала французской армии — Леконта.

Кто такие члены этого Комитета? Никто в Париже не знает их... Никто не может даже сказать, к какой партии они принадлежат. Коммунисты они, бонапартисты или сторонники пруссаков? Или же они агенты этой тройственной коалиции?»

Это гнусное обращение, содержавшее призыв к населению стать на сторону правительства, было подписано Дюфором, Жюлем Фавром, Эрнестом Пикаром, Жюлем Симоном, адмиралом Потюо и генералом Леффо,

Генерал Леконт, арестованный после того, как он пытался заставить солдат стрелять в толпу, и генерал Клеман Тома, один из июньских палачей 1848 года, также арестованный утром 18 марта, действительно были расстреляны на улице Розье. Но министры, проливавшие крокодиловы слезы над трупами этих двух человек, способны были — и они доказали это в дальнейшем — пролить кровь патриотов, кровь народа.

Генерал Леконт приказал стрелять в толпу при таких обстоятельствах, которые показывают, как прямое общение солдат с народом может повлиять на войска, которым было поручено выполнение антинародного задания. Небесполезно поэтому вспомнить на основании рассказа одного из историков Коммуны, Эдмона Лепеллетье¹, как это произошло.

«Генерал Леконт почувствовал, что войска ускользают из под его власти. Во время манифестаций, уличных сборищ надо всегда следить за тем, чтобы солдаты были отделены от народа определенным пространством. У Леконта были только пехотинцы, и контакт этих людей с толпой становился с каждой минутой все более тесным, все более опасным. Леконт принял тогда решение применить силу. Он приказывает толпе разойтись, а затем отдает команду прицелиться.

Женщины подались назад и разбежались с громкими криками. Однако не прозвучало ни одного выстрела. Егеря не стали стрелять. Генерал Леконт быстро спускается и повторяет нижестоящему взводу приказ стрелять, который он отдал егерям, находившимся под командованием майора Пуссарга. Солдаты 88-го полка делают вид, что не понимают приказа. Он снова повторяет команду. Солдаты как будто не слышат его. Они по-прежнему неподвижны с ружьем к ноге. Вдруг в рядах происходит движение. Появляются новые люди. Это национальные гвардейцы, смешавшиеся с солдатами. Услыхав

¹ Лепеллетье, Эдмон Адольф (1846—1913) — демократический публицист, сотрудничавший в революционных газетах 1871 года, участник Коммуны; в 1911—1913 годах опубликовал книгу «История Коммуны» (в трех томах), но не успел закончить ее. — *Прим. ред.*

сигнал сбора, они собрались на улице Дудовиль, в Клиньянкюре, за восточным склоном холма. Они поднимались по бульвару Орнано в направлении к Шато-Руж. На своем пути на улице Дежан они наткнулись на сторожевой пост 88-го полка. Несколько национальных гвардейцев отделились и направились к солдатам, заговорили с ними, уговаривая их присоединиться к ним. Им удалось убедить солдат и увлечь их за собой.

Увидев своих товарищей, которые направлялись к ним вместе с национальными гвардейцами, солдаты 88-го полка готовы были присоединиться к ним и, подобно им, побрататься с народом. Генерал Леконт почувствовал их нерешительность. В ярости он приказывает полицейским схватить нескольких мятежников. Приказ был выполнен. «Отведите их в башню Сольферино и сторожите их. Я рассчитаюсь с ними позже! — кричит Леконт и бросает вдогонку непокорным, которых уводят «блюстители порядка»: «Сволочи, ваша песенка спета!» Глухой ропот поднимается среди солдат, оставшихся на плато. Леконт возвращается к ним озлобленный и угрожающий, он кричит, что размозжит голову первому, кто осмелится послушаться. Но не раздалось ни одного выстрела, ни одно ружье не шелохнулось. Леконт, потеряв самообладание, подбежал к фронту солдат, по-прежнему неподвижных, и в бешенстве закричал: «Вы не хотите сражаться, сволочи, тогда сдавайтесь!..»

Но в рядах солдат раздался голос. Это был голос сержанта Вердаге, которого расстреляли впоследствии в Сатори скорее за этот акт неповиновения, чем за дело на улице Розье¹. Как бы в ответ Леконту, он кричит солдатам: «Товарищи, бросайте оружие»!

Тотчас же несколько солдат бросают ружья на землю. Слышится металлический звук падающего на землю оружия. В ответ раздаются радостные восклицания. Национальные гвардейцы поднимают

¹ Вердаге был расстрелян 22 февраля 1872 года по приговору Версальского военного суда за участие в казни генералов Леконта и Клемана Тома, — *Прим. ред.*

ружья прикладами вверх и кричат: «Да здравствует пехота!» Женщины бросаются к солдатам, обнимают и целуют их. С обеих сторон потрясают ружьями, кепи. Обмениваются рукопожатиями. Национальные гвардейцы протягивают солдатам, которые пока еще вооружены, свои табакерки, берут их шашпо. Офицеров оттесняют, окружают, обезоруживают».

*

Никто из членов Центрального комитета национальной гвардии не ожидал того, что Тьер примет решение об эвакуации Парижа. Революционные организации, которые неоднократно ставили вопрос о взятии власти, оказались вдруг в таких условиях, которые явно застигли их врасплох, — власти бежали. Этим объясняются медлительность и колебания, характеризовавшие действия Центрального комитета непосредственно после отъезда членов правительства.

Вечером 17 марта Центральный комитет собрался на заседание; он назначил следующее заседание на 18 марта в 11 часов вечера. И лишь незадолго до этого члены Центрального комитета встретились и отправились в Ратушу, где и заняли место бежавших правителей.

Некоторые члены Центрального комитета были столь изумлены, оказавшись в этом месте и при таких обстоятельствах, что заявили: «Мы не имеем правительственных полномочий». Но силою вещей Центральный комитет вынужден был действовать в качестве правительства.

Ввиду относительной легкости, с какой была одержана победа над Тьером, члены комитета были озабочены в первую очередь тем, чтобы отразить весьма вероятное наступление правительственных войск и возможное нападение буржуазных батальонов национальной гвардии. При этом они упускали из виду, что при создавшейся в Париже ситуации наилучшим видом обороны было наступление против войск Тьера, полностью дезорганизованных. В письме от 12 апреля 1871 года к Кугельману Карл Маркс именно так и говорил:

«Надо было сейчас же идти на Версаль, как только Винуа, а вслед за ним и реакционная часть

парижской национальной гвардии бежали из Парижа»¹.

Но не это было главной заботой Центрального комитета в тот момент. Его первой ошибкой было назначение Люлье командующим национальной гвардии. Это была по меньшей мере бездарная личность. Он упустил возможность занять форт Мон-Валерьен, который Тьер, обезумев от страха, приказал оставить, но затем распорядился снова занять.

Кроме того, ночью генерал Винуа вывел свою армию из Парижа в Версаль. Но солдаты отставали и проявляли такую недисциплинированность, что их легко можно было сагитировать и перетянуть на сторону восставших. И если бы новый командующий национальной гвардии закрыл ворота Парижа, он мог бы помешать уходу в Версаль этих частей, находившихся в состоянии полного разложения. Но это не было сделано, и впоследствии Люлье (то ли из трусости, то ли будучи предателем), не стесняясь, похвалялся перед военным судом, что он «оставил открытыми для армии все выходы»².

Пользуясь нерешительностью, которую проявляли члены Центрального комитета, мэры парижских округов попытались сыграть роль посредников между версальским правительством и Центральным комитетом. Они предложили потребовать от правительства замены генерала Орель де Паладина на посту командующего национальной гвардии депутатом от Парижа полковником Ланглуа, назначения Дориана мэром Парижа вместо Жюля Ферри, немедленного проведения муниципальных выборов и обязательства отказаться от разоружения национальной гвардии.

В ночь на 19 марта полковник Ланглуа, только что назначенный командующим национальной гвардии, явился к членам Центрального комитета, собравшимся в Ратуше. Но поскольку Ланглуа отказался признать полномочия новой власти, Центральный комитет не мог

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, М., 1952, т. II, стр. 443.

² Есть данные, свидетельствующие о том, что Люлье был связан с подпольной контрреволюционной организацией, действовавшей в Париже в дни Коммуны. Впоследствии он был приговорен к ссылке, но содержался там в привилегированных условиях. — *Прим. ред.*

согласиться на это назначение. Поэтому Ланглуа пришлось отказаться от командования.

Кроме того, 19 марта, когда Центральный комитет заседал в Ратуше, он не придавал должного значения сообщению Дюваля, командира одного из легионов, расположенных на левом берегу Сены¹, относительно намерения полков, еще находившихся тогда в Париже, отправиться в Версаль. В тот момент можно еще было воспрепятствовать их уходу и вызвать разложение в рядах частей, бежавших в Версаль, что значительно сократило бы численность войск, которыми могло располагать в тот момент правительство Тьера.

В связи с этим интересно точно выяснить, из кого состояли вооруженные силы, которыми располагали версальцы. Они были крайне незначительны, и Карл Маркс совершенно правильно оценивал соотношение наличных сил, когда писал, что революционерам 18 марта следовало тотчас же атаковать войска Тьера и преследовать их вплоть до Версаля.

В своих показаниях перед парламентской следственной комиссией после поражения Коммуны Тьер, вспоминая о первой неделе после своего бегства в Версаль, заявлял: «У нас имелось только 22 690 человек». Он хвастался тем, что распорядился вновь занять Мон-Валерьен, который был сначала эвакуирован по его приказу. Но, как мы знаем, этот форт мог бы быть занят федератами, если бы только Люлье выполнил свой долг.

Тьер добавлял:

«Что касается других фортов, то мы бы ослабили себя, если бы захотели сохранить их, так как нам потребовалось бы по меньшей мере 8 тысяч человек, чтобы занять их. Нам бы пришлось выделить для этого значительную часть наших сил. Поэтому я сохранил за собой только Мон-Валерьен и вывел все остальные силы. Благодаря этому я располагал 22 тысячами хорошо дисциплинированных солдат, находившихся под надежным командованием.

Первые две недели мы провели в Версале, ничего не предпринимая. Это были худшие дни моей жизни. В Париже господствовало мнение: с Версалем

¹ Дюваль командовал XIII легионом национальной гвардии, —
Прим. ред.

покончено; как только мы явимся туда, солдаты поднимут ружья прикладами вверх. Я был уверен, что этого не произойдет. И все же, если бы нас атаковало 70 или 80 тысяч человек, я не смог бы поручиться за стойкость армии, которая была угнетена прежде всего сознанием своей крайней малочисленности».

Эдмон Лепеллетье следующим образом комментирует это признание Тьера:

«В первую неделю после бегства правительство и Собрание располагали для своей защиты только малонадежными и притом недостаточными силами. Если бы тогда произошло столкновение и разыгралось сражение, то армия парижан в десять раз превосходила бы по численности своего противника: 200 тысяч охваченных энтузиазмом парижан против 20 тысяч деморализованных солдат.

Если бы 20 марта эти превосходящие силы атаковали Версаль, то, как признавался Тьер — а ему нелегко было в этом признаться, — он «не смог бы поручиться за стойкость армии». Это значит, что разложение армии, начавшееся 18 марта на высотах Монмартра, продолжалось бы на высотах Пикардии и на дорогах Версаля. Ошибка Центрального комитета, заключавшаяся в том, что он не развил успеха и не закрепил победы, одержанной 18 марта, двинувшись уже на следующий день или, самое позднее, через день на Версаль, позволила Тьеру восстановить армию и увеличить ее численность.

Благодаря этому бездействию парижан, благодаря передышке, предоставленной ими Версалью, а также поддержке со стороны Германии¹ версальская армия смогла добиться численного превосходства и вернуть себе уверенность, которой ей не доставало».

К несчастью, малочисленность войск, от которой сначала страдали версальцы, в дальнейшем стала ощущаться самой Коммуной.

Париж был отрезан. А для версальского правитель-

¹ Имеется в виду возвращение Бисмарком французских военнопленных, использованных Тьером для пополнения версальской армии. — *Прим. ред.*

ства остальная Франция служила как бы потенциальным резервом. Тем не менее Тьер не питал иллюзий на этот счет и в своих показаниях перед парламентской следственной комиссией он вынужден был заявить:

«Вскоре я убедился, что страна... подавлена обрушившимися на нее разнообразными бедствиями... Мобили мало чего стоили. Они были обескуражены; после подписания мира их распустили по домам. Ни один батальон добровольцев не прибыл к нам на помощь. Но оставались осколки наших армий, и я поспешил собрать их, реорганизовать, и вот из этих-то осколков я создал армию, которая добилась того, что вырвала Париж из рук мятежников. Как только мне удалось собрать 50 тысяч человек, я решил, что настал момент преподать мятежникам урок».

Однако Тьер колебался. Он говорил, что даже с этими 50 тысячами солдат нападение на Париж могло оказаться рискованным. Впоследствии он признал это перед следственной комиссией:

«Париж — столь грозная крепость, что было бы неразумно атаковать его с 50 тысячами человек. Я был убежден, что мы добьемся победы с помощью орудийного огня, но тогда у нас не было еще достаточно артиллерии».

Вот тут-то и дало себя знать сотрудничество Тьера с Бисмарком; оно позволило создать армию, которая должна была раздавить Париж. Тьер заявлял не без лицемерия:

«Неверно, будто у меня было, как это утверждали, много трудностей с прусским правительством из-за Коммуны и будто оно питало к ней хотя бы малейшее расположение... Г-н Бисмарк открыто предлагал нам свою помощь против Коммуны, которую мы, разумеется, не могли принять¹. Он даже торопил

¹ Речь шла о прямом участии немецких оккупационных войск в борьбе против революционного Парижа. Тьер отказался принять это предложение Бисмарка, так как опасался, что открытый союз с германскими милитаристами восстановит против версальского правительства все патриотические силы страны и сделает невозможным его дальнейшее существование. И все же германское правительство оказало весьма существенную помощь правительству Тьера. — *Прим. ред.*

нас поскорее покончить с этим и в этом отношении разделял нетерпение некоторых депутатов¹, которые хотели подменить наши идеи своими идеями, не отдавая себе отчета в трудностях создавшейся ситуации.

Однако, несмотря на эти разногласия и вопреки договору, который ограничивал численность Парижской армии 40 тысячами человек, г-н Бисмарк согласился на ее увеличение сначала до 100 тысяч, а затем до 130 тысяч человек. Он даже обеспечил нам возможности для реализации этого увеличения, передав нам довольно значительное число наших пленных солдат, возвращение которых было ранее приостановлено вследствие возникших споров...»

Итак, по признанию Тьера, Германия Бисмарка была союзником Версаля в борьбе против Парижа.

Так, под командованием Мак-Магона, который в течение шести месяцев находился в Висбадене в качестве военнопленного и был возвращен Бисмарком Тьеру, была создана армия в 130 тысяч человек, состоявшая из пяти корпусов и оснащенная самым современным оружием.

Численный же состав вооруженных сил Коммуны не только не увеличился, но, напротив, заметно уменьшился в течение апреля, а их вооружение было значительно хуже вооружения версальцев.

Никогда не следует забывать о фактах, разоблачающих предательство национальных интересов, на которое способны правящие круги буржуазии, когда затронуты их классовые интересы.

Возвращаясь к положению, которое сложилось в Париже на следующий день после победоносной революции 18 марта, следует напомнить, что Центральный комитет, осуществляя функции правительства, сразу же организовал свою работу и распределил функции: так, например, Эд был направлен в военное министерство, Варлен и Журд — в министерство финансов, Дюваль и Рауль Риге — в префектуру полиции.

¹ То есть членов монархического большинства Национального собрания. — *Прим. ред.*

Кроме того, Центральный комитет постановил отменить осадное положение, амнистировать осужденных по политическим делам и упразднить военные суды.

Центральный комитет совершил ошибку, не заняв в ночь на 19 марта редакцию «Journal Officiel», хотя это было вполне возможно. В этих условиях номер «Journal Officiel», вышедший 19 марта, был составлен еще в правительственном духе, в нем был опубликован ряд прокламаций Тьера и лживая версия событий в Париже.

Разумеется, этот номер газеты не читали в Париже, но его читали в провинции, где он распространял клеветнические измышления о революции 18 марта. На следующий день, 20 марта, «Journal Officiel» был в руках революционеров.

*

Центральный комитет держал власть в своих руках, но казалось, что он желает поскорее избавиться от нее, обратившись с призывом к избирателям. В обращении от 19 марта он заявлял, что «не претендует занять место тех, кого смела буря народного возмущения», и намечал на 22 марта выборы.

Тем временем Тьер назначил адмирала Сессе символическим верховным командующим национальной гвардии департамента Сена. Свою неудачу 18 марта он объяснял следующим образом:

«Правительство не хотело начинать кровопролитных действий, несмотря на то, что оно было спровоцировано на это неожиданным сопротивлением Центрального комитета национальной гвардии. Это сопротивление, искусно организованное и руководимое столь же дерзкими, сколь и коварными заговорщиками, вылилось в натиск массы безоружных национальных гвардейцев и населения, которые бросились на солдат, нарушая их строй и вырывая у них оружие. Вняв их преступным призывам, многие военнослужащие забыли свой долг. Тщетно целый день созывали национальную гвардию: на месте столкновения появилось лишь незначительное число гвардейцев».

Существование Центрального комитета национальной гвардии в качестве правительственного органа было

кратковременным. Его делегат при «Journal Officiel» писал 21 марта:

«История не знает другого подобного примера, чтобы временное правительство так торопилось передать свои полномочия в руки людей, избранных путем всеобщего голосования».

Карл Маркс считал этот шаг ошибкой. 12 апреля он писал Кугельману:

«Центральный комитет слишком рано сложил свои полномочия, чтобы уступить место Коммуне. Опять-таки благодаря «честности», доведенной до мнительности!»¹

Центральный комитет, твердили в правительственных кругах, состоит из людей никому не известных. Конечно, члены Центрального комитета не были видными политическими деятелями. Это были патриоты, которые боролись против измены так называемого правительства национальной обороны, патриоты, исполненные решимости защищать республику и выражавшие все более четко социальные устремления народных масс.

Среди членов Центрального комитета был рабочий-переплетчик Эжен Варлен, мужественное поведение которого на процессе Интернационала во времена империи сделало его широко известным².

Он заявил тогда перед лицом императорских судей:

«Класс, который угнетали во все времена и при всех режимах, класс трудящихся, стремится принести возрождение. Только ветер свободы может очистить эту атмосферу, насыщенную несправедливостью».

Когда какой-нибудь класс утратил моральное превосходство, которое сделало его господствующим, он должен устранился, если не хочет быть жестоким, ибо жестокость — единственное средство, остающееся у власти, клонящейся к упадку».

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, М., 1952, т. II, стр. 443.

² Это было на втором судебном процессе парижской организации Интернационала в мае 1868 года. — *Прим. ред.*

Но, как показали последующие события, господствующий класс отнюдь не намерен был добровольно уступить власть.

Рабочий-механик Асси также был известен благодаря судебным приговорам, которые обрушились на него за его революционную активность во время стачек в Крезе против крупного предпринимателя Шнейдера¹.

Впрочем, в составе Центрального комитета произошли некоторые изменения. Под принятой на заседании 28 марта прокламацией о передаче власти Парижской Коммуне стояли следующие подписи: Авуан-сын, Антуан Арно, Жорж Арнольд, Асси, Андинью, Буи, Жюль Бержере, Бабик, Барру, Бийорэ, Бланше, Леопольд Бурсье, Кастиони, Шуто, Кловис Дюпон, Фабр, Ферра, Фортюне Анри, Флёрри, Фужере, К. Годье, Гуйе, Жан Жерем, Гролар, В. Грелье, Журд, Жосселен, Лавалетт, Мальжурналь, Эдуар Моро, Мортье, Прюдом, Руссо, Ранвье, Варлен, А. Дюкан. Лисбонн, подпись которого не фигурирует под этим документом, также был членом Центрального комитета. В его состав входил также Люлье, до того как он был назначен командующим национальной гвардии.

Когда 1 марта на заседании парижских секций Интернационала² Варлен предложил действовать более активно, чтобы привлечь на свою сторону эту организацию³, он сделал при этом следующее пояснение:

«Члены этого Комитета, которые не внушали нам доверия, теперь устранены и заменены социалистами, которые хотят иметь в своей среде четырех делегатов в качестве связующего звена между ними и Интернационалом».

Но в составе Центрального комитета было мало членов Интернационала: Авуан-сын, Асси, Журд и Варлен⁴.

Перед выборами в Коммуну, которые должны были состояться 22 марта, Центральный комитет узнал, что мэры и депутаты Парижа также обсуждают вопрос о

¹ Это было в январе и в марте 1870 года. — *Прим. ред.*

² То есть Федерального совета парижских секций. — *Прим. ред.*

³ То есть Центральный комитет национальной гвардии. — *Прим. ред.*

⁴ Членами Интернационала были также А. Арно, Бабик, Бийорэ, К. Дюпон. Что касается Асси, то он не был членом Интернационала, хотя был близок к нему. — *Прим. ред.*

выборах. К тому же версальское правительство доверило мэрам округов¹ временное управление Парижем. Среди парижских депутатов был и Клемансо. Признавая муниципальные требования парижан, он отрицал право Центрального комитета представлять Париж и хотел убедить версальское Собрание удовлетворить требования парижан.

Споры с мэрами и депутатами затягивались. Луи Блан, возвратившийся из Лондона для участия в переговорах, говорил:

«Мы, законные представители, не можем пойти на соглашение с повстанцами. Мы хотим, конечно, предотвратить гражданскую войну, но не хотим стать вашими помощниками в глазах всей Франции».

Версальское Собрание было, разумеется, враждебно Парижу и отнюдь не спешило предоставить ему муниципальные свободы, которых он требовал.

Тем временем сама жизнь заставила Центральный комитет продолжать выполнять свои обязанности.

20 марта он назначил день выборов, а также принял ряд постановлений правительственного характера относительно свободы печати, соблюдения прелиминарного мирного договора и упразднения постоянной армии. Форты Иври, Бисетр, Монруж, Ванв и Исси были заняты федератами. В этот день еще можно было занять форт Мон-Валерьен, имевший огромное военное значение и оставленный по приказу Тьера. Но, к несчастью, этого не сделали, и когда на следующий день, 21 марта, федераты явились, чтобы занять форт, там уже были версальцы.

21 марта Центральный комитет национальной гвардии объединился с Комитетом республиканской федерации² и принял устав, которому предшествовала следующая декларация:

«Республика является единственно возможной формой правления; вопрос о ней не подлежит обсуждению.

¹ Об этом сообщалось в приказе министра внутренних дел Э. Пикара от 18 марта. — *Прим. ред.*

² Комитет республиканской федерации (или Федеральный республиканский комитет) состоял преимущественно из делегатов от офицеров. Объединение этой организации с ЦК национальной гвардии произошло фактически еще до 18 марта. — *Прим. ред.*

Национальной гвардии принадлежит неограниченное право избирать всех своих начальников и сменять их, как только они утратят доверие своих избирателей, но лишь после предварительного расследования во имя соблюдения справедливости».

Положения, содержащиеся во втором параграфе, не могли не стать в дальнейшем источником затруднений, ибо заранее устанавливали двоевластие в военной области: с одной стороны, Центральный комитет, а с другой стороны — власть, созданная на основе выборов¹.

Центральный комитет принял решение о приостановке распродажи вещей, заложенных в ломбарде, и об отсрочке на один месяц уплаты по всем долговым обязательствам и запретил выселение квартиросъемщиков.

В тот же день «Journal Officiel» опубликовал заявление², в котором, в частности, говорилось:

«Пролетарии столицы перед лицом вырождения и измены правящих классов поняли, что настал их черед спасти положение, взяв в свои руки управление общественными делами... Неужели буржуазия, их старшая сестра, добившаяся своего освобождения еще в конце прошлого века, их предшественница на революционном пути, неужели она не понимает, что ныне настал час освобождения пролетариата...

Пролетариат перед лицом постоянной угрозы его правам, полного отрицания всех его законных устремлений, перед лицом разгрома родины и крушения всех его надежд понял, что его высший долг и непреложное право — взять решение своей судьбы в свои руки и обеспечить ее, завладев властью».

Тем временем версальская правительственная клика в своем обращении к народу и армии обличала революцию 18 марта как «величайшее преступление, какое когда-либо знала история». Возражая Клемансо, который предлагал согласиться на проведение муниципальных выборов в Париже, Тьер обрушивался не только на парижских революционеров, но на весь народ Парижа.

¹ Имеется в виду Коммуна. — *Прим. ред.*

² Статья под названием «Революция 18 марта», датированная 20 марта и подписанная делегатом правительства при «Journal Officiel». — *Прим. ред.*

«Если Париж, — говорил он, — допускает, чтобы кучка мерзавцев управляла им, вместо того чтобы присоединиться к нам и вырвать его из их отвратительных рук, то Париж, я полагаю (хотя я не желаю обвинять его), должен признать, что мы вправе предпочесть Францию ее столице»¹.

А Жюль Фавр обзывал членов ЦК национальной гвардии «кучкой злодеев с кровавыми и алчными помыслами», подчинивших Париж своей власти. Он сожалел, что оставил национальной гвардии ее оружие²; впрочем, поступить иначе было не в его власти. Этот жалкий субъект, в котором гнусность сочеталась с шутовством, осмелился просить прощения у бога и людей. В то время как Тьер в своем циркуляре префектам писал, что «добропорядочные граждане объединяются и организуются для подавления мятежа», мэры и депутаты Парижа продолжали свои примиренческие маневры и заявили, что хотят остаться в стороне от муниципальных выборов, назначенных на 22 марта.

Эти выборные представители, выступая против новой власти, созданной Центральным комитетом, полагали, что могут рассчитывать на часть населения Парижа. Парижские газеты умеренного направления повели подрывную кампанию против восстания 18 марта, они порочили Центральный комитет и обвиняли национальную гвардию в казни генералов Леконта и Клемана Тома. А между тем все знали, что она была совершена под влиянием гнева народных масс против захватчиков, а отнюдь не по воле Центрального комитета.

Некоторые элементы населения столицы дошли до того, что организовали на бульварах сборища реакционного характера. В то же время буржуазные газеты («Journal des Débats», «Constitutionnel», «Moniteur universel», «Figaro», «Gaulois», «Vérité», «Paris-Journal», «Presse», «France», «Liberté», «Pays», «National», «L'Univers», «Temps», «Cloche», «Patrie», «Bien public», «L'Union», «L'Avenir libéral», «Journal des villes et des campagnes», «Charivari», «Monde», «France nouvelle», «Gazette de

¹ Из речи Тьера на заседании Национального собрания 21 марта 1871 года. — *Прим. ред.*

² Из речи Жюль Фавра на заседании Национального собрания 21 марта 1871 года. — *Прим. ред.*

France», «Petit Moniteur», «Petit National», «L'Electeur libre», «Petite Presse») заявили протест против выборов 22 марта и советовали избирателям не принимать в них участия.

В середине дня около сотни манифестантов собрались на площади Биржи и направились к Вандомской площади с криками: «Да здравствует Собрание!», «Долой Комитет!» Но это была лишь своего рода генеральная репетиция. Манифестанты условились встретиться на другой день, 22 марта.

Цель манифестантов состояла в том, чтобы создать в Париже обстановку гражданской войны и облегчить тем самым действия версальцев против Центрального комитета. Чтобы подготовить эту манифестацию, был заключен союз бонапартистских элементов с реакционерами, примкнувшими, по крайней мере на время, к республиканцам.

Манифестация 22 марта, как и манифестация, происходившая накануне, направилась к Вандомской площади, где помещался штаб национальной гвардии. Среди участников этой манифестации был адмирал Сессе, которого Тьер назначил командующим национальной гвардии департамента Сена, но в действительности это был командир без армии. Начальник штаба национальной гвардии, член Центрального комитета Бержоре, учитывая приготовления реакционеров, принял меры обороны.

После того как из рядов манифестантов раздался пистолетный выстрел, национальная гвардия разогнала их. Было убито несколько манифестантов, а также национальных гвардейцев. Среди раненых был Анри де Пен, главный редактор газеты «Paris-Journal», и банкир Отто Оттингер, что ясно говорило о классовой принадлежности этих манифестантов.

Долгом Центрального комитета было помешать реакции спровоцировать беспорядки в Париже, и этот свой долг он выполнил с твердостью, какой требовали обстоятельства.

Провал выступления на Вандомской площади был неприятен для Тьера, которому крайне нужен был предлог, чтобы кричать повсюду о восстаниях в Париже против инсургентов 18 марта. Он хотел этого особенно потому, что парижская революция вызвала сочувственные отклики в ряде городов Франции.

Тем временем депутаты Парижа продолжали свои происки. Народные представители от департамента Сена (Луи Блан, Эдгар Кинэ, А. Пейра, В. Шёльше, Эдмон Адан, Флоке, Мартен Бернар, Эдуар Локруа, Ланглуа, Фарси, Анри Бриссон, Грессо, Мильер, Клемансо, Тирар, Толен) опубликовали заявление, датированное 22 марта, в котором утверждали, что добились «официального признания прав Парижа, который в кратчайший срок будет призван избрать свой муниципальный совет».

Со своей стороны мэры парижских округов, собравшись в ночь на 23 марта в мэрии XI округа, назначили адмирала Сессе (что уже ранее сделал Тьер) главнокомандующим национальной гвардии Парижа, а также назначили [начальником штаба национальной гвардии] Ланглуа, который отказался признать власть Центрального комитета. Кроме того, полковник Шёльше был назначен командующим артиллерией национальной гвардии.

Таким образом, парижские мэры и их помощники хотели противопоставить свою власть, власть делегатов версальского правительства, власти Центрального комитета. Собрание мэров и помощников мэров заявляло, что оно действует «именем народа, избравшего их, и намерено заставить уважать принцип народного волеизъявления».

Тем временем 449 голосами против 79 версальское Собрание приняло предложение Ла Роштюлона об организации батальонов для похода на Париж и отложило на более поздний срок обсуждение законопроекта, касающегося муниципальных выборов в Париже.

Ввиду ситуации, сложившейся в результате происков мэров и их помощников, Центральный комитет решил перенести выборы с 22 на 26 марта. В прокламации к парижскому народу Комитет заявлял:

«Права города столь же неотъемлемы, как и права нации. Город, подобно нации, должен иметь свое собрание; безразлично, как оно будет называться — муниципальным или коммунальным собранием или просто коммуной.

Еще недавно такое собрание могло бы придать силы и обеспечить успех делу национальной обороны, теперь же оно может придать силы и обеспечить спасение Республики».

В заключение Центральный комитет призывал народ принять участие в голосовании 26 марта.

Центральный комитет 20 округов Парижа также опубликовал воззвание, которое заканчивалось такими словами:

«К урнам, граждане, к урнам, чтобы ружье тотчас же сменили орудия труда, чтобы каждому человеку был обеспечен труд, порядок и свобода».

Последующие события показали, что ружье по-прежнему должно было играть важнейшую роль в жизни парижан.

Силы парижской реакции снова поднимали голову, несмотря на явный провал манифестации на Вандомской площади. Умеренные роты национальной гвардии заняли мэрию VI округа и выгнали федератов с вокзала Сен-Лазар.

В этих условиях Центральный комитет в своей прокламации, опубликованной 24 марта, вскрыл сущность происходящего. В ней говорилось:

«Ваши мэры и ваши депутаты, нарушив обязательства, принятые ими, когда они были кандидатами, сделали все возможное, чтобы воспрепятствовать выборам, которые мы хотим провести как можно скорее.

Подстрекаемая ими реакция объявляет нам войну.

Мы должны принять бой и сломить сопротивление, чтобы вы могли приступить к выборам спокойно, в сознании своей силы и своей воли».

Приняв меры, которых требовали обстоятельства, Центральный комитет приказал снова занять мэрию VI округа, сместил мэров и помощников мэров X, XI, XII и XVIII округов, заменив их назначенными им делегатами, принял постановление о включении всех солдат, находящихся в Париже, в состав национальной гвардии, объявил, что каждый вор, пойманный на месте преступления, будет расстрелян.

Центральный комитет принял делегации от Лиона, Бордо, Марселя и Руана, прибывшие, чтобы выяснить характер парижской революции и обсудить вопрос о подготовке аналогичных движений в провинции.

24 марта Центральный комитет освободил Люлье от обязанностей командующего национальной гвардии и постановил арестовать его. Руководство вооруженными силами Парижа было вручено делегатам Брюнелю, Эду и Дювалю, которым было присвоено звание генералов. Таким образом, решено было ждать прибытия Гарибальди, которому еще раньше было предложено главное командование (но он не принял этого назначения).

Переговоры и споры между делегатами Центрального комитета и мэрами и их помощниками продолжались, но руководители революции 18 марта решили вести эти переговоры «с позиций силы»; поэтому вечером 24 марта Центральный комитет решил перейти на следующий день в наступление. Так были заняты мэрии I и XI округов.

В конце концов между мэрами, помощниками мэров и депутатами департамента Сена, с одной стороны, и делегатами Центрального комитета Арнольдом и Ранвье, с другой стороны, было подписано соглашение. Под этим соглашением, призывавшим население на выборы, стояли подписи только шести депутатов: Локруа, Флоке, Толена, Клемансо, Грeppe и В. Шёльше. Впоследствии, желая оправдаться, этот последний утверждал, что «речь шла о том, чтобы выиграть время» и организовать сопротивление.

25 марта Центральный комитет опубликовал предвыборную прокламацию, в которой, между прочим, говорилось:

«Наша миссия окончена; вскоре мы уступим свое место в Ратуше вашим новым избранникам, вашим законным уполномоченным.

Граждане!

Не забывайте о том, что лучше всего вам будут служить те, кого вы выберете из своей среды, кто живет одной с вами жизнью, кто страдает от тех же зол. Не доверяйте честолюбцам и выскочкам, — как те, так и другие сообразуются только со своими выгодами и кончают обычно тем, что считают себя незаменимыми.

Не доверяйте также краснобаям, неспособным перейти от слов к делу; эти люди пожертвуют всем ради цветистой речи, красивой фразы или острого словца. Равным образом избегайте тех, кого слыш-

ком балует судьба, ибо редко когда состоятельный человек видит в трудящемся брата».

Ввиду предстоявших выборов на стенах Парижа была расклеена избирательная прокламация Федерального совета парижских секций Международного Товарищества Рабочих и Федеральной палаты рабочих обществ¹.

В этой прокламации, адресованной трудящимся Парижа, говорилось:

«Мы сражались, мы научились страдать за наш эгалитарный принцип и не отступим теперь, когда можем заложить первый камень нового социального здания.

Чего мы добивались?

Организации кредита, обмена, ассоциации, чтобы обеспечить трудящимся полную стоимость их труда.

Бесплатного, светского и обязательного образования.

Права собраний и ассоциаций, неограниченной свободы печати и свободы личности.

Организации на муниципальной основе полицейской службы, вооруженных сил, гигиены, статистики».

Эта программа свидетельствует об идеологической слабости даже самых передовых элементов рабочего и социалистического движения, а именно членов французских секций Интернационала; она свидетельствует о влиянии аполитичных и мютюэлистских идей Прудона на рабочий класс. Однако призыв голосовать за Коммуну являлся важным политическим актом, он свидетельствовал о том, что революция 18 марта пробудила сознание трудящихся: они проявляли теперь не только волю к борьбе, но и понимание своей ответственности.

Наступило воскресенье 26 марта. В этот день Париж должен был избрать свою Коммуну.

¹ Под этой афишей стояли следующие подписи: от Интернационала — Обри, Буде Шодезег, Куафе, Демэ, А. Дюшен, Дюпюи, Лео Франкель, А. Гулле, Лоро, Лимузен, Мартен Леон, Ностаг, Ш. Роша; от Федеральной палаты — Камелина, Декан, Эветт, Галан, Гаан, Аме, Жанс, Ж. Лаллеман, Лазар Леви, Пенди, Эжен Потье, Рувейроль, Шпётлер, А. Тейс, Вери.

Избиратели должны были избрать по одному советнику от каждых 20 тысяч жителей и по одному от остального населения, если его численность превышала 10 тысяч жителей, то есть в общем 90 советников. В списках избирателей числилось 485 тысяч человек, но эти списки были составлены в начале 1870 года, а с тех пор произошли изменения, поскольку во время войны многие парижане покинули столицу.

В голосовании участвовало 229 тысяч человек. В буржуазных кварталах процент голосовавших был, разумеется, менее значителен, чем в рабочих кварталах. Среди избранных членов Коммуны было очень мало членов Центрального комитета: Антуан Арно, Асси, Бабик, Бержере, Бийорэ, Бланше, К. Дюпон, Журд, Мортье, Ранвье, Варлен.

Среди вновь избранных было даже несколько буржуа-реакционеров. Некоторые из них, как, например, Мелин и Тирар, предали Коммуну и впоследствии сделали блестящую карьеру в качестве министров Третьей республики.

На следующий день после выборов «*Journal Officiel*», освещая задачи Коммуны, нарисовал перспективу объединения Парижской Коммуны с другими, уже освобожденными коммунами Франции в единую федерацию, упомянув в этой связи города Лион и Марсель. В этой декларации был также поднят вопрос о том, чтобы заставить версальское Собрание принять избирательный закон, который бы упразднил принцип уменьшения представительства от городов в пользу представительства от деревень.

В Париже голосование прошло спокойно. Между тем в Версале Национальное собрание одобрило предложение о сооружении памятника генералам Леконту и Клеману Тома; в глазах версальцев это было своего рода вызовом парижским инсургентам.

Состав Парижской Коммуны и число голосов, полученных ее членами, были следующие:

1 округ (Лувр)

12 секций, 81 665 жителей, 4 советника

Адан (избран) . . . 7272	Рошар (избран) . . . 6629
Мелин (избран) . . . 7251	Барре (избран) . . . 6294

II округ (Биржа)

20 секций, 79 909 жителей, 4 советника

Брелэ (избран) . . . 7025	Тирар (избран) . . . 6386
Луазо (избран) . . . 6932	Шерон (избран) . . . 6018

III округ (Тампль)

12 секций, 92 680 жителей, 5 советников

Демэ (избран) . . . 9004	Арно (избран) . . . 8912
Пенди (избран) . . . 8905	Мюра (избран) . . . 5904
Дюпон (избран) . . . 5752	

IV округ (Ратуша)

11 секций, 98 648 жителей, 5 советников

Артюр Арну	Клеман (избран)	8163
(избран) 8608		
Лефрансэ (избран) 8619	Жерарден (избран)	8104
Амуру (избран) . . . 7950		

V округ (Пантеон)

10 секций, 104 083 жителя, 5 советников

Режер (избран) . . . 7469	Тридон (избран) . . . 6469
Журд (избран) . . . 7310	Бланше (избран) . . . 5994
Ледруа (избран) . . . 5848	

VI округ (Люксембург)

13 секций, 75 438 жителей, 4 советника

Леруа (избран) . . . 5800	Белэ (избран) . . . 3714
Гупиль (избран) . . . 5111	Варлен (избран в XVII и
Робине (избран) . . . 3904	XII округах) . . . 3602

VII округ (Бурбонский дворец)

19 секций, 75 438 жителей, 4 советника

Паризель (избран) 3367	Урбен (избран) . . . 2803
Лефевр (избран) 2859	Брюнель (избран) . . . 2163

VIII округ (Елисейские поля)

8 секций, 70 259 жителей, 4 советника

Рауль Риго	Артюр Арну	
(избран) 2173	(избран) 2114	
Вайян (избран) . . . 2145	Алликс (избран) . . . 2028	

IX округ (Опера)

9 секций, 106 221 житель, 5 советников

Ранк (избран) . . . 8950	Демаре (избран) . . 4232
У. Паран (избран) 4770	Э. Ферри (избран) 3732
Наст (избран) . . . 3691	

X округ (Ограда Сен-Лоран)

14 секций, 116 438 жителей, 6 советников

Гамбон (избран) 13 734	Шампи (избран) 11 042
Феликс Пиа	Бабик (избран) 10 943
(избран) . . . 11 813	
Фортюне Анри	Растуль (избран) 10 738
(избран) . . . 11 364	

XI округ (Попэнкур)

32 секции, 149 641 житель, 7 советников

Мортье (избран) 21 186	Прото (избран) 19 780
Делеклюз (избран в XIX округе) . . . 20 264	Эд (избран) . . 19 276
Асси (избран) . 19 890	Авриаль (избран) 17 944
	Вердюр (избран) 17 351

XII округ (Рёйи)

10 секций, 78 635 жителей, 4 советника

Варлен (избран в XVII и VI округах) . . 9843	Тейс (избран в XVIII округе) . . . 8710
Жерем (избран) . 8896	Фрюно (избран) . 8629

XIII округ (Гобеленов)

5 секций, 70 192 жителя, 4 советника

Лео Мелье (избран) 6531	Шардон (избран) 4663
Дюваль (избран) 6482	Франкель (избран) 4080

XIV округ (Обсерватория)

8 секций, 65 506 жителей, 3 советника

Бийорэ (избран) 6100	Мартеле (избран) 5912
Декан (избран) . 5835	

XV округ (Вожирар)

9 секций, 69 430 жителей, 3 советника

Клеман (избран) 5025	Ж. Валлес (избран) 4403
Ланжевен (избран) 2417	

XVI округ (Пасси)

5 секций, 42 187 жителей, 2 советника

Мармоттан Де Бутейе (избран) 1909
(избран) 2036

XVII округ (Батиньоль-Монсо)

9 секций, 98 193 жителя, 5 советников

Варлен (избран) 9356 Ш. Жерарден
(избран) 6142
Клеман (избран) . 7121 Шален (избран) 4545
Малон (избран) . . 4199

XVIII округ (Монмартр)

12 секций, 130 456 жителей, 7 советников

Бланки (избран) 14 953 Ж. Б. Клеман
(избран) 14 188
Тейс (избран) . . 14 950 Ферре (избран) 13 784
Дерёр (избран) . 14 661 Верморель
(избран) 13 402
П. Груссе (избран) . . 13 359

XIX округ (Бютт-Шомон)

16 секций, 113 000 жителей, 6 советников

Уде (избран) . . 10 065 Курне (избран) . . 5540
Пюже (избран) 9547 Ж. Мио (избран) 5520
Делеклюз (избран в XI Остен (избран) . . 5065
округе) 5846
Флуранс (избран) . . 4100

XX округ (Менильмонтан)

13 секций, 87 444 жителя, 4 советника

Бержере (избран) 15 290 Флуранс (избран) 14 089
Ранвье (избран) 15 049 Бланки (избран) 13 859

Избранная в воскресенье, 26 марта, Коммуна обосновалась в Ратуше в среду 28 марта в обстановке всенародного ликования.

«Батальоны с барабанным боем, со знаменами, увенчанными фригийским колпаком, с красными ленточками на ружьях, смешавшись с солдатами линейной пехоты, артиллеристами и моряками, оставшимися верными Парижу, стекались по всем улицам на

Гревскую площадь, как притоки какой-то гигантской реки.

Перед Ратушей, против центрального входа, вышается большая эстрада. Над всем этим высится и как бы осеняет собравшихся бюст Республики с красным шарфом¹ через плечо, озаренный сзади красными знаменами. Огромные флаги на фронтоне, на башне полощутся в воздухе, посылая привет Франции»².

Жюль Валлес писал в газете «*Cri du peuple*» по поводу манифестации перед Ратушей следующее:

«Какой день!

Это нежное и ясное солнце, золотящее жерла пушек, аромат букетов, трепет знамен, рокот этой революции, которая движется, величавая и прекрасная, как голубая река, этот трепет, эти отблески, этот гром медных труб, этот отсвет бронзы, этот пламень надежд, это сияние славы — есть от чего проникнуться гордостью и радостью победоносной армии республиканцев.

О великий Париж!

Мы были трусами, когда говорили, что нужно покинуть тебя и удалиться из твоих предместий, которые считали мертвыми.

Прости, отечество славы, город-избавитель, очаг революции!

Что бы ни случилось, даже если мы снова будем повержены и погибнем завтра, — наше поколение утешено. Мы вознаграждены за двадцать лет поражений и страданий.

Горнисты, трубите! Барабанщики, бейте «встречу»!

Обними меня, товарищ, ты так же убелен сединами, как и я! И ты, мальчуган, играющий шариками за баррикадой, подойди, чтобы я мог обнять и тебя!

Восемнадцатое марта спасло тебя, сорванец! Ты должен был, как и мы, расти среди тумана, утопать

¹ Парижская Коммуна, избравшая своей эмблемой красное знамя, которое едва не стало в 1848 году эмблемой Второй республики, хотела этим подчеркнуть свой пролетарский характер.

² Lissagaгау, Histoire de la Commune de 1871 (см. Э. Лиссагарэ, История Парижской Коммуны 1871 г., С.-Пб., 1906, стр. 155).

в грязи, истекать кровью; изнывать в позоре, в невыразимой скорби обездоленных!

Теперь с этим покончено!

Мы за тебя проливали кровь и слезы. Ты унаследуешь наши завоевания.

Сын отверженных, ты будешь свободным человеком!»

В 4 часа дня вновь избранные члены Коммуны, появление которых было встречено артиллерийским салютом, открыли учредительное заседание под председательством Асси. Огласив имена избранных, Ранвье объявил: «Именем народа Коммуна провозглашена». После того как Центральный комитет национальной гвардии передал власть Коммуне, она торжественно провозгласила: «Национальная гвардия и Центральный комитет оказали важные услуги Родине и Республике».

30 марта в «Journal Officiel» было опубликовано воззвание Парижской Коммуны, в котором говорилось:

«Граждане!

Ваша Коммуна учреждена. Голосование 26 марта санкционировало победу революции...

Граждане!

Вы только что создали учреждения, которые оградят вас от всяких посягательств.

Вы — хозяева своей судьбы. Сильные вашей поддержкой, представители, которых вы только что выбрали, исправят ущерб, причиненный павшей властью: расстроенная промышленность, прерванный труд, парализованное коммунальное хозяйство получают мощный импульс.

В первую очередь — долгожданное решение вопроса о квартирной плате.

Завтра — вопрос о сроках платежей. Восстановление и улучшение всех общественных служб.

Немедленная реорганизация национальной гвардии, отныне единственной вооруженной силы в городе.

Таковы будут наши первые действия.

Избранники народа просят только поддержать их своим доверием, чтобы обеспечить торжество Республики.

Со своей стороны они исполнят свой долг».

Коммуна организовала Комиссии в следующем составе:

Комиссия финансов

Виктор Клеман, Варлен, Журд, Белэ, Режер.

Военная комиссия

Пенди, Эд, Бержере, Дюваль, Шардон, Флуранс, Ранвье.

Комиссия юстиции

Ранк, Прото, Лео Мелье, Верморель, Ледруа, Бабик.

Комиссия общественной безопасности

Рауль Риго, Ферре, Асси, Курне, Шален, Ш. Жерарден, Уде.

Комиссия продовольствия

Дерёр, Шампи, Остен, В. Клеман, Паризель, Эмиль Клеман, Фортюне Анри.

Комиссия труда, промышленности и обмена

Малон, Франкель, Тейс, К. Дюпон, Авриаль, Луазо-Пенсон, Пюже, Э. Жерарден.

Комиссия общественных служб

Остен, Бийорэ, Ж. Б. Клеман, Мартеле, Мортье, Ра-стуль.

Комиссия внешних сношений

Делеклюз, Ранк, Паскаль Груссе, Улисс Паран, Антуан Арно, Артюр Арну, Ш. Жерарден.

Комиссия просвещения

Жюль Валлес, доктор Гупиль, Лефевр, Урбен, Альбер Леруа, Вердюр, Демэ, доктор Робине, Жюль Мио.

Исполнительная комиссия

Она состояла из 7 человек и была создана путем голосования в следующем составе: Эд (получил 43 голоса из

58 голосовавших), Тридон (39 голосов), Вайян (38 голосов), Лефрансэ (29 голосов), Дюваль (27 голосов), Ф. Пиа (24 голоса), Бержере (19 голосов).

Что касается организации работы Коммуны, то на заседании 29 марта было указано, что функции каждой из десяти назначенных комиссий будут соответствовать функциям бывших министерств, за исключением министерства культов, бюджет которого был упразднен и которое было подчинено Комиссии общественной безопасности.

Что касается Исполнительной комиссии, то на нее возлагалось проведение в жизнь всех ее декретов и всех постановлений других комиссий. Кроме того, было указано, что она ничего не должна делать без согласования с Коммуной. Эта комиссия, представлявшая собой правительство Коммуны, обосновалась в Ратуше, которая стала местопребыванием Коммуны.

Центральный комитет национальной гвардии, освобожденный от ответственной миссии, возложенной на него революцией 18 марта, заявил в декларации, опубликованной 30 марта также в «Journal Officiel»:

«Граждане!

«Мы передали в ваши руки дело, которое вы поручили нам организовать, и в этот последний момент нашего кратковременного пребывания у власти, прежде чем окончательно вернуться к функциям комитета национальной гвардии, функциям, от которых нас отвлекли события, мы хотели бы сказать вам несколько слов благодарности...

После двадцати лет спячки Франция должна от решиться от прежних слабостей и тирании и возродиться благодаря миру, свободе и упорному труду. Что касается свободы, то ваши нынешние избранники смогут надежно гарантировать ее вам и упрочить ее навеки; труд же — это дело ваших рук...»

В ходе обсуждения доклада об итогах выборов был поставлен и урегулирован ряд вопросов.

Прежде всего Коммуна решила, что мандат депутата версальского Собрания и мандат члена Парижской Коммуны несовместимы.

Кроме того, она постановила, что членами Коммуны могут быть также иностранцы, поскольку ее знамя — это

«знамя Всемирной республики». Таким образом, избрание рабочего-ювелира венгра Лео Франкеля было признано законным.

29 марта во время второго заседания, состоявшегося в этот день, Коммуна приняла различные декреты. Она постановила:

В области военных мероприятий

отменить рекрутский набор,
запретить создавать или вводить в Париж какие бы то ни было вооруженные силы, кроме национальной гвардии,

зачислить в обязательном порядке всех пригодных к службе граждан в национальную гвардию.

В социальной области

освободить всех жильцов от внесения квартирной платы за три терма (квартала), начиная с октября 1870 года¹,

освободить съемщиков меблированных комнат от внесения задолженности по квартирной плате,

приостановить продажу вещей, заложенных в ломбарде.

В общеполитическом плане

объявить недействительными приказы версальского правительства.

Это было сделано в такой форме:

«Граждане!

Будучи в настоящее время единственной властью, Коммуна постановляет:

Ст. 1. Служащие различных общественных учреждений отныне должны считать недействительными и не имеющими законной силы приказы и распоряжения, исходящие от версальского правительства или от его приверженцев.

Ст. 2. Всякий чиновник или служащий, который не подчинится этому декрету, будет немедленно уволен».

¹ То есть за период с 1 октября 1870 года по 1 июля 1871 года. — Прим. ред.

Эти меры свидетельствовали о том, что новые избранники Парижа, водворившиеся в Ратуше, не собирались ограничивать свою деятельность только муниципальными делами, но действовали как новое правительство, противопоставлявшее себя версальскому правительству. Таким образом, силою вещей Парижская Коммуна вынуждена была выйти за рамки муниципальных функций, в которых ее хотели удержать некоторые из ее членов.

Вот почему с первых же дней существования нового парижского Собрания из него вышло несколько членов, избранных 26 марта.

Уже на другой день после своего избрания три представителя IX округа — Э. Демаре, Э. Ферри и Г. Наст — отказались от своих мандатов¹. За ними вскоре² последовал Тирар, избранный во II округе; он предпочел мандат депутата версальского Собрания мандату члена Парижской Коммуны.

30 марта во время первого заседания Коммуны поступило три новых заявления об уходе, исходившие от Мелина и Адана, избранных в I округе, и от Робине, избранного в VI округе.

На втором заседании 30 марта стало известно о новом отказе от мандата члена Коммуны; на этот раз то был Леруа, избранный от VI округа.

Некоторые члены Коммуны обратили ее внимание на происки реакционеров в Париже и предложили предоставить в распоряжение Бержере необходимые силы, чтобы пресечь эти происки.

В ходе того же второго заседания 30 марта Коммуна приняла декрет о том, что ее члены будут осуществлять административное управление своими округами; им предлагалось подобрать себе в помощь и под свою ответственность комиссию для ведения текущих дел.

Был принят также декрет о снятии ареста, наложенного на книги и кассы пяти страховых компаний («Националь», «Юрбен», «Феникс», «Женераль», «Юнион»). Но изъятые суммы не подлежали возвращению.

Все это соответствовало желанию большинства парижского народа. 31 марта в «Journal Officiel» было

¹ 27 марта. — *Прим. ред.*

² 28 марта. — *Прим. ред.*

опубликовано заявление Центрального комитета 20 округов Парижа, полностью одобрявшее декреты Коммуны о квартирной плате, рекрутском наборе и заложенных в ломбарде вещах.

Здесь необходимо сделать одно разъяснение по поводу «Journal Officiel». Номер 88-й этой газеты от 29 марта вышел под названием «Journal Officiel de la République Française» («Официальная газета французской Республики»). А 30 марта газета вышла под названием «Journal Officiel de la Commune de Paris» («Официальная газета Парижской Коммуны») и была помечена номером первым. Однако 31 марта она снова вышла под названием «Journal Officiel de la République Française» и была помечена номером 90.

Согласно протоколу первого заседания Коммуны от 30 марта, гражданин Курне предложил Коммуне решить, сохранить ли за «Journal Officiel» название «Journal Officiel de la République Française» или же дать ей название «Journal Officiel de la Commune de Paris». В результате обсуждения, в котором приняли участие Гупиль, Бийорэ и Рауль Риго, Коммуна постановила сохранить название «Journal Officiel de la République Française».

Изменение названия, произведенное 30 марта, свидетельствовало о том, что Коммуна не заняла еще твердой позиции в отношении версальского правительства. По-видимому, она еще не решалась противопоставить правительство парижской Ратуши правительству версальской префектуры, хотя законность последнего была весьма сомнительна, поскольку оно было создано в результате выборов, проведенных в условиях оккупации пруссаками значительной части территории страны. К тому же эти выборы были организованы органами власти, которые кишели бонапартистскими агентами. Наконец, полномочия Собрания были ограничены решением вопроса о мире.

Изменение названия выпуска «Journal Officiel» от 30 марта, придававшее парижской революции узколокальный характер, было, несомненно, ошибкой. Но благодаря большому политическому чутью Коммуны эта ошибка была исправлена в тот же день.

Присвоив собранию, избранному в Париже 26 марта, название Парижской Коммуны, новые избранники на-

рода действовали, несомненно, под влиянием исторических воспоминаний. Они думали не столько о средневековых коммунах, которые являлись в свое время мощным орудием в руках третьего сословия в его борьбе против феодального общества, сколько главным образом о Парижской Коммуне, которая в 1791—1793 годах сыграла огромную роль в поступательном развитии Французской революции, «душой, двигателем и очагом» которой, по выражению Жюль Гедэ, она была.

Коммуналистские настроения, ощущавшиеся среди революционеров 18 марта, несомненно, помогают нам понять недостаток наступательного духа, проявленный Коммуной после революции 18 марта, когда вся обстановка требовала немедленного наступления на версальцев, силы которых были крайне ограничены.

Коммуналистские настроения нашли отражение даже в прокламации, с которой Коммуна обратилась 6 апреля к департаментам. В ней говорилось:

«Вас обманывают, братья, когда вам говорят, что Париж хочет управлять Францией и осуществлять диктатуру, которая была бы отрицанием национального суверенитета... Париж стремится лишь основать Республику и завоевать себе коммунальные вольности... Если Парижская Коммуна, к своему великому сожалению, вышла за пределы своих обычных функций, то она была принуждена к тому войной, развязанной версальским правительством... Париж желает лишь одного — замкнуться в своей автономии, исполненной уважения к равным правам других коммун Франции».

Парижская Коммуна хотела, по-видимому, рассеять страхи, которые она внушала департаментам в результате клеветнической кампании, проводимой версальцами. Те самые люди, которые только что выдали Эльзас и Лотарингию Бисмарку, изображали возникновение Парижской Коммуны и ее деятельность как посягательство на единство нации.

Разумеется, некоторым коммунарам, находившимся под влиянием мелкобуржуазных теорий Прудона и Бакунина, были присущи более или менее смутные феде-

ралистские тенденции. Оппортунист Бернштейн попытался в дальнейшем использовать эти тенденции, извратив факты, чтобы выступить против самого принципа диктатуры пролетариата, который Карл Маркс вывел из опыта Парижской Коммуны. Ленин пишет:

«Маркс нарочно, как бы предвидя возможность извращения его взглядов, подчеркивает, что сознательным подлогом являются обвинения Коммуны в том, будто она хотела уничтожить единство нации, отменить центральную власть. Маркс нарочно употребляет выражение «организовать единство нации», чтобы противопоставить сознательный, демократический, пролетарский централизм буржуазному, военному, чиновничьему»¹.

И Ленин добавляет:

«Коммуна — первая попытка пролетарской революции *разбить* буржуазную государственную машину и «открытая наконец» политическая форма, которую можно и должно *заменить* разбитое»².

Коммунары хотели осуществить организацию рабочего класса и крестьянских масс в коммуны, выполняющие функции, которые до тех пор осуществляла государственная власть, и объединяющие свои усилия, чтобы обеспечить победу над капитализмом по всей стране.

Демократические меры, принятые Парижской Коммуной, являлись составной частью общего плана движения вперед — к обществу, свободному от капиталистической эксплуатации и угнетения. Осуществление задач буржуазно-демократической революции пролетарским правительством, каким была Парижская Коммуна, отнюдь не противоречило конечной цели, которую ставили перед собой парижские революционеры.

Когда Французская коммунистическая партия предлагает сегодня в качестве одного из этапов своего пути к социализму одобрение народом и осуществление программы восстановления и обновления французской де-

¹ В. И. Ленин, Соч., изд. 4, т. 25, стр. 401.

² Там же, стр. 404.

мократии (программы, принятой ее XV съездом), то она вновь требует проведения некоторых мер, которые были приняты или намечены коммунарами, как, например, упразднения профессиональной армии¹, чистки и демократизации полиции, соблюдения и расширения коммунальных свобод, выборности судей, отделения церкви от государства и церкви от школы.

Это говорит о том, что великие идеи, воодушевлявшие коммунаров, живы и поныне, что их актуальность становится тем большей, что они восторжествовали на обширной части земного шара.

Известно, что политическая ситуация в период Коммуны характеризовалась, с одной стороны, недостаточной связью между социалистическим движением городских рабочих и крестьянскими массами, а с другой стороны, состоянием изоляции, в какой оказался Париж, блокированный стараниями правительства Тьера и войсками Бисмарка. При чем как Тьер, так и Бисмарк были движимы одной и той же ненавистью к парижским революционерам.

Парижской Коммуне не удалось осуществить тот «хор», без которого, как указывал Карл Маркс в своей работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «соло» пролетарской революции во всех крестьянских странах «превращается в лебединую песнь»².

¹ В тезисах XV съезда Французской коммунистической партии требование ликвидации профессиональной армии обосновывается следующим образом: «Исторический опыт нашей страны показывает, что профессиональная армия всегда становится орудием тайной власти класса, владеющего крупными средствами производства, против того строя и той политики, каких желает народ. Необходимо поэтому, чтобы армия находилась исключительно на службе нации, чтобы служба в армии была краткосрочной, а сама армия была полностью подчинена гражданской власти и была свободна от всякой политической и социальной дискриминации».

² Автор имеет в виду следующее место из издания 1852 года: «Слом государственной машины не подвергает никакой опасности централизацию. Бюрократия есть только низшая и грубая форма централизации, которая еще обременена своей противоположностью, феодализмом. Разочаровавшись в наполеоновской реставрации, французский крестьянин расстанется и с верой в свою парцеллу; все построенное на этой парцелле государственное здание рухнет, и пролетарская революция получит тот хор, без которого ее соло во всех крестьянских странах превратится в лебединую песню» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 606—607). — Прим. ред.

Парижскую Коммуну не поддержали также в достаточной степени провинциальные города, хотя революция 18 марта получила там серьезный отклик. И если бы коммунары не остановились в последующие дни, а продолжали преследовать версальцев вплоть до их логова — Версаля, то развитие событий в провинции, вполне вероятно, было бы иным, более благоприятным для парижских революционеров.

Тем не менее нельзя обойти молчанием попытки, предпринятые в ряде провинциальных городов и явившиеся откликом на революцию в Париже. Именно об этих боях, которые развернулись в ответ на захват власти в Париже рабочим классом, мы и расскажем в следующей главе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Коммуна в провинции

Изменение политической ситуации в провинции после провозглашения республики. — Лионская Коммуна. — Коммуна в Сент-Этьенне. — Коммуна в Крезе. — Марсельская Коммуна. — Коммуна в Тулузе. — Коммуна в Нарбонне. — Коммуна в Лиможе. — Обращение Парижской Коммуны к французскому народу

Чтобы понять положение, сложившееся в провинции в тот момент, когда в Париже разразилась революция 18 марта, необходимо знать, что происходило там после поражения при Седане и падения Второй империи.

Хотя 4 сентября 1870 года под давлением народных масс в Париже была провозглашена республика, в провинции, в целом ряде мест, префекты и мэры Второй империи продолжали управлять, как если бы ничего не случилось.

Так, например, в Корбейе, вблизи Парижа, мэр-бонапартист Дарблэ приказал населению не оказывать никакого сопротивления продвижению прусских войск. В то же время он разоружал местные части национальной гвардии.

Во многих случаях местные власти еще в конце сентября отказывались провозгласить республику, а «правительство национальной обороны» проявляло крайнюю снисходительность к реакционерам, которые поступали подобным образом.

Но так было не везде. В некоторых провинциальных городах вспыхнули революционные волнения, которые могли бы развиваться в серьезное движение.

Но буржуазия была начеку. Она все пустила в ход, чтобы ликвидировать коммуны, провозглашенные в Лионе, Марселе и Тулузе, и уничтожить революционные завоевания трудящихся.

В 1871 году Карл Маркс писал в этой связи:

«Коммуна после Седана была провозглашена в Лионе, затем в Марселе, Тулузе и т. д. Гамбетта приложил все усилия, чтобы подавить ее»¹.

Около середины сентября, когда кратковременное существование коммуны в Лионе и Марселе близилось к концу, на юге страны началось массовое демократическое движение, поставившее своей целью борьбу против внешних и внутренних врагов.

Участники этого движения не питали никакого доверия к «правительству национальной обороны», ибо не считали его способным успешно осуществить эту двойную задачу. 18 сентября на собрании представителей республиканских комитетов департаментов Юга было решено создать Федерацию департаментов Юга, чтобы организовать «национальную оборону» и спасти департаменты от «религиозной и монархической угрозы».

Новая организация единогласно решила принять название «Лиги Юга для защиты республики». В ее состав вошли делегаты от департаментов Буш-дю-Рон, Изер, Воклюз, Дром, Эро, Гар, Вар, Ардеш, Нижние Альпы, Верхние Альпы, Приморские Альпы, Верхняя Луара.

Эти факты говорят о том, что если позиции реакции в провинции были довольно сильны, то и силы республиканцев вовсе не были столь уж ничтожны. Известие о революции 18 марта в Париже привело к двойному результату. С одной стороны, оно вдохнуло веру и мужество в рабочие массы и в передовые республиканские элементы, а с другой — вызвало гнев реакционеров против Парижа.

Как известно, события 18 марта и провозглашение Парижской Коммуны привели к провозглашению Коммуны в Лионе, Сент-Этьенне, Крезе, Марселе, Тулузе, Нарбонне и Лиможе. Это говорит о том, что три города — Лион, Марсель и Тулуза, которые провозгласили у себя революционную Коммуну еще 4 сентября, не забыли о своей прежней борьбе.

Лион

В Лионе парижская революция получила тем больший отзвук, что у лионского населения отняли в сен-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 17, стр. 540.

тябре 1870 года те революционные завоевания, которых ему удалось добиться в результате провозглашения Лионской Коммуны.

В самом деле, в Лионе после провозглашения утром 4 сентября республики (сразу же, как стало известно о капитуляции при Седане) произошли важные события. Лионские рабочие завладели ратушей и среди всеобщего энтузиазма провозгласили Коммуну, водрузив над мэрией красное знамя. Был создан Комитет общественного спасения, в который вошли как рабочие, являвшиеся членами Интернационала, так и буржуазные радикалы. Был создан также Комитет общественной безопасности.

Комитет общественного спасения осуществил серьезные изменения в административном аппарате. Префект, генеральный прокурор и некоторые другие бонапартистские чиновники были арестованы и заменены республиканцами.

Помимо того, Комитет общественного спасения принял следующие решения: о прекращении всех преследований по политическим делам и за участие в стачках, союзах и собраниях; об отмене субсидий религиозным учреждениям и передаче светским школам коммунальных помещений, предоставленных религиозным школам; о безвозмездном возвращении владельцам их постельного и носильного белья и орудий труда, заложенных в ломбарде на сумму, не превышающую 20 франков; об упразднении октруа¹; о введении налога на недвижимую собственность и на капитал, превышающий тысячу франков.

Были приняты и другие декреты — об установлении максимального оклада служащим Коммуны в размере 1800 франков в год, о конфискации имущества лиц, покинувших город без уважительных причин и уклонившихся от его защиты, о смещении комиссаров полиции времен Второй империи и замене их представителями народа, избранными в каждом квартале города путем всеобщего голосования.

Из этого видно, что поведение Комитета общественного спасения в Лионе коренным образом отличалось

¹ Старинный налог, взимавшийся с крестьян на городских заставах за провоз продуктов питания, что приводило к резкому повышению цен. — *Прим. ред.*

от поведения «правительства национальной обороны». Но этот комитет не смог провести в жизнь все принятые им решения. Министр внутренних дел Гамбетта направил в Лион в качестве префекта одного из своих друзей. Этот новый префект, Шальмель-Лакур, сделал все возможное, чтобы свести на нет действия лионских революционеров.

Бывший префект-бонапартист, генеральный прокурор и все чиновники Второй империи, арестованные в свое время, были теперь освобождены. Лионская Коммуна была объявлена незаконной. После этого префект принялся за ликвидацию Комитета общественного спасения; среди 80—100 членов этого комитета он сумел найти с десяток человек, которые помогли ему расколоть революционное движение.

И в то время как в Париже правительство отказывалось от проведения муниципальных выборов, префект департамента Рона решил провести их в Лионе 15 сентября. Избранный в этот день муниципальный совет состоял из консерваторов и умеренных республиканцев, которые и заняли место Комитета общественного спасения. Но рабочие Лиона не забыли, что в течение нескольких дней они были хозяевами города, и вспомнили о поражении, которое они потерпели в сентябре 1870 года, когда пришло известие о парижских событиях 18 марта 1871 года.

Уже 19 марта трудящиеся и республиканцы Лиона выразили свои симпатии парижской революции, а 21-го на заседании лионского муниципального совета несколько граждан открыто заявили: «Найдем в себе смелость провозгласить Лионскую Коммуну».

22 марта днем 800 делегатов национальной гвардии направили в ратушу делегацию с требованием расширения муниципальных свобод и предоставления мэру командования национальной гвардией и функций префекта. Эти требования явно не соответствовали намерениям членов лионского муниципалитета.

Во время заседания муниципального совета национальные гвардейцы проникли в зал заседаний и назначили Коммунальную комиссию, во главе которой оказалось пять муниципальных советников. Красное знамя снова было водружено на балконе ратуши, где оно уже развевалось 4 сентября 1870 года. Но на следующий

день, 23 марта, пять муниципальных советников, членов Коммунальной комиссии, отказались от своих обязанностей, что привело к изоляции комиссии.

Мэр назначил командующего национальной гвардии. Тем временем были собраны все находившиеся в Лионе солдаты, а офицеры батальонов «порядка»¹ предоставили себя в распоряжение мэра. К сожалению, революционному движению не хватало твердости: Коммунальная комиссия сама предложила муниципальному совету снова расположиться в зале заседаний, в то время как национальные гвардейцы занимали часть зала, отведенную для публики.

Вечером два делегата Центрального комитета национальной гвардии, прибывшие из Парижа, обратились к толпе с балкона ратуши, но, по выражению Лиссагарэ, это был только демонстративный жест.

24 марта национальные гвардейцы Лиона — радикальные, либеральные и клерикальные — осудили восстания в Париже, Лионе и других городах. Ударили сбор, но массы не откликнулись на него. Распространился слух, что пруссаки угрожают через 24 часа занять Лион. Разумеется, этот слух был пущен, чтобы породить в массах пассивность и покорность.

Это был конец. Коммунальная комиссия исчезла. Лионская Коммуна стала отныне лишь воспоминанием.

Сент-Этьенн

Но в тот же день, как угасла Коммуна в Лионе, революционное движение вспыхнуло в Сент-Этьенне, где еще 31 октября готовы были провозгласить Коммуну.

Революция 18 марта в Париже была с восторгом встречена рабочими Сент-Этьенна. 23 марта революционный клуб на улице Вьерж направил в ратушу делегатов, чтобы потребовать провозглашения Коммуны. На другой день муниципальный совет, осаждаемый делегациями, подал в отставку, в то время как префект заклинал население не провозглашать Коммуну. Но в 7 часов вечера рота национальных гвардейцев подняла национальную гвардию под клики «Да здравствует Коммуна!» Радикалы, которых Центральный комитет местной национальной

¹ Речь идет о батальонах национальной гвардии, в которых преобладали буржуазные элементы. — *Прим. ред.*

гвардии призвал принять участие в выступлении с целью захвата ратуши, отказались под тем предлогом, что «движениям в Париже и Лионе недостает ясности».

Тогда народные массы, собравшиеся в клубе на улице Вьерж, решили направить в ратушу новых делегатов и отправиться туда вместе с ними. В 10 часов вечера две колонны манифестантов, по четыреста человек каждая, подошли к решетке ратуши. Ввиду отказа мэра провозгласить Коммуну делегаты заявили, что не выпустят ни одного человека из ратуши, которая была окружена манифестантами.

Споры продолжались всю ночь. В 7 часов утра, после того как мэр пообещал провести опрос населения относительно создания Коммуны, толпа покинула ратушу. В полдень 25 марта к мэру явилась делегация и потребовала выполнить обещание относительно референдума. Но этому решительно воспротивился префект, некий де Леспе. Префект грозился даже окопаться и забаррикадировать подступы, но пожарные, которые несли караул, подняли ружья прикладами вверх. Де Леспе вынужден был принять делегатов и вступить с ними в переговоры.

Толпа проявляла беспокойство и недовольство, видя, что переговоры затягиваются. В 4 часа дня, с прибытием рабочих оружейной мануфактуры, толпа еще более возросла. Выстрелом из окна одного дома был убит рабочий-позументщик Лионне. Прогремели ответные выстрелы, после чего народные батальоны национальной гвардии ворвались в ратушу. Около 9 часов вечера толпа, удалившаяся уже из ратуши, вернулась еще более многочисленная. Префект де Леспе согласился подписать прокламацию о провозглашении Коммуны, хотя подчеркнул, что его принудили к этому силой. Но в ходе столкновений, происшедших в ратуше, префект и один из манифестантов были убиты.

Некоторое время спустя образовался комитет, в состав которого вошли офицеры национальной гвардии и члены клуба с улицы Вьерж. Этот комитет приказал занять вокзал, завладел телеграфом и пороховым складом и назначил созыв избирателей на 29 марта.

К сожалению, в прокламации, извещавшей о выборах, не было ни слова о социальных вопросах, которые особенно интересовали рабочее население Сент-Этьенна и его окрестностей — Рикамари и Фирмини.

Поэтому, когда ударили сбор, это не принесло ожидаемых результатов: рабочие остались в стороне от движения.

На другой день, в воскресенье 26 марта, население Сент-Этьенна читало афиши Коммуны, но рядом с этими афишами висели другие, подписанные генералом и прокурором и призывавшие муниципальный совет взять назад свою отставку. Генерал заявил муниципальным советникам, что его солдаты не хотят сражаться, но что у него имеется тысяча шаспо, которые он может предоставить в их распоряжение, но поскольку муниципальные советники не чувствовали в себе особого военного призвания, они оставили без внимания это предложение генерала.

27 марта созданный за два дня до этого комитет принял делегатов, прибывших из Лиона, и был поднят вопрос об организации сопротивления¹. Но сам комитет доживал свои последние дни, его сторонники уже покинули ратушу. Там оставалось не более сотни людей, когда к зданию подошли войска под командованием генерала. Посланный генералом парламентар убедил национальных гвардейцев сложить оружие. Так была оставлена ратуша.

Разумеется, были проведены многочисленные аресты, а на сент-этьеннских коммунаров обрушились потоки ужасающей лжи. Их выступление отличалось невероятной политической путаницей, которая и обусловила недостаточную активность революционных сил, а ведь им противостояла буржуазия, классовое чутье которой никогда не изменяло ей.

Итак, 28 марта, когда избранная за два дня до этого Парижская Коммуна водворилась в Ратуше, Коммуна в Сент-Этьенне пала вслед за Лионской Коммуной. Это должно было, конечно, значительно ухудшить и без того тяжелое положение парижских коммунаров.

Крезо

Аналогичная развязка готовилась в Крезе — вотчине Шнейдера, бывшего председателя Законодательного корпуса Второй империи, хозяина металлургического

¹ Сопротивления представителям старой власти. — *Прим. ред.*

завода. С 4 сентября городом управляли социалисты, а бывший рабочий этого завода, Дюмэ, был его мэром.

25 марта, когда в Крезе узнали о том, что произошло в Лионе, был поднят вопрос о провозглашении Коммуны. На следующий день во время смотра национальные гвардейцы кричали: «Да здравствует Коммуна!» Вслед за ними толпа отправилась на площадь мэрии, занятую войсками. Полковник кирасиров Жерар приказал открыть огонь, но пехотинцы отказались стрелять. Тогда полковник решил пустить в ход своих кирасир. Но национальные гвардейцы бросились в штыковую атаку и завладели мэрией. Мэр Дюмэ объявил о низложении версальского правительства и о провозглашении Коммуны. Но, так же как в Лионе и в Сент-Этьенне, повстанцы ничего не сделали, чтобы закрепить первый успех и воспользоваться поражением, нанесенным врагу.

Настроения и поведение пехотинцев Крезе свидетельствовали, однако, о возможности расколоть вооруженные силы сторонников Версаля и привлечь большое число солдат на сторону революционного лагеря.

Реакционеров охватил страх. Но вскоре силы «порядка» вернулись еще в большем числе, и на другой день, 27 марта, они рассеяли толпу и заняли мэрию. Это был конец Коммуны в Крезе.

Марсель

Энтузиазм народа в связи с провозглашением Коммуны в Лионе, Сент-Этьенне и Крезе был не очень велик; коммунарам не удалось увлечь за собой широкие массы и организовать их, а поэтому их быстро разбили. В Марселе же движение за Коммуну приняло более бурный и более боевой характер.

Но для того, чтобы лучше представить себе условия, в которых возникла Коммуна в Марселе, необходимо напомнить, что произошло в этом городе после капитуляции при Седане и падения Второй империи.

В Марселе существовала сильная секция Интернационала. 4 сентября тут была провозглашена революционная Коммуна. Состоялась мощная народная манифестация, участники которой разбивали на своем пути статуи Наполеона III и эмблемы империи. Войска братались с ма-

нифестантами под звуки «Марсельезы» и «Походной песни».

В два часа дня народные массы ворвались в ратушу, где заседал муниципальный совет. Манифестанты водрузили красное знамя над мэрией. Тут же был создан Комитет общественного спасения, а также Департаментская административная комиссия. На место префекта-бонапартиста был назначен временный префект. Чиновники империи были арестованы. Генерал Орель де Паладин, командовавший вооруженными силами департамента, был смещен.

Но Комитет общественного спасения не мог оправдать ожиданий народных масс из-за своего социального состава: буржуазные элементы, вошедшие в комитет, препятствовали принятию решительных мер. То же было и в Департаментской административной комиссии.

Создание реакционного правительства во главе с Тьером вызвало возмущение марсельского населения. Известия о революции 18 марта в Париже произвели огромное впечатление на жителей города, нервы которых были напряжены до крайности.

22 марта известия о событиях, происшедших в Париже, подтвердились. Тотчас же трудящиеся и республиканцы заполнили клубы; они жаждали действий и ждали лишь указаний.

Выступая в Клубе национальной гвардии, Гастон Кремье обрушился на версальцев, но в то же время проявил некоторую сдержанность в оценке Центрального комитета национальной гвардии, составленного, как он сказал, из людей неизвестных. Таким образом, он привел один из аргументов, использовавшихся в Париже врагами Коммуны.

Но затем, отказавшись от своей первоначальной сдержанности, Гастон Кремье занял весьма четкую позицию, заявив:

«Версальское правительство подняло свой костыль против того, что оно называет парижским мятежом, но костыль раскололся в его руках, и из этого родилась Коммуна... Поклянемся же, что будем едины в защите парижского правительства, единственного, которое мы признаем».

Это было сказано ясно и вызвало злобу марсельских реакционеров. Префект адмирал Конье, посоветовавшись с мэром, с прокурором республики и с генералом Эспиваном де ла Вильбуане, отдал приказ мэру и полковнику, командовавшему национальной гвардией, подготовить на завтра манифестацию национальной гвардии в поддержку Версаля.

Но население Марселя было начеку. 23 марта, в 7 часов утра, народные батальоны национальной гвардии ударили сбор, и в 10 часов они уже выстроились на проспекте Шапитр; в то же время артиллерия национальной гвардии была размещена на улице Сен-Луи. В 12 часов дня национальные гвардейцы, франтиреры и солдаты различных родов войск сосредоточились на проспекте Бельзенс. «Да здравствует Париж!» — кричали солдаты прибывших батальонов Бель-де-Мэ и Андума¹. А пресловутые батальоны «порядка», которые должны были устроить манифестацию в поддержку Тьера, отсутствовали.

Страх охватил муниципальный совет при виде этой демонстрации мощи народного движения. Он тотчас же отказался от манифестации в поддержку Версаля, которой требовал адмирал-префект, и опубликовал республиканскую прокламацию. Со своей стороны Клуб национальной гвардии присоединился к муниципальному совету и потребовал возвращения Национального собрания в Париж, а также удаления с государственной службы всех сообщников империи.

«Да здравствует Париж!» — кричали народные батальоны, в нетерпении топтавшиеся на месте. В конце концов они двинулись с барабанным боем по направлению к префектуре. Делегаты Клуба национальной гвардии продолжали еще вести переговоры, как вдруг раздался выстрел. Тогда толпа ринулась вперед, арестовала префекта, двух его секретарей и одного генерала.

На балкон префектуры выходит Гастон Кремье. Он говорит о правах Парижа и призывает к сохранению порядка. Но по требованию масс он отправляет две колонны на металлургические заводы и на верфь Манпан-ти, чтобы раздобыть там ружья.

¹ Названия рабочих кварталов Марселя. — *Прим. ред.*

Тут же была создана комиссия из шести человек, в основном из рабочих; в нее вошел и Гастон Кремье. Комиссия объявила, что она берет всю власть в свои руки, и, желая усилить свой представительный характер и расширить сферу своего влияния, предложила муниципальному совету и Клубу национальной гвардии выделить в ее состав по три делегата.

После того как войска покинули Марсель и отступили в Обань, великий средиземноморский город оказался в руках народа. Департаментская комиссия, к которой присоединились делегаты от муниципального совета и от радикального клуба, казалась пролетарским элементом слишком умеренной. Они требовали, чтобы Марсельская Коммуна также избрала своей эмблемой красное знамя, против чего возражал, в частности, делегат радикального клуба некий Буше. Вечером 24 марта он даже подал в отставку и отказался от этого шага лишь по настоянию Гастона Кремье.

В городе знали об этих внутренних раздорах. И если Департаментская комиссия заявила 25 марта, что «полнейшее согласие царит между нею и муниципальным советом», то этот последний объявил себя единственно существующей властью. Это, конечно, не могло не породить политической сумятицы, выгодной для реакционеров.

Тем временем генерал Эспиван де ла Вильбуане использовал тактику отхода, которую Тьер применил в отношении Парижа. Он эвакуировал в Обань все административные учреждения и государственные кассы департаментского центра, чтобы поставить Марсельскую Коммуну в безвыходное положение.

26 марта влияние Марсельской Коммуны не возросло ни на йоту. Никто не восставал против нее, но никто и не присоединялся к ней; она оставалась совершенно изолированной в департаменте. Почти все мэры департамента Буш-дю-Рон отказывались распространять прокламации Марсельской Коммуны. Попытка организовать манифестацию с красным знаменем, предпринятая в Арле, потерпела неудачу.

Первоначальный энтузиазм народа сменился равнодушием, несмотря на прибытие делегатов из Парижа во главе с Амуру. Разрыв с радикалами завершился. Департаментская комиссия, понимая, что ее изолированность

возрастает с каждым днем, не проявила, однако, должной энергии и не приняла тех мер, каких требовала оборона города.

Марсельская Коммуна вела себя так, как если бы братание солдат с народом могло считаться делом решенным. А между тем оно возможно лишь в определенных условиях и преимущественно тогда, когда народные массы действуют сплоченно и смело. К сожалению, в тот момент в Марселе не наблюдалось уже этих условий.

Муниципальный совет, боровшийся против Департаментской комиссии с помощью прокламаций, укрылся на каком-то судне и очистил таким образом поле действий для репрессий, подготавливавшихся генералом Эспиваном де ла Вильбуане в Обани.

Утром 3 апреля генерал, не перестававший поддерживать связь с командирами реакционных батальонов национальной гвардии, предупредил их, чтобы они были наготове. 4-го он начал наступление против Марселя. Департаментская комиссия смогла противопоставить ему только несколько сот человек, которые сражались геройски.

Подвергшись бомбардировке с высот Нотр-Дам-де-ла-Гард и одновременно из форта Сен-Никола, префектура пала. Начались репрессии. Было убито примерно 150 человек и около 500 арестовано. Арестован был и Гастон Кремье, которого впоследствии расстреляли¹.

На следующий день, 5 апреля, генерал Эспиван де ла Вильбуане вступил в Марсель под приветственные возгласы реакционеров и свист людей из народа, а спустя еще день в город возвратился и муниципальный совет, первой мерой которого было разоружение национальной гвардии.

Это новое поражение еще более увеличило изолированность Парижа.

Тулуза

В Тулузе многие рабочие состояли в рядах национальной гвардии. Уже 19 марта смена ее караулов проходила при возгласах: «Да здравствует Париж!» Пре-

¹ 30 ноября 1871 года в Марселе по приговору военного суда, — *Прим. ред.*

фект Дюпорталь, изгнанный в свое время, в 1851 году, из Франции¹, был человеком с довольно твердыми республиканскими убеждениями. Клубы, заставившие офицеров национальной гвардии дать клятву защищать республику, потребовали у Дюпорталья патронов.

Но этот префект был тотчас же заменен Кератри, бывшим префектом полиции правительства 4 сентября. Прибыв в Тулузу в ночь на 22 марта, новый префект узнал, что 500 солдат гарнизона находятся в состоянии полного разложения, а национальная гвардия настроена в пользу его предшественника — Дюпорталья. Применив, как и Тьер, тактику отхода, Кератри удалился в Ажан.

22 марта национальная гвардия Тулузы собиралась организовать манифестацию с целью захвата арсенала. Дюпорталь и мэр тотчас же отправились в ратушу, но мэр не замедлил удалиться оттуда. Что касается генералов, то, напуганные мощными народными манифестациями, они укрылись в арсенале. Дюпорталь, стараясь успокоить их, заявил, что он будет поддерживать порядок именем версальского правительства, законность которого он признал.

В этих условиях генералы обратились к Тьеру с просьбой сохранить Дюпорталья на посту префекта. Но Кератри, основываясь на успокоительных заверениях Дюпорталья, попросил последнего помочь ему занять префектуру. Дюпорталь назначил ему свидание на следующий день, 24 марта, и уведомил, что примет его в присутствии офицеров мобильной и национальной гвардии, которые были созданы с этой целью. Кератри не захотел оказаться в подобной компании и не явился на свидание.

На собрании, назначенном на 24 марта, предполагалось провести вербовку добровольцев для версальского правительства; но только четыре офицера мобилей из шестидесяти предложили свои услуги. Тем временем национальная гвардия собралась на площади Капитолия для участия в манифестации, направленной против Кератри. Во второй половине дня Дюпорталь принял

¹ После государственного переворота 2 декабря 1851 года Дюпорталь, как и тысячи других республиканцев и демократов, был изгнан из Франции. — *Прим. ред.*

в префектуре офицеров национальной гвардии, которые заявили о своей готовности выступить против версальского правительства. Повсюду раздавались крики: «Да здравствует Коммуна!»

Офицеры национальной гвардии, не ограничиваясь выражением симпатий парижской революции, арестовали Кератри. Они провозгласили Коммуну и потребовали, чтобы Дюпорталь возглавил ее. Последний отказался. Тогда офицеры стали обвинять его в слабости, в то время как толпа, плохо осведомленная, приветствовала его, когда он появился на площади среди манифестантов, направлявшихся к Капитолию.

Инициаторов провозглашения Коммуны в Тулузе стесняло отступничество Дюпорталья. Они предлагали пост председателя Коммуны мэру и различным муниципальным деятелям. Все они отказались. Наконец Дюпорталь, к которому снова обратились, составил манифест, который и был прочитан с балкона Капитолия. Хотя этот манифест был встречен одобрительными возгласами, на нем лежала печать страшной путаницы. Действительно, в нем говорилось, что Коммуна Тулузы хочет единой и неделимой республики; в то же время манифест призывал депутатов Парижа выступить в роли посредников между Парижем и правительством Тьера, требуя, чтобы этот последний распустил версальское Собрание. Это Собрание рассматривалось как некий носитель зла, который следовало устранить. Наоборот, Тьер оценивался скорее благоприятно, а роль депутатов Парижа была представлена в положительном свете, тогда как их действия имели только одну цель — расколоть и уничтожить революционные силы Парижа, победившие 18 марта.

Была избрана Коммунальная исполнительная комиссия. Но она не проявила той активности, какой требовали обстоятельства, и не приняла необходимых мер для организации обороны города. Воспользовавшись этими ошибками Комиссии, председатель судебной палаты и генеральный прокурор присоединились к генералам, укрывшимся в арсенале, и обратились оттуда с призывом к населению Тулузы.

Национальная гвардия хотела ответить на этот призыв захватом арсенала. В то же время жители квартала

Сен-Сиприен¹ собрались на площади Капитолия, желая организовать манифестацию. Час вооруженной борьбы настал, но Исполнительная комиссия решила вступить в переговоры и послала уведомить генералов, укрывшихся в арсенале, что она сама распустит себя, если правительство назначит префекта-республиканца на место Кератри. Переговоры, которые велись подобным образом, способствовали лишь демобилизации масс. Национальные гвардейцы разошлись по домам, решив, что все кончено.

Кератри, разумеется, информировали обо всем происходящем, и 27 марта он направился к арсеналу с тремя эскадронами кавалерии. Он прервал переговоры, которые генералы старались всячески затянуть, и отдал приказ о выступлении силам «порядка», насчитывавшим 200 кавалеристов и около 600 пехотинцев. В их ряды можно было внести разложение. К сожалению, никто не попытался это сделать.

Капитолий был осажден. Национальная гвардия, несомненно, оказала бы сопротивление, и это позволило бы мобилизовать народные силы. Но в дело вмешались умеренные элементы, которые стали убеждать защитников Капитолия отступить. Совершенно очевидно, что члены Исполнительной комиссии² не проявили того мужества и боевого духа, какие были присущи населению Тулузы. Оно было побеждено, ибо во главе его не оказалось твердых и решительных руководителей, достойных того благородного дела, за которое оно боролось.

Н а р б о н н

Как только в Нарбонне узнали о революции 18 марта в Париже, население этого города встало на ее сторону.

Народные массы Нарбонна были полны решимости провозгласить Коммуну и поставить во главе ее бывшего изгнанника времен империи — Дижона, к которому они и обратились. 23 марта Дижон попытался убедить муниципальный совет в необходимости провозгласить Коммуну. А так как мэр Реналь отказался созвать муниципальный совет, народные массы вечером

¹ Один из рабочих кварталов города. — *Прим. ред.*

² Одного из членов этой комиссии Кератри впоследствии даже назначил мэром.

24 марта захватили ратушу и завладели ружьями, которые имелись в муниципалитете. После этого с балкона ратуши Дижон провозгласил Нарбоннскую Коммуну, заявив о ее присоединении к Парижской Коммуне, и немедленно принял меры к обороне города.

На следующий день, 25 марта, мэр попытался собрать солдат гарнизона, и несколько рот появилось перед ратушей. Но женщины быстро разоружили солдат; один капитан и один лейтенант были задержаны в качестве заложников.

Ввиду такой ситуации остальные солдаты гарнизона заперлись в казарме Сен-Бернар. А так как мэр продолжал призывать к сопротивлению, то его тоже арестовали и объявили заложником.

Поместив впереди своего отряда этих трех заложников, национальные гвардейцы захватили здание супрефектуры, затем они выставили пикеты у вокзала и у телеграфа. Чтобы вооружиться, нарбоннские коммунары овладели арсеналом, где вопреки приказу офицера солдаты не стали стрелять в нападающих и отдали им свои ружья.

В тот же день в город прибыли делегаты от целого ряда коммун. Дижон, возглавлявший Коммуну Нарбонна, был очень доволен этим, так как признавал необходимость объединения революционных действий и установления связи между повстанческими движениями в различных городах.

План повстанцев Нарбонна заключался в том, чтобы облегчить действия народных масс, которые выступили 25 марта в Перпиньяне и собирались выступить в Безье и Сете. Но 28 марта из различных городов в Нарбонн прибыли войска и тюркосы¹. Это заставило Нарбоннскую Коммуну заняться обороной города, на улицах были возведены баррикады. 31 марта мэрия была захвачена тюркосами и Коммуна Нарбонна прекратила свое недолгое существование.

Л и м о ж

В Лиможе Народное общество, основанное адвокатом Лавалеттом, направило 23 марта национальной

¹ Части французской армии, рекрутировавшиеся в основном из арабов и носившие особую форму, напоминавшую обмундирование турецких войск. — *Прим. ред.*

гвардии Парижа приветственный адрес. Когда стало известно о неудаче, постигшей 3 апреля колонны федератов, выступивших против Версаля, а также о резне, учиненной над парижскими коммунарами по приказу Галиффе, лиможские рабочие выразили свой гнев и возмущение и под крики: «Да здравствует Коммуна! Приклады вверх!» — побратались с солдатами.

Офицеры национальной гвардии провозгласили в ратуше Лиможскую Коммуну. Была занята префектура и даже возведено несколько баррикад. Но войскам удалось удержать город в своих руках. Лиможские эмиссары, посланные в департаменты Крёз и Коррез, не смогли поднять их население.

Лиможская Коммуна, возникшая последней, была задушена в самом зародыше.

*

В течение апреля рабочие Руана заявили о своем присоединении к Парижской Коммуне, а рабочие Гавра создали группу сочувствующих Парижу. Различные манифестации, состоявшиеся в провинции, не столько одобряли действия парижских революционеров, сколько стремились воспрепятствовать отправке войск и пушек против Парижа.

Такие выступления имели место в Перигё, Бордо, Гренобле, Ниме, Кюере (департамент Вар), в Фуа и Варе (департамент Арьеж), в Коне (департамент Ньевр), в Жере, Савойе, но все они были подавлены.

В начале апреля, когда начались военные действия между Версалем и Парижем, в провинции также произошел ряд выступлений в пользу республики, но это отнюдь не нарушило грозной изоляции, в которой оказались парижские революционеры.

5 апреля ряд муниципальных советов, в частности Лилля, Лиона и Макона, потребовал от Тьера официального провозглашения республики. Около двадцати департаментов высказались в том же духе.

В то время как Париж вел героическую борьбу, Тьер организовал в провинции муниципальные выборы. Они состоялись 30 апреля. Из 700 тысяч муниципальных советников, которые были тогда выбраны, к реакционным

партиям принадлежали только около 8 тысяч. Это была крупная победа республиканцев.

Во время этих выборов имело место несколько манифестаций солидарности с Парижской Коммуной. В Рошфоре на некоторых бюллетенях были сделаны надписи: «Да здравствует Коммуна!» В Лионе, Тьере, Вильнев-сюр-Ионн, Суппе, Немуре, Шато-Ландоне, Куломье (департамент Сена и Марна), в Монтаржи и Дордиве (департамент Луаре) было поднято красное знамя. Но республиканцы, избранные в провинции, не доверяли как Тьеру из-за его реакционных тенденций, так и Коммуне из-за ее федералистской позиции. Большинство из них хотело добиться соглашения между Парижем и Версалем.

Но Тьер был начеку. Он старался воспрепятствовать съездам муниципальных советников (которые тогда подготавливались), ссылаясь на законы 1834 года (короля Луи Филиппа) и 1855 года (императора Наполеона III), запрещавшие какой бы то ни было союз между муниципальными советами. Он приказал арестовать делегатов Лиги прав Парижа, направлявшихся в Бордо, где в конце концов состоялся съезд представителей от муниципалитетов. Другой такой съезд был созван в Лионе.

*

Предприняли ли парижские революционеры необходимые меры, чтобы осведомить провинцию о том, что происходило в Париже? Вот что говорят факты.

Сначала Центральный комитет, а затем Коммуна отправили в провинцию делегатов. Леблан был послан к секциям Интернационала; Паризель — к революционно-социалистическим группам; Амур, Ландек, Мэ и Полина Менк были отправлены в юго-восточные районы. Но систематического плана пропаганды в провинции не существовало.

К тому же в своем обращении к провинции население Парижа просило только о моральной поддержке, тогда как следовало призвать весь французский народ активно поддержать народ Парижа.

6 апреля Исполнительная комиссия обратилась к населению департаментов с прокламацией, в которой говорилось:

«Гражданскую войну начало версальское правительство, перебив наши аванпосты, обманутые мирным видом этих наемных убийц. Это опять-таки версальское правительство приказывает убивать наших пленных и угрожает Парижу ужасами голода и осады, пренебрегая интересами и страданиями населения, уже перенесшего пятимесячную блокаду...

Вас обманывают, братья, когда вам говорят, что Париж хочет управлять Францией и осуществлять диктатуру, которая была бы отрицанием национального суверенитета. Вас обманывают, когда вам говорят, что в Париже открыто, среди бела дня совершают грабежи и убийства. Никогда еще на наших улицах не было так спокойно, как в эти три недели: не было совершено ни одной кражи, ни одного покушения на жизнь граждан.

Париж стремится лишь основать Республику и завоевать себе коммунальные вольности и счастлив тем, что может указать пример другим Коммунам Франции. И если Парижская Коммуна, к своему великому сожалению, вышла за пределы своих обычных функций, то она была принуждена к тому войной, развязанной версальским правительством..

Итак, братья, не давайте обмануть себя чудовищными измышлениями версальских роялистов. Поймите, что Париж борется и сражается в этот момент не только ради себя, но и ради вас. Объединим же наши усилия — и мы победим, ибо мы являемся носителями права и справедливости, то есть всеобщего счастья, свободы для всех и каждого на основе добровольной и животворной солидарности.

Да здравствует Франция! Да здравствует Республика, единая и неделимая, демократическая и социальная!»

Лишь в конце апреля крестьянам была направлена прокламация от имени трудящихся Парижа¹. Это воззвание содержало следующие строки:

¹ Вначале это воззвание, составленное писательницей-социалисткой Андре Лео и членом Коммуны Бенуа Малоном, было опубликовано 10 апреля 1871 года в газете «Сомтип» в качестве составной части статьи «Франция с нами» за подписью Андре Лео. В дальнейшем это воззвание было перепечатано некоторыми другими

«К трудящимся деревень!

Брат, тебя обманывают. У нас одни интересы. То, чего требую я, хочешь и ты; освобождение, которого добиваюсь я, будет и твоим освобождением. В городе тот, кто производит все богатства, испытывает нужду в хлебе, одежде; у него нет прав, ему нечего рассчитывать на чью-либо помощь. Но разве не так же обстоит дело в деревне? Разве не все равно, как называется угнетатель: крупным землевладельцем или промышленником? Твой рабочий день такой же длинный и тяжелый, как и мой, и ты, как и я, не получаешь даже того, что необходимо для удовлетворения физических потребностей. Тебе, как и мне, недостает свободы, досуга, жизни для ума и для сердца. И ты и я — мы всегда были и все еще остаемся рабами нищеты.

Вот уже почти целый век, как тебе, крестьянину, бедному поденщику, твердят, что собственность — это священный плод труда, и ты этому веришь. Но открой же глаза и оглянись вокруг, посмотри на самого себя, и ты убедишься, что это ложь. Вот ты, старик, ты трудился всю жизнь, все дни свои от зари до зари ты не выпускал из рук заступа и серпа, и, однако, ты все-таки небогат и на старости лет не имеешь даже куска хлеба. Всего твоего заработка хватило лишь на то, чтобы с трудом воспитать детей, которых отнимет у тебя рекрутский набор, или же они женятся и в свою очередь будут влачить жизнь вьючного животного и кончат ее, так же как и ты, в нищете. Ибо, когда сила твоих мускулов иссякнет и ты уже не сможешь найти себе работу, ты станешь на старости лет обузой для своих детей и вскоре вынужден будешь, опустив голову, ходить с сумою на плечах по дворам, выпрашивая унизительную, горькую милостыню.

Это несправедливо, брат-крестьянин. Разве ты не сознаешь этого? Ты видишь теперь, как тебя об-

парижскими революционными газетами. Впоследствии в виде листовки, которая была озаглавлена «Парижская Коммуна к трудящимся деревень» и подписана «Трудящиеся Парижа», эта прокламация была сброшена (100 тысяч экземпляров) с аэростатов в окрестностях Парижа. Большая часть этих листовок была перехвачена версальской полицией и не дошла до крестьянства, — *Прим. ред.*

манывают. Если бы собственность в самом деле была плодом труда, то ты, который столько трудился, был бы собственником. Ты владел бы этим маленьким домиком с садом и огородом, которые были страстью, целью, мечтой всей твоей жизни, но которых ты так и не смог приобрести, а если и приобрел на свое несчастье, то лишь наделав долгов, которые высасывают из тебя все соки, гложут тебя как червь и заставят твоих детей продать, как только ты умрешь, а может быть и раньше, этот столь дорого доставшийся тебе кров. Нет, брат, от трудов праведных не наживешь палат каменных! Богатство передается по случаю или приобретается хитростью. Богаты лишь тунеядцы, а труженики — бедняки и умрут бедняками. Таково общее правило; остальное — только исключение.

Это несправедливо. Вот почему Париж, о котором ты судишь со слов людей, которым выгодно тебя обманывать, волнуется, протестует, восстает и требует изменения законов, дающих богатым всю власть над трудящимися».

Далее в основных чертах излагалась программа парижской революции:

«Париж хочет, чтобы сын крестьянина получал такое же образование, как и сын богача, и притом *бесплатно*, ибо наука — общее достояние людей и необходима для жизни не меньше, чем глаза для зрения.

Париж хочет, чтобы не было больше короля, который получает 30 миллионов народных денег и подкармливает сверх того свое семейство и своих фаворитов; Париж хочет, чтобы с упразднением этих громадных расходов значительно уменьшились налоги. Париж требует упразднения должностей, оплачиваемых по 20, 30 и 100 тысяч франков, что позволяет одному человеку за один год пожирать такие средства, которых хватило бы на множество семейств. Такая экономия позволила бы создать приюты для престарелых тружеников.

Париж требует, чтобы люди, не имеющие собственности, не платили никаких налогов; чтобы человек, имеющий только дом с садом, также ничег

не платил; чтобы обложение небольших состояний было невысоким и чтобы вся тяжесть налогов падала на богачей.

Париж требует, чтобы пять миллиардов были уплачены Пруссии депутатами, сенаторами, бонапартистами, виновниками войны, и пусть для этого продадут их имущество, а также так называемые имущества короны, в которой Франция больше не нуждается.

Париж требует, чтобы правосудие ничего не стоило тем, кто в нем нуждается, и чтобы народ сам выбирал судей среди достойных людей своей коммуны.

Париж хочет, наконец, — запомни это хорошенько, ты, сельский труженик, бедный поденщик, мелкий собственник, которого гложут ростовщик, арендатор, мызник, фермер, запомните все вы, кто сеет, жнет и трудится в поте лица своего, в то время как львиная доля продуктов вашего труда достается какому-нибудь бездельнику, — Париж хочет в конечном счете земли для крестьян, орудий труда для рабочих, работы для всех...

Итак, жители деревень, вы видите теперь, что дело Парижа — ваше дело, что он трудится так же для вас, как и для городских рабочих. Париж осаждают сейчас те самые генералы, которые предали Францию. Эти депутаты, которых вы выбрали, не зная их¹, хотят вернуть нам Генриха V². Если Париж падет, ярмо нищеты останется на вашей шее, его унаследуют и ваши дети. Помогите же ему одержать победу и, что бы ни случилось, запомните хорошенько эти слова, ибо революции будут совершаться в мире до тех пор, пока они не осуществятся: *земля — для крестьян, орудия труда — для рабочих, работа — для всех*.

Но это воззвание появилось слишком поздно; не получив к тому же широкого распространения в провинции, оно сыграло весьма незначительную роль уже

¹ Речь идет о монархистах, составлявших большинство в Национальном собрании 1871 года. — *Прим. ред.*

² Так именовали претендента на французский престол графа Шамбора, внука короля Карла X, его приверженцы. — *Прим. ред.*

вследствие самого разрыва, существовавшего между рабочим движением и крестьянскими массами.

Из всей совокупности вышеизложенных фактов вытекает прежде всего главный вывод, а именно: слабой стороной рабочего движения того времени было отсутствие идеологического единства, страшная путаница в понимании задач социализма, тенденция допустить мелкобуржуазные элементы к руководству движением, подчинив им рабочий класс, а также роковой разрыв между пролетариатом и крестьянскими массами.

С любовью и уважением склоняя свои боевые знамена перед памятью всех бойцов Парижской Коммуны и провинциальных Коммун, рабочие нашей эпохи должны извлечь из совершенных тогда ошибок полезный урок для своей борьбы. Это тем более необходимо, что некоторые политики хотели бы и теперь отвести рабочему классу только роль вспомогательной силы. А ведь только рабочий класс, только он один благодаря мощи своей организации и в той мере, в какой ему удастся добиться единства своих рядов, способен создать условия для сплочения всех прогрессивных сил, союз которых столь необходим, чтобы сломить силы реакции, обречь на поражение возможные фашистские выступления и подготовить рождение нового мира.

ГЛАВА ПЯТАЯ

От начала и до конца апреля

Коммуна и полномочия Центрального комитета. — Первое нападение версальцев. — Гибель Флуранса и Дюваля. — Закон о заложниках. — Письмо Карла Маркса Вильгельму Либкнехту. — Известия из провинции. — Реорганизация версальской армии. — Участие женщин в боях. — Письмо Карла Маркса Кугельману. — Военное положение Коммуны ухудшается с каждым днем. — Реквизиция брошенных предприятий. — Декрет о просроченных платежах. — Дополнительные выборы. — Коммуна защищает свои прерогативы. — Перемирие в Нёйи. — Отмена штрафов, налагаемых на трудящихся. — Запрещение ночного труда в пекарнях. — Обращение Коммуны к сельскому населению. — Смещение Кюзере. — Создание Комитета общественного спасения

С первых же дней существования Парижской Коммуны, когда она занималась созданием своих органов и распределением их функций, встал вопрос о полномочиях и сфере деятельности Центрального комитета национальной гвардии.

Об этом зашла речь уже на первом заседании 31 марта, на котором было зачитано официальное сообщение Центрального комитета, извещавшего Коммуну о том, что он назначил генерала Кюзере делегатом в военное министерство.

Так выявились трения, которые могли стать тем более опасными, что в организации обороны Парижа наблюдались серьезные пробелы. К тому же, действуя собственной властью и не уведомив об этом Коммуну, Центральный комитет решил провести новые выборы в национальной гвардии.

Но представитель Коммуны Бийорэ, которому было поручено обсудить эти вопросы с Центральным комитетом, заявил, что комитет дезавуирует документ, зачи-

танный на заседании Коммуны, включая и назначение Ключере.

В ходе второго заседания 31 марта еще несколько членов Коммуны отказались от своих мандатов, а именно Фрюно, избранный от XII округа, Луазо-Пенсон и Брелэ, избранные от II округа.

Но вот наступило 1 апреля. В этот день Коммуна приняла двух делегатов Центрального комитета — Бурсье и Лисбонна. Они внесли два предложения: одно — о передаче в ведение Центрального комитета главного интендантства парижской национальной гвардии, вопросов организации этой гвардии и назначения начальника ее главного штаба и другое — об установлении окладов членам Центрального комитета.

Оба предложения были переданы в Военную комиссию и в Исполнительную комиссию Коммуны.

1 апреля

На заседании 1 апреля Коммуна, которая еще ранее определила размер жалованья своих членов в 15 франков в день, установила максимум заработной платы служащих в размере 6 тысяч франков в год. Тем самым она доказала, что народное правительство — это дешевое правительство, тогда как все правительства буржуазной диктатуры — это дорогостоящие правительства.

Был также принят декрет о выдаче пособий женам и родственникам мобильных гвардейцев, попавших в плен.

Было решено провести 5 апреля дополнительные выборы, поскольку 16 членов Коммуны, избранных 26 марта¹, вышли из состава Коммуны, а члены Коммуны, избранные одновременно в нескольких округах, должны были решить, по какому округу они будут числиться². Таким образом, нужно было заполнить 22 вакансии по десяти округам Парижа.

Тьер, обращаясь к префектам, супрефектам, дивизионным генералам и генеральным прокурорам, писал в это время из Версаля:

¹ Адап, Мелин, Рошар, Барре, Брелэ, Луазо-Пенсон, Тирар, Шерон, Леруа, Робине, Демаре, Ферри, Наст, Фрюно, Мармонтан, де Бутейе.

² А. Арну, Варлен, Делеклюз, Тейс, Бланки.

«Коммуна в Париже, уже расколота, пытающаяся сеять повсюду ложь и грабящая государственные кассы, мечется в своем бессилии, внушая ужас парижанам, которые с нетерпением ждут дня своего освобождения.

Национальное собрание, сплотившись вокруг правительства, мирно заседает в Версале, где завершается организация одной из самых великолепных армий, какими когда-либо обладала Франция».

Эту армию, предназначенную для штурма Парижа, Тьер организовывал при содействии Бисмарка.

Центральный Комитет 20 округов Парижа заявил, что он целиком и полностью одобряет три декрета Коммуны: о квартирной плате, о рекрутском наборе, о заложенных в ломбарде вещах.

2 апреля

2 апреля возникли серьезные военные проблемы. Исполнительная комиссия уведомила Коммуну, что недопонимания, возникшие между Центральным комитетом и Коммуной, улажены, что Центральный комитет артиллерии, который казался органом власти, стоящим рядом с Коммуной, предоставил себя в ее распоряжение, а генерал Кюзере назначен помощником генерала Эда.

В это время внимание Коммуны привлекло сообщение о ловушке, устроенной национальным гвардейцам версальцами.

Два батальона национальных гвардейцев, охранявшие мост в Нёйи, увидели, как к ним приближается колонна солдат во главе с жандармским полковником. Эта колонна солдат подняла ружья прикладами вверх, давая понять, что она намерена перейти на сторону Коммуны. А когда национальные гвардейцы подошли, чтобы побрататься с этими людьми, те стали в упор расстреливать их.

Кроме того, в тот же день версальцы начали свои атаки. Две бригады, вышедшие из Версаля и двигавшиеся от Рюейя и Монтрету, соединились у Брюйера и при поддержке кавалерийской бригады Галиффе попытались обойти федератов, подвергнув бомбардировке казарму и баррикаду в Курбевуа.

Война между Версалем и Парижем началась. К несчастью, Тьеру дали время подготовить свою армию и снова прибрать к рукам солдат, которые сначала были близки к полной деморализации, а под конец позволили убедить себя, что, сражаясь против Парижской Коммуны, они защищают цивилизацию. Поток клеветы и оскорблений обрушился на Коммуну. Версальцы питали к ней столь же лютую ненависть, как и нацисты, обнаружившие ее 75 лет спустя.

Ввиду такой ситуации Исполнительная комиссия обратилась с воззванием к национальной гвардии, а Коммуна издала декрет о привлечении к судебной ответственности Тьера, Жюля Фавра, Эрнеста Пикара, Дюфора, Жюля Симона и адмирала Потюо. Одновременно она постановила усыновить семьи граждан, «которые пали и падут в войне против Версаля».

В тот же день Коммуна приняла и ряд других декретов. «Церковь отделяется от государства», — гласил один из этих декретов, устанавливавший, что «бюджет культов упраздняется», а «так называемые неотчуждаемые имущества, принадлежащие религиозным конгрегациям, объявляются национальной собственностью».

Согласно другому декрету специальные роты национальной гвардии, сформированные из служащих различных общественных или частных учреждений, должны были влиться в батальоны национальной гвардии и провести перевыборы своих офицеров.

2 апреля в газете «*Rappel*» было опубликовано заявление Центрального комитета 20 округов, потребовавшего от Коммуны «немедленно вынести решение о гласности заседаний коммунальной власти». Это требование сопровождалось неприкрытым давлением, ибо в заявлении говорилось, что «многие граждане откажутся выставить свои кандидатуры на дополнительных выборах в Коммуну, если их ответственность не будет гарантирована гласностью». Этот вопрос обсуждался в Коммуне. Гласность заседаний, за исключением тех, которые проводились в секретном порядке, была введена, но позднее.

3 апреля

В этот день в специальном извещении Исполнительной комиссии сообщалось, что парижские войска

отбросили версальцев и атаковали Ванв и Буживаль. Как можно было понять из ряда депеш того же дня, отряды Бержере и Флуранса должны были вот-вот соединиться, с тем чтобы идти на Версаль.

В действительности события развернулись иначе: артиллерийский обстрел из форта Мон-Валерьен, который можно было занять 19 марта, поскольку он был оставлен по приказу Тьера, заставил войска Коммуны отступить. И какова ирония судьбы! В этот самый момент Люлье, который был виновником этого упущения и был арестован 28 марта, бежал из заключения.

В ходе этого отступления версальцам удалось захватить Флуранса. Жандарм Демарэ ударом сабли разрубил ему голову. Что касается Дюваля, отступившего к Шатильону, то он был окружен, взят в плен и расстрелян по приказу генерала Винуа. Он умер с возгласом: «Да здравствует Коммуна! Да здравствует Республика!»

В это же время в Шату Галиффе приказал расстрелять нескольких пленных; федераты, попавшие в руки врага, по прибытии в Версаль были встречены обезумевшей от ярости толпой.

Учитывая сложившееся положение, Коммуна решила отложить выборы, назначенные на 5 апреля. Кроме того, Коммуна постановила, что Дюваль (о его трагической гибели еще не знали в Париже), Бержере и Эд, находившиеся вдали от Парижа в связи с военными действиями, будут заменены в Исполнительной комиссии Делеклюзом, Курне и Верморелем. В то же время Кюзере был назначен делегатом в Военное министерство.

Коммуна постановила также утвердить в качестве отличительного знака для своих членов красный шарф с золотой бахромой.

4 апреля

В этот день на заседании Коммуны говорилось о соглашении, заключенном между Исполнительной комиссией и Центральным комитетом национальной гвардии, на который было возложено руководство интендантством национальной гвардии. Так как Кюзере заявил, что Исполнительная комиссия и Военное министерство должны находиться вместе, то было решено, что эта ко-

миссия будет пребывать в здании Военного министерства.

В прокламации к народу Парижа Исполнительная комиссия писала:

«Граждане!

Парижская Коммуна не сомневается в победе. Приняты энергичные меры. Учреждения, временно дезорганизованные из-за измены и предательства, в настоящий момент уже реорганизованы.

Каждый час используется для подготовки вашей будущей победы.

Коммуна рассчитывает на вас, и вы можете рассчитывать на нее.

Версальских роялистов ждет лишь позор за содеянные преступления.

Вас же, граждане, ожидает вечная слава спасителей Франции и Республики.

Национальные гвардейцы!

Парижская Коммуна поздравляет вас и заявляет, что вы оказали важные услуги Республике».

5 апреля

Зверства версальцев вызывали гнев парижского народа. Коммуна приняла следующий декрет о заложниках:

Ст. 1. Всякое лицо, уличенное в сообщничестве с версальским правительством, будет немедленно привлечено к суду и заключено в тюрьму.

Ст. 2. В течение 24 часов будет создано обвинительное жюри для разбора дел, которые поступят на его рассмотрение.

Ст. 3. Жюри будет выносить решения в течение 48 часов.

Ст. 4. Все обвиняемые, задержанные по решению обвинительного жюри, будут считаться заложниками парижского народа.

Ст. 5. Казнь каждого военнопленного или сторонника законного правительства Парижской Коммуны немедленно повлечет за собой казнь трех заложников, задержанных на основании ст. 4; они будут выделены по жребью.

Ст. 6. Каждый военнопленный предстанет перед обвинительным жури, которое и решит, будет ли он немедленно освобожден или будет задержан как заложник».

Таким способом надеялись заставить Тьера и его клику уважать законы войны¹, но последующие события показали, что ничто не могло остановить их на пути бесчестия.

В тот же день военный делегат генерал Кюзере представил Исполнительной комиссии доклад, в котором следующим образом охарактеризовал состояние вооруженных сил Коммуны.

«Когда маршевые роты будут сформированы и освобождены от бойцов внутренней службы, мы будем иметь отборное войско численностью свыше 100 тысяч человек. Я настойчиво рекомендую гвардейцам быть особенно внимательными при выборе своих командиров...

Мы занимаем траншеи, Мулино и вокзал в Клармаре. В общем наше положение — это положение людей, сильных сознанием своей правоты, терпеливо ожидающих нападения и ограничивающихся обороной».

Из этого документа видно, что в своих военных взглядах Кюзере не выходил за узкие рамки оборонительной тактики. Осажденной врагами Коммуне пришлось убедиться, что в этой области время работало не на нее.

5 апреля членам Коммуны было направлено следующее важное сообщение:

«Я приехал из Версаля взволнованный, возмущенный ужасами, которые я увидел собственными глазами. С пленными в Версале обращаются жестоко. Их безжалостно избивают. Я видел несколько человек, окровавленных, с оторванными ушами, с лицом и шеей, исцарапанными точно когтями диких зверей.

¹ Следует отметить, что до вторжения версальских войск в Париж Коммуна так и не решилась применить на практике ст. 5 этого декрета. — *Прим. ред.*

В таком состоянии находится и полковник Анри; к его чести и славе я должен сказать, что, с презрением глядя на толпу варваров, он гордо, спокойно, стойчески шел на смерть.

Превотальный суд¹ действует на глазах правительства. Это значит, что смерть косит наших сограждан, попавших в плен. Подвалы, в которые их бросают, — это ужасные ямы, доверенные попечению жандармов.

Я счел своим долгом честного гражданина рассказать вам об этих жестокостях, одно воспоминание о которых всегда будет вызывать мое негодование».

Это сообщение подписал некий Баррер, сделавший впоследствии дипломатическую карьеру: он был французским послом в Италии в тот момент, когда вспыхнула первая мировая война.

В тот же день Центральный комитет обратился к жителям Парижа с прокламацией, в которой особо подчеркивал социальный характер начавшейся борьбы. Он писал:

«Трудящиеся, не ошибитесь теперь. Идет великая борьба — это паразиты и труженики, эксплуататоры и производители схватились между собой. Если вы устали коснеть в невежестве и прозябать в нищете; если вы хотите, чтобы ваши дети были людьми, пользующимися плодами своего труда, а не какими-то животными, выдрессированными для мастерской или для бойни, проливающими свой пот ради обогащения эксплуататора и свою кровь ради какого-нибудь деспота; если вы не хотите, чтобы ваши дочери, которых вы не можете воспитывать и блюсти по своему желанию, становились орудием наслаждения в руках денежной аристократии; если вы не хотите, чтобы разврат и нужда толкали мужчин в ряды полиции, а женщин к проституции; если, наконец, вы хотите царства справедливости, то будьте сознательны, трудящиеся, восстаньте, и да падет от вашей сильной руки презренная реакция!»

¹ Военно-полевой суд. — Прим. ред.

6 апреля

Коммуна решила послать делегацию в Марсель, где вспыхнуло восстание; но было слишком поздно: марсельские коммунары уже были разбиты.

В этот день Коммуна приняла декрет о поднятии дисциплины в рядах национальной гвардии: каждый национальный гвардеец, уклоняющийся от военной службы, обезоруживался, каждый гвардеец, обезоруженный за отказ от несения службы, лишался жалованья.

Дополнительные выборы были назначены на 10 апреля. Если 1 апреля предстояло заполнить 22 вакансии, то теперь их число достигло 27. Среди новых членов Коммуны, заявивших о своем уходе, был радикал Ранк, мотивировавший свое решение тем, что он «не одобряет в целом ряде важных вопросов то направление, которое придано коммунальному движению».

Так отходили в сторону мелкобуржуазные элементы, которые вначале встали на сторону Парижской Коммуны. Это свидетельствовало, разумеется, о сдержанном отношении части парижского населения к Коммуне; но, бесспорно также и то, что, когда возникают трудности, неустойчивые элементы всегда проявляют стремление выйти из борьбы.

В этот же день Карл Маркс писал Вильгельму Либкнехту, который вместе с другим видным руководителем немецких социалистов, Августом Бебелем, находился до этого в тюрьме. Как Вильгельм Либкнехт, так и Август Бебель заявили о своей солидарности с Парижской Коммуной и выступили против аннексии Эльзаса и Лотарингии. Маркс указывал, почему колебания, оттяжки и промедления, допускаемые парижскими революционерами, представляются ему столь опасными. Он писал:

Лондон, 6 апреля 1871 г.

Дорогой Либкнехт!

Известие, что ты и Бебель, а также и брауншвейгцы¹ освобождены, было здесь, в Центральном совете², встречено великим ликованием.

¹ Члены Брауншвейгского Центрального комитета германской социал-демократической рабочей партии Леонард Бонгорст и Вильгельм Бракке. — *Прим. ред.*

² Имеется в виду Генеральный совет Интернационала. — *Прим. ред.*

Повидимому, если парижане терпят поражение, то это их вина, но вина, которая на деле произошла от чрезмерной *honnêteté* [порядочности], — Центральный комитет, а затем и Коммуна дали *mischievous avorton* [злополучному выродку] Тьеру время сосредоточить вражеские силы: 1) потому, что они по глупости не хотели начинать *гражданской войны*, как будто Тьер не начал ее сам своей попыткой насильственного разоружения Парижа, как будто Национальное собрание должно было лишь решить вопрос о войне или мире с пруссаками и не объявило немедленно войну *республике*? 2) Чтобы их нельзя было упрекнуть в противозаконном захвате власти, они потеряли драгоценные мгновения на избрание Коммуны, организация которой и т. д. опять-таки потребовала времени, — а следовало немедленно двинуться на Версаль после поражения реакции в Париже (Вандомская площадь) ¹».

7 апреля

На заседании Коммуны 7 апреля обсуждался вопрос о положении в провинции. Гамбон дал некоторые разъяснения относительно своей поездки на Корсику. Говоря о выступлениях, которые произошли в различных пунктах провинции, он заявил:

«Коммуна была подавлена повсюду только потому, что ее члены не сумели принять решительных мер. В Марселе, Лионе, Сент-Этьенне она наверняка устояла бы, если бы там действовали по-революционному; это должно послужить уроком Парижской Коммуне.

В столице существуют гнусные газеты, которые надо во что бы то ни стало закрыть. Надо покончить с клеветой, которую они систематически распространяют изо дня в день.

Другой важнейший момент — нужно послать во все крупные города граждан, которые активизировали бы движение за создание Коммун и подняли бы

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 102.

республиканцев против версальского правительства.

Только такой ценой может быть спасена Коммуна».

В тот же день Исполнительная комиссия составила обращение к национальной гвардии, которое было опубликовано на следующий день в «Journal Officiel». Но положение в провинции, как оно освещалось в этом обращении, не соответствовало или в тот момент уже не соответствовало более действительности.

«В Лиможе провозглашена Коммуна. Над его ратушей развевается то же знамя, что и над нашей. Линейные войска побратались с национальной гвардией. Армия правого дела выступит на помощь не Версалю, а Парижу.

Геру тоже провозгласил у себя Коммуну и ждет Лиможа, чтобы последовать за ним.

Весь центр поднялся и примкнул к движению. Поднялось и население Ньевра. Вьерзон, тоже провозгласивший у себя Коммуну, держит в своих руках железнодорожный узел и таким образом препятствует переброске версальских жандармов в Тулузу и дает возможность национальным гвардейцам Лиможа прийти на помощь Парижу.

Если Париж будет по-прежнему исполнять свой долг, если он будет столь же тверд, как и храбр, то гражданской войне и ее преступным зачинщикам придет конец.

Да здравствует Коммуна! Да здравствует Республика!

Париж, 7 апреля 1871 года

*Исполнительная комиссия:
Курне, Делеклюз, Феликс Пиа,
Тридон, Э. Вайян, О. Верморель».*

На том же заседании некоторые члены Коммуны заявили протест (пронизанный в большей или меньшей степени духом шовинизма) против назначения польского революционера Домбровского начальником штаба Парижского укрепленного района.

Вайян поддержал это назначение, тогда как Брюнель, которого Коммуна назначила генералом, оспари-

вал право Исполнительной комиссии назначать генерала, не избранного путем всеобщего голосования.

Эта точка зрения не встретила одобрения. Но решение Исполнительной комиссии относительно назначения Домбровского было дополнено таким постановлением, которое, несомненно, отражало противоречия, существовавшие в военной организации Коммуны.

Впрочем, позднейшие документы Коммуны свидетельствуют о том, что звание генерала, упраздненное в тот день, продолжало существовать, но оно рассматривалось как обозначение должности, а не самого чина.

«Ввиду того, что генеральский чин несовместим с демократической организацией национальной гвардии и может носить только временный характер:

Ст. 1. Чин генерала упраздняется.

Ст. 2. Гражданин Ярослав Домбровский, командир 12-го легиона, назначается комендантом Парижского укрепленного района вместо гражданина Бержере, отозванного для выполнения других обязанностей»¹.

7 апреля шла речь также о трениях, возникших между делегатом при префектуре полиции Раулем Риго и военным делегатом Ключере при осуществлении мер общественной безопасности.

В тот же день Эдмон де Гонкур² записал в своем дневнике:

«Афиша извещает о том, что каждый гражданин, который не запишется в течение 24 часов в ряды национальной гвардии, будет обезоружен и, если потребуется, арестован. Этот закон, а также закон о домовладельцах³ являются, на мой взгляд, великолепным началом террора».

К сожалению, принятые законы не всегда применялись с необходимой строгостью.

¹ Это постановление Исполнительной комиссии было датировано 6 апреля и опубликовано 7 апреля. — *Прим. ред.*

² Писатель и публицист, крайне враждебно относившийся к Коммуне. — *Прим. ред.*

³ Имеется в виду закон об отмене задолженности квартиронимателей. — *Прим. ред.*

8 апреля

На заседании 8 апреля было решено образовать комиссию по постройке баррикад под руководством коменданта укрепленного района и в составе капитанов инженерных войск, двух членов Коммуны и представителей от округов (по одному от каждого округа).

Кроме того, Коммуна постановила, что каждый ее член, арестованный в административном порядке, должен быть заслушан на первом же заседании после его ареста. Это решение мотивировалось арестом двух членов Коммуны, Асси и Бержере, выступивших против назначения Домбровского, которое вызвало возражения в рядах национальной гвардии.

Наконец, Коммуна приняла декрет о предоставлении пенсий гражданам, раненым на фронте.

Версальский «Journal Officiel» опубликовал декрет об организации армии, предназначенной для борьбы против Парижа. Эта армия состояла из трех резервных дивизий, которые должны были охранять резиденцию Национального собрания и правительства. Командующим этой резервной армией был назначен генерал Виуа.

Действующая армия должна была состоять из трех корпусов, предназначенных для ведения операций с целью «восстановления порядка». Ее главнокомандующим был назначен маршал Мак-Магон. 1-м корпусом должен был командовать генерал Ладмиро, 2-м — генерал де Сиссэ, 3-м — генерал дю Барай.

9 апреля

На 9 апреля пришлось пасхальное воскресенье. В этот день Коммуна постановила отменить выплату жалования членам Коммуны, отсутствующим на ее заседаниях, и ввести явочный лист. Это показывает, что некоторые члены парижского Собрания не принимали регулярного участия в его работе.

Было решено отложить на более поздний срок дополнительные выборы. Учитывая сложившуюся ситуацию, Коммуна постановила также зачитывать в начале каждого заседания сообщения о ходе военных действий.

В Париже царил некоторая нервозность, о чем свидетельствовал приказ Клюзере.

«Уже несколько дней, — говорилось в этом приказе, — в некоторых округах царит большая сумятица. Говорят, что подкупленные версальцами люди поставили своей задачей 1) измотать национальную гвардию и 2) дезорганизовать ее.

По ночам бьют всеобщий сбор. Бьют сбор кстати и некстати...

Такое положение вещей не может более продолжаться. Поэтому призываю всех добропорядочных граждан руководствоваться следующими инструкциями.

Всеобщий сбор может быть объявлен только по моему приказу или по приказу Исполнительной комиссии и только в случае общего выступления с оружием в руках.

Сбор в округах может быть объявлен лишь по приказу укреплённого района, подписанному комендантом укреплённого района, и только для созыва определенного числа батальонов, мобилизованных для выполнения специального задания...

Если мы хотим победить, мы должны быть едины. И существуют ли более прекрасные, более простые и более благородные узы, чем узы братства по оружию во имя правого дела!

Быстрее организуйте боевые роты или, вернее, пополняйте их, ибо они уже существуют.

С 17 до 19 лет служба является добровольной, с 19 до 40 лет она обязательна как для холостых, так и для женатых.

Установите в ваших рядах патриотический контроль, поставьте трусов под надзор вашего бдительного ока».

Этот призыв к народной инициативе изобличал, к сожалению, слабость военной организации Коммуны.

«Journal Officiel» сообщал о некоторых военных успехах местного характера, одержанных накануне в Нёйи. Исси-ле-Мулино и Баньё, который был полностью освобожден.

10 апреля

В депеше Домбровского военное положение было охарактеризовано следующим образом:

«Войска уже окончательно заняли свои позиции у Аньера. Блиндированные вагоны начали свои операции и благодаря своему движению по линии Версаль — Сен-Жермен прикрывают линию между Коломбом, Ла-Гаренном и Курбеуа.

Наши посты в Женвилье и в Леваллуа продвинулись вперед, и мы удерживаем теперь всю северо-восточную часть Нёйи.

Я совершил со всем своим штабом рекогносцировку через Леваллуа, Вилье, Нёйи до круглой площадки (rond-point) бульвара дю Руль и возвратился в Париж через ворота Терн. Положение у ворот Майо значительно улучшилось, так как в течение ночи артиллерийский огонь ослаб. Мы смогли исправить повреждения, причиненные неприятельским огнем, и начать установку новых батарей перед воротами.

В течение всей ночи на всех позициях царил полный порядок. Слухи об оставлении нами различных позиций — это клевета реакции, распространяемая с целью деморализации населения».

Коммуна постановила запретить Исполнительной комиссии и военному делегату публиковать прокламации, не получившие ее одобрения. Это говорит о том, что она не собиралась отказываться от своего права вмешиваться в военные дела.

Кроме того, она утвердила декрет о пенсиях вдовам, сиротам и родственникам убитых национальных гвардейцев.

В «Journal Officiel» было опубликовано воззвание к гражданкам Парижа, подписанное «группой гражданок». В этом воззвании, подчеркивавшем большую роль женщин в Парижской Коммуне, в частности, говорилось:

«Гражданки Парижа, наследницы женщин Великой Революции, которые во имя народа и справедливости отправились в Версаль и привели оттуда пленного Людовика XVI, — мы, матери, жены и сестры французского народа, долго ли мы будем терпеть, чтобы нужда и невежество превращали наших детей во врагов, чтобы отец восставал на сына, брат на брата, чтобы они убивали друг друга у нас на глазах ради прихоти наших угнетателей, предавших

Париж чужеземцам, а теперь желающих уничтожить его?..

Гражданки, вызов брошен, надо победить или умереть! Пусть матери, жены, заявляющие: «Что мне в торжестве нашего дела, если я должна потерять тех, кого люблю?», поймут наконец, что существует только одно средство спасти тех, кто им дорог, — мужа, который их поддерживает, или сына, на которого они возложили все свои надежды. Нужно активно участвовать в завязавшейся борьбе, чтобы навсегда покончить с этой братоубийственной борьбой, которая может прекратиться только в случае победы народа, в противном случае она снова возобновится!»

В письме из Версаля префекту департамента Нижняя Сена опровергались слухи о заговоре версальцев против республики, что свидетельствовало об известном беспокойстве, царившем в республиканских кругах провинции.

«В этой затянувшейся борьбе, — писал в тот день Эдмон де Гонкур, не желавший победы Коммуны, — когда ничтожный случай может принести победу той или другой стороне, все сообщения, все разговоры, все публикации, все измышления вселяют в нас то страх, то надежду».

Это свидетельствует о том, что парижский народ располагал тогда прочными позициями.

11 апреля

В версальском «Journal Officiel» сообщалось 11 апреля:

«Батареи у ворот Майо все еще стреляют по нашим войскам. Мон-Валерьен и батареи Нёйи успешно отвечают им».

Депеши военного делегата давали следующую информацию о военном положении:

«8 часов вечера. Сильный артиллерийский огонь по всей линии южных фортов. Версальцы продвигаются вперед. Наши войска держатся хорошо. Оживленная оружейная перестрелка, особенно у фортов Ванв и Исси.

В полночь мой адъютант возвратился из фортов с докладами от трех их комендантов и от генерала Эда. Все идет хорошо. Неприятель отброшен по всей линии.

Атака, на которую намекают официальные депеши, произошла вчера вечером между фортами Исси и Ванв.

Версальцы приблизились к траншеям на расстояние 100 метров, но были с силой отброшены и понесли во время бегства значительные потери. С нашей стороны почти никаких потерь.

У форта Исси траншеи защищали гвардейцы запасных рот 63-го батальона. У форта Ванв отличились своей храбростью 208-й и особенно 179-й батальон».

На заседании, состоявшемся в этот день, Коммуна приняла декрет об учреждении военного суда в каждом легионе и дисциплинарного совета в каждом батальоне.

Таким образом, речь шла о том, чтобы сорвать происки версальцев, которые открыто похвалялись, что они засылают своих агентов в батальоны национальной гвардии с целью их разложения и дезорганизации.

12 апреля

Донесения о военном положении, присланные Домбровским, сводились к следующему:

«В наших руках уже три четверти Нёйи. Ведем планомерную осаду. Сады один за другим переходят в наши руки. Надеюсь, сегодня вечером быть на мосту Нёйи».

На заседании 12 апреля Коммуна заслушала обвинения Кюзере против Бержере, которого Кюзере упрекал в том, что он содействовал актам нарушения дисциплины и, будучи генералом, щеголял в недопустимо пышном мундире. Было принято решение оставить Бержере под арестом до завершения следствия, которое было возложено на комиссию в составе Ранвье, Прото и Ланжевена¹.

¹ Бержере был арестован между 5 и 7 апреля и освобожден 22 апреля. — *Прим. ред.*

Другой член Коммуны, Асси, который ранее также был арестован, был освобожден вскоре после этого¹. В тот же день был принят следующий декрет:

«Парижская Коммуна,

Принимая во внимание, что императорская колонна на Вандомской площади представляет собой памятник варварства, символ грубой силы и ложной славы, апологию милитаризма, отрицание международного права, постоянное оскорбление победителями побежденных, вечное посягательство на один из трех великих принципов Французской республики — братство,

Постановляет:

Статья единственная: Колонна на Вандомской площади будет разрушена».

Согласно другому постановлению Коммуны все судебные преследования за просроченные платежи прекращались впредь до опубликования в «Journal Officiel» декрета о сроках этих платежей.

Согласно постановлению делегатов финансов Журда и Варлена и военного делегата Кюзере офицерам национальной гвардии, несущим службу в действующей армии за линией городских укреплений, было установлено следующее жалованье:

«Главнокомандующему: 16 франков 65 сантимов в день, или 500 франков в месяц.

Генералу — помощнику командующего: 15 франков в день, или 450 франков в месяц.

Полковнику: 12 франков в день, или 360 франков в месяц.

Майору: 10 франков в день, или 300 франков в месяц.

Капитану, старшему врачу, старшему адъютанту: по 7 франков 50 сантимов, или 225 франков в месяц.

Лейтенанту, младшему врачу: 5 франков 50 сантимов в день, или 165 франков в месяц.

Младшему лейтенанту: 5 франков в день, или 150 франков в месяц».

¹ Асси был арестован 2 апреля и освобожден 12 апреля. — *Прим. ред.*

Жалование офицеров национальной гвардии, несущих службу внутри Парижа, устанавливалось по 5 франков в день для майоров и старших адъютантов и 2 франка 50 сантимов для капитанов и унтер-офицеров.

Исполнительная комиссия поручила Гюставу Курбе, председателю Федеральной комиссии художников, восстановить в кратчайший срок музеи Парижа.

Находясь в Лондоне, откуда он с пристальным вниманием следил за ходом событий в Париже, Карл Маркс писал в своем письме Кугельману, с гениальной прозорливостью вскрывая то новое, что несла с собой Парижская Коммуна по сравнению с предыдущими революциями:

«Если ты заглянешь в последнюю главу моего «18-го брюмера», ты увидишь, что следующей попыткой французской революции я объявляю: не передать из одних рук в другие бюрократически-военную машину, как бывало до сих пор, а *сломать* ее, и именно таково предварительное условие всякой действительной народной революции на континенте. Как раз в этом и состоит попытка наших героических парижских товарищей. Какая гибкость, какая историческая инициатива, какая способность самопожертвования у этих парижан! После шестимесячного голодания и разорения, вызванного гораздо более внутренней изменой, чем внешним врагом, они восстают под прусскими штыками, как будто войны между Францией и Германией и не было, как будто бы враг не стоял еще у ворот Парижа! История не знает еще примера подобного героизма! Если они окажутся побежденными, виной будет не что иное, как их «великодушие»...

Пусть сравнят с этими парижанами, готовыми штурмовать небо, холопов германско-прусской священной римской империи с ее допотопными маскарадами, отдающими запахом казармы, церкви, юнкерства, а больше всего филистерства»¹.

На заседании 12 апреля Федеральный совет парижских секций Интернационала исключил из своих рядов

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, М., 1952, т. II, стр. 443—444.

Толена, который, будучи избран в феврале 1871 года депутатом Национального собрания, изменил делу трудящихся.

Запись в «Дневнике» Гонкура за это число содержит следующее интересное замечание:

«Проснувшись сегодня утром, я увидел, что на форте Исси, который я считал занятым, по-прежнему развевается красное знамя. Значит, версальские войска были отброшены. Откуда это упорство?.. Дело в том, что народ сам ведет эту войну, сам руководит ею, свободный от власти милитаристов. Эта война — его кровное дело, вот почему ничто не способно обескуражить или утешить его. От него можно ожидать всего, даже героизма».

13 апреля

Согласно отчету военного делегата Ключере, военное положение было таково:

«Атаки, предпринятые неприятелем крупными силами вчера и позавчера, были отражены с такой легкостью и с такими малыми потерями, что внушают полную уверенность в будущее. Батарея митральез, установленная в Трокадеро, дала точное попадание в укрепления Мон-Валерьяна. Это все, в чем мы хотели убедиться в данный момент...

Ванв и Монруж находятся в хорошем положении. Неприятельская артиллерия занимает те же позиции, какие занимали в свое время пруссаки. Что касается вражеской пехоты, то она малочисленна и не отличается большой стойкостью».

Со своей стороны начальник главного штаба Россель дал следующие пояснения:

«Нёйи непрерывно атакуют, защищаем каждую пядь его.

В Аньере борьба не столь ожесточенная.

В районе южных фортов день прошел, по нашим сведениям, без особых происшествий.

Генерал Эд весьма озабочен предстоящей ночью: судя по приготовлениям неприятеля, нужно ожидать атаки.

На оба атакуемых участка были посланы на ночь подкрепления».

На заседании 13 апреля Коммуна приняла декрет об организации походных лазаретов. Она вновь подтвердила свое требование зачитывать на каждом заседании сообщения о ходе военных действий.

В тот же день по призыву Гюстава Курбе была создана Федерация художников Парижа. Среди избранных в состав ее первого комитета были Курбе, скульпторы Далу и Фламенг, а также Эжен Потье¹.

Некий Антонэн Дюбо (Dubost), который много лет спустя стал председателем сената, был арестован по приказу Рауля Риго.

14 апреля

В самом начале заседания 14 апреля была зачитана депеша военного делегата о том, что неприятель атаковал форт Ванв, но был отброшен.

Со своей стороны версальцы опубликовали в тот же день следующее сообщение о ходе военных действий:

«Артиллерийский обстрел Шатильона и южных фортов был довольно слабым. Все же вражеская вылазка была решительно отражена...

Наши позиции хорошо расположены, превосходно укрыты от огня и не страдают ни в каком отношении; и в то время как инсургенты понапрасну расходуют свои боеприпасы, наша многочисленная кавалерия, направившись к Жювизи и Шуази-ле-Руа, перерезала их коммуникации с Орлеаном, так что теперь у них нет больше никаких связей с провинцией.

В противоположном направлении, то есть у Нёйи, инсургенты стреляют из орудий с укреплений Майо; генерал Вольф, один из наших лучших офицеров, совершил вылазку против домов, расположенных справа и слева, и нанес неприятелю значительный урон.

¹ В общей сложности в состав Федеральной комиссии художников вошло 47 живописцев, скульпторов, граверов и т. д. — *Прим. ред.*

Принимаются меры, чтобы противопоставить батарее в Аньере нашу батарею, и это единственно для того, чтобы сдержать неприятеля, ибо мы по-прежнему намерены удерживать наши позиции вплоть до того дня, когда мы предпримем решительные действия, чтобы положить конец этой злополучной гражданской войне.

А пока ничего существенного, за исключением прибытия войск и материальной части».

Коммуна приняла декрет о порядке производства арестов. Согласно этому декрету, всякий арест, о котором в течении 24 часов не будет доложено депутату юстиции, будет рассматриваться как акт произвола, а виновные в этом привлекаться к ответственности.

Исполнительная комиссия назначила дополнительные выборы на 16 апреля. Поскольку численность населения изменилась, число вакансий, которые надлежало заполнить в некоторых округах, возросло, предстояло выбрать 30 членов Коммуны.

Коммуна извещала также о том, что, к своему огорчению, она обнаружила афишу, подписанную гражданином Лакором от имени Центрального комитета национальной гвардии и адресованную национальной гвардии VI округа, афишу, напечатанную на официальном бланке в нарушение декрета, запретившего пользоваться официальными бланками кому бы то ни было, кроме Коммуны.

Этот случай был одним из многих проявлений тех трений, которые возникли между Коммуной и Центральным комитетом.

В «Journal Officiel» за 14 апреля было опубликовано обращение гражданок к Исполнительной комиссии Парижской Коммуны, в котором были такие строки:

«Принимая во внимание,

что долг и право каждого человека — сражаться за великое дело народа, за революцию;

что опасность велика и враг у ворот Парижа;

что сила в единстве и потому в час страшной опасности все индивидуальные усилия должны слиться воедино, чтобы организовать коллективное сопротивление всего населения, перед которым ничто не в силах устоять...

что в торжестве нынешней борьбы, целью которой является уничтожение злоупотреблений и полное социальное обновление в недалеком будущем, гарантирующее царство труда и справедливости, гражданки заинтересованы в такой же мере, как и граждане;

что истребление защитников Парижа версальскими убийцами крайне ожесточает массу гражданок и призывает их к мести;

что многие из них решили, в случае если неприятель ворвется в Париж, сражаться и победить или пасть, защищая наши общие права;

что серьезная организация этих революционных элементов в силу, способную оказать действенную и могучую поддержку Парижской Коммуне, невозможна без помощи и содействия правительства Коммуны...»

И в заключение подписавшие это обращение просили Исполнительную комиссию:

«1. Приказать мэриям предоставить в распоряжение окружных комитетов и Центрального комитета, учрежденных гражданками для организации обороны Парижа, залы в мэриях округов.

2. Выделить с той же целью обширное помещение, где гражданки могли бы устраивать свои публичные собрания.

3. Печатать за счет Коммуны циркуляры, афиши и извещения, которые названные комитеты сочтут необходимым распространять».

Обращение подписали Аделаида Валантэн — работница, Ноэми Коллейль — работница; Марсан — работница, Софи Грэ — работница, Жозефина Пратт — работница, Селин Дельвенкье — работница, Эме Дельвенкье — работница и Елизавета Дмитриева¹.

В тот же день Коммуна создала следственную комиссию под председательством Буи, «чтобы установить степень ответственности, лежащей на каждом из тех,

¹ Русская революционерка, которая принимала активное участие в борьбе Парижской Коммуны.

кто принимал участие в деятельности правительства 4 сентября».

15 апреля

Военное положение все более и более осложнялось. Генерал Эд в отчете, посланном в 7 часов утра, писал:

«Ночь была ужасна. Бои не прекращались с десяти часов вечера. Наиболее сильную атаку выдержал форт Ванв. Роялисты понесли огромные потери.

Они отброшены по всей линии. Эта победа должна быть запечатлена на знамени Коммуны. Наши федераты — герои; они дрались как львы. Я прошу отметить их всех в приказе».

Начальник штаба полковник Ла Сесилиа в своем рапорте из Монружа сообщал:

«Бур-ла-Рен, Со и Круа-де-Берни — таковы пункты, где сконцентрированы в настоящий момент значительные силы версальской армии.

Вчера вечером, в девять часов, неприятель предпринял атаку по всей линии, но главные усилия были направлены на Ванв; ожесточенная перестрелка и канонада не прекращались с обеих сторон вплоть до половины третьего утра. К этому времени версальцы отступили, но в четыре часа они снова появились, причем впереди ехали санитарные повозки. Решив, что они возвратились просто для того, чтобы подобрать своих убитых и раненых, наши национальные гвардейцы дали им приблизиться на расстояние двести метров.

Внезапно неприятель открыл сильный ружейный огонь, поддержанный яростной канонадой всех батарей, установленных в Шатильоне и Брэмборионе.

Придя в себя, наши славные национальные гвардейцы ответили мощным огнем на огонь неприятеля; в это дело включились орудия фортов и митральезы. Эти объединенные усилия не замедлили привести к поражению версальцев, которые в пять часов утра бежали по всей линии, оставив на поле боя большое количество трупов».

Сообщение Ледрю, коменданта форта Ванв, подтверждало эти факты.

Версальцы вновь показали, на какое двуличие они способны, спекулируя на благородных чувствах противника.

На заседании в Ратуше было заслушано письмо Ранвье к членам Коммуны о его уходе из Военной комиссии. Объявив свое заседание секретным, Коммуна заслушала донесение генерала Эда об упомянутых выше событиях.

После обсуждения Коммуна приняла в этот день постановление об открытии ворот Парижа, а также декрет о наложении секвестра на все движимое и недвижимое имущество, на всякого рода ценные бумаги, принадлежащие членам версальского Собрания, либо сообщникам империи, либо приспешникам правительства 4 сентября и правительства, возглавляемого Тьером¹.

Версальский «Journal Officiel» сообщал, что никаких важных военных событий не произошло; о вероломстве, в котором были повинны версальские войска, в газете, разумеется, умалчивалось. Зато она писала:

«Вчера агенты Коммуны явились в особняк на площади Сен-Жорж, принадлежащий г-ну Тьеру. Они проникли в его апартаменты, поломали мебель и завладели всеми его бумагами и всеми ценными предметами, которые там имелись».

Этот Растиньяк², который, к несчастью для Франции, возглавлял версальскую правительственную клику, не упускал из виду свои личные интересы.

16 апреля

16 апреля в 1 час 30 минут утра военный делегат сообщал в своем отчете членам Коммуны:

«В центре, то есть в фортах Ванв, Монруж и Исси, ночь прошла спокойно. Так же обстояло дело и на левом фланге.

¹ Этот декрет предусматривал также штрафы и другие меры наказания для эмигрантов и дезертиров, он не был опубликован. — *Прим. ред.*

² Герой серии романов Бальзака «Человеческая комедия», тип беззастенчивого хищника и карьериста. — *Прим. ред.*

На правом фланге продолжалась ожесточенная борьба. В бой были введены наряду с жандармами и полицейскими папские зуавы¹.

Они были окружены в церкви Нёйи, где разыгралась ожесточенная рукопашная схватка.

Гражданин Лелье младший, 16 лет от роду, под градом снарядов и картечи водрузил знамя Коммуны на колокольне церкви».

В 3 часа утра Домбровский сообщал:

«Осада Нёйи продолжается. Мы захватили еще один квартал и три баррикады и на одной из них завладели знаменем папских зуавов и знаменем линейной пехоты.

Дух войск превосходен. Национальная гвардия делает успехи и проявляет большой энтузиазм».

На заседании Коммуны было выражено порицание виновникам нарушения неприкосновенности бельгийского консульства. После этого она приняла ряд решений о несовместимости функций начальника легиона с обязанностями члена Коммуны и о назначении Жана-Батиста Клемана и Асси уполномоченными по наблюдению за производством боеприпасов.

Коммуна приняла также декрет о мастерских, брошенных предпринимателями. Этот декрет был составлен в таких выражениях:

«Парижская Коммуна,

Принимая во внимание, что многие мастерские брошены их хозяевами, уклонившимися от исполнения своих гражданских обязанностей и не пожелавшими считаться с интересами трудящихся;

что вследствие этого подлого дезертирства остановилась работа многих важных для жизни города предприятий и положение трудящихся ухудшилось,

¹ Папские зуавы — военные отряды, обязанные своим названием тому, что в 60-х годах они входили в состав французского оккупационного корпуса в Риме, защищавшего светскую власть папы римского против итальянского национально-освободительного движения. — *Прим. ред.*

Постановляет:

Созвать рабочие синдикальные палаты для учреждения комиссии по обследованию, имеющей своей целью:

1. Провести статистический учет брошенных мастерских, а также составить точное описание состояния, в каком они находятся, и инвентарную опись имеющихся там орудий труда.

2. Представить доклад с изложением практических мер, какие надо принять для скорейшего ввода в эксплуатацию этих мастерских, но уже не силами дезертиров, которые их бросили, а силами кооперативной ассоциации трудящихся, которые были заняты в них.

3. Разработать проект устава этих рабочих кооперативных обществ.

4. Учредить третейский суд, который в случае возвращения упомянутых хозяев должен будет определить условия окончательной передачи этих мастерских рабочим обществам и размер возмещения, которое эти общества обязаны будут уплатить хозяевам.

Комиссия по обследованию должна будет представить свой отчет коммунальной Комиссии труда и обмена, которая обязана в кратчайший срок представить Коммуне проект декрета, отвечающего интересам Коммуны и трудящихся».

В тот же день был учрежден Военный трибунал, в состав которого вошли следующие лица:

Полковник Россель, начальник штаба военной делегации;

Полковник Анри, начальник штаба укрепленного района;

Полковник Разуа, начальник Военной школы;

Подполковник Колле, помощник начальника штаба генерала Эда;

Полковник Шардон, военный комендант префектуры полиции;

Лейтенант Бурсье, член Центрального комитета.

На одном из секретных заседаний Коммуны были установлены новые факты вмешательства Центрального комитета в дела Коммуны, его претензии на право ви-

зировать паспорта. В заключение обсуждения было решено, что военный делегат будет являться на каждое заседание.

Центральный комитет национальной гвардии был реорганизован и был разработан его внутренний регламент с целью укрепления дисциплины.

Центральный комитет состоял из одиннадцати комиссий: ассигнований и финансов; общего контроля и информации; медицинской; пехоты; артиллерии; инженерно-технической; кавалерии; комиссии дисциплинарных экзаменов и пособий; штабной; обмундирования и снаряжения; продовольствия¹.

В Париже состоялись выборы новых членов Коммуны для пополнения ее состава.

Версальский «Journal Officiel» так описывал ход военных действий:

«Этой ночью артиллерийский огонь на обоих флангах наших позиций, на юге — в Шатильоне и на севере — в Курбеуа, был довольно слабым. Наши войска привыкают спать под грохот этих пушек, которые стреляют лишь для того, чтобы разбудить их».

17 апреля

В своем докладе Коммуне военный делегат Кюзере отмечал, что ночь прошла спокойно, за исключением района Нёйи, где Домбровский продолжал шаг за шагом продвигаться вперед. Но неприятель продвинулся в направлении Аньера, над которым, по-видимому, нависла угроза.

Комендант форта Исси-ле-Мулино сообщал:

«После нескольких ночных атак версальцы полностью отказались от новой атаки форта из-за меткости стрельбы и хладнокровия наших артиллеристов».

В этот день Коммуна приняла декрет о сроках платежей, содержащий, между прочим, следующие положения:

¹ Впоследствии число комиссий Центрального комитета национальной гвардии было доведено до 14. — *Прим. ред.*

«Ст. 1. Погашение всякого рода долговых обязательств, подписанных по сегодняшний день и обусловленных сроком, как-то: платежных обязательств, приказов об уплате, мандатов, векселей, оплаченных счетов, добровольных соглашений и т. п., будет производиться в течение трех лет, начиная с 15 июля текущего года без начисления процентов по долгам.

Ст. 2. Общая сумма задолженности будет разделена на двенадцать равных частей, погашаемых поквартально, начиная с того же числа¹».

В новом письме Кугельману Карл Маркс писал:

«Творить мировую историю было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо благоприятных шансов»².

Маркс добавлял, что буржуазные версальские каналы

«поставили перед парижанами альтернативу: либо принять вызов к борьбе, либо сдаться без борьбы. Деморализация рабочего класса в последнем случае была бы гораздо бóльшим несчастьем, чем гибель какого угодно числа «вожаков». Борьба рабочего класса с классом капиталистов и государством, представляющим его интересы, вступила благодаря Парижской Коммуне в новую фазу. Как бы ни кончилось дело непосредственно на этот раз, новый исходный пункт всемирно-исторической важности все-таки завоеван»³.

¹ Кроме этих двух основных статей, в тексте декрета имелись еще три другие статьи. Одна из них (5-я) гласила: «Всякий должник, который, воспользовавшись отсрочкой, предоставленной ему настоящим декретом, расхитит, отчудит или уничтожит за это время свой актив в нарушение прав своего кредитора, будет считаться, если он коммерсант, повинным в злостном банкротстве, если же он не коммерсант, то виновным в мошенничестве. Он может быть подвергнут судебному преследованию как таковой либо своим кредитором, либо органами прокуратуры» (см. «Протоколы заседаний Парижской Коммуны», М., 1959, т. I, стр. 203). — *Прим. ред.*

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, М., 1955, т. II, стр. 444.

³ Там же, стр. 445.

18 апреля

Начальник штаба полковник Ла Сесилиа сообщал в своем докладе:

«В течение последней ночи форты Монруж, Ванв, Исси и редут От-Брюйер обменялись несколькими пушечными выстрелами с батареями Шатильона, Ба-Мёдона и Брэмбориона без существенных последствий как с той, так и с другой стороны.

Отряд версальцев четыре раза пытался атаковать траншею перед фортом Исси, но был решительно отброшен.

Неудачу потерпела и другая атака, предпринятая против вокзала в Кламаре; с нашей стороны не было ни убитых, ни раненых».

В тот же день, в 4 часа 30 минут дня Тьер сообщал из Версаля:

«Сегодня утром наши войска добились новых успехов. Имея своей целью защитить наши позиции в Курбевуа от обстрела со стороны ворот Майо и села Аньер, полк жандармов под командованием полковника Гремелена захватил село Буа-Коломб, затем двинулся дальше и отбросил инсургентов на довольно значительное расстояние; противник понес серьезные потери убитыми и ранеными».

На этом заседании некоторые члены Коммуны требовали точных сведений о военном положении. Другие возмущались отсутствием Ключере, который не появлялся, хотя вот уже два дня знал, что его вызывают для объяснений. Все это свидетельствовало о наличии раздоров между Коммуной и военным делегатом.

На том же заседании было внесено предложение назначить вновь избранного (16 апреля) члена Коммуны Виара делегатом Комиссии общественной безопасности. Тогда Рауль Риго заявил, что, если Коммуна назначит Виара, он подаст в отставку с поста делегата при префектуре полиции¹. Рассмотрение этого вопроса было

¹ Рауль Риго был полновластным хозяином в префектуре полиции. Ввиду того, что ряд членов Коммуны сигнализировал о злоупотреблениях властью, которые он допустил, был поднят вопрос о том, чтобы поставить рядом с ним другого делегата, но Риго не хотел этого допустить.

отложено до утверждения избрания Виара членом Коммуны.

Коммуна постановила запретить издание газет, сочувствующих версальцам: «*Bien public*», «*Soir*», «*Cloche*», «*L'Opinion nationale*». Вслед за тем была одобрена программа Коммуны, составленная Делеклюзом и доложенная Жюлем Валлесом¹.

В этой программе говорилось преимущественно о коммунальных свободах и об упрочении республики, социальные же проблемы, в которых был заинтересован французский народ, не получили четкого освещения. В этом документе не было почти ничего нового, и после того как Валлес зачитал его, один из членов Коммуны² воскликнул: «Это надгробное слово якобинству, произнесенное одним из его вождей»³.

В этом документе было два слова, которые явно не вязались между собой: «цезаристский коммунизм». В этих словах отразилась живучесть некоторых антипролетарских концепций. Они были осуждены и вычеркнуты по предложению Франкеля и Лефрансэ⁴.

19 апреля

Сообщение Домбровского гласило:

«После кровопролитного сражения мы вернули наши позиции. Наши части, продвинувшиеся вперед на левом фланге, захватили неприятельский продовольственный склад...

Сражение продолжается и носит ожесточенный характер. Вражеская артиллерия, расположенная на высотах Курбеуа, осыпает нас снарядами и картечью. Но, несмотря на ожесточенный огонь противника, наши части, расположенные на правом фланге, в данный момент продвигаются, чтобы окружить линейные войска, зашедшие слишком далеко вперед. Мне нужны пять батальонов свежих войск, по крайней мере 2 тысячи человек, потому что неприятель располагает значительными силами».

¹ Кроме Делеклюза, в состав комиссии по выработке программы Коммуны входили Ж. Валлес, Тейс, Курне, Бенуа Малон и Бийорэ. — *Прим. ред.*

² Растуль. — *Прим. ред.*

³ Делеклюзом. — *Прим. ред.*

⁴ Против этих слов возражал также Риго. — *Прим. ред.*

Домбровский сообщал также:

«Сегодня на заре мы были атакованы сильными колоннами линейных войск. Наши передовые посты, обманутые дружественными сигналами солдат, были застигнуты врасплох; но мне удалось быстро возобновить бой».

Ла Сесилиа прислал следующее сообщение:

«Ночь прошла спокойно. Наши форты обменивались с неприятелем редкими пушечными выстрелами. Наши аванпосты дали только несколько ружейных выстрелов.

Отряд разведчиков, вышедший вчера вечером из форта Ванв, наткнулся на версальский патруль, атаковал его и обратил в бегство; но два франтирера были убиты.

Другой отряд разведчиков, вышедший из Мулен-Саке, обнаружил присутствие нескольких вражеских разведчиков в Круа-Бланш, в Тиэ и Вильжюифе.

В окрестностях Э отряд 98-батальона обратил в бегство кавалерийский взвод, при этом было убито два человека и одна лошадь.

Командующий редута От-Брюйер уведомил меня о наличии большого числа жандармов, пехотинцев и стрелков вблизи этой позиции».

Военный делегат в депеше на имя Исполнительной комиссии писал: «Добрые вести из Аньера и Монружа. Неприятель отброшен».

Но версальское правительство сообщало иное:

«Сегодня утром занят Аньер. Наши войска под командованием генерала Монтодона атаковали эту позицию и, несмотря на огонь с городских укреплений, овладели ею».

Это сообщение противоречило донесению помощника начальника штаба, ссылавшегося на рапорт полковника Околовича, который указывал, что коммунары удержали Аньер и что понтонный мост цел ¹.

Ввиду серьезности положения Коммуна на этом заседании снова занялась обсуждением военных дел.

¹ 18 апреля версальцы захватили вокзал в Аньере. — *Прим. ред.*

Военный делегат, подвергшийся резким нападкам, попросил у Собрания принять его отставку.

Ввиду этого заявления об отставке и учитывая конфликт между Исполнительной комиссией и Комиссией общественной безопасности, главный руководитель которой, Рауль Риго, также подал в отставку, Коммуна постановила не принимать никаких заявлений об отставке до тех пор, пока специальная комиссия из трех членов не расследует конфликта между этими комиссиями и не представит доклада по этому вопросу.

Коммуна утвердила результаты выборов 16 апреля. Избраны были следующие лица:

от I округа — Везинье, Кюзере, Пийо, Андриё,

от II округа — Эжен Потье, Серрайе, Жак Дюран, Жоаннар,

от VI округа — Гюстав Курбе, Рожар,

от VII округа — Сикар,

от IX округа — Брион,

от XII округа — Филипп (Фенуйя), Лонкла,

от XVI округа — Шарль Лонге,

от XVII округа — Антим Дюпон,

от XVIII округа — Кюзере, Жорж Арнольд,

от XIX округа — Менотти Гарибальди¹,

от XX округа — Виар, Тренке.

По слухам, циркулировавшим в Париже, со времени выборов 26 марта 200 тысяч человек покинули столицу, чем и объяснялось в известной мере слабое участие избирателей в выборах 16 апреля.

20 апреля

В военном донесении за 20 апреля сообщалось:

«В Ванве, Исси и Кламаре не произошло ничего нового. Полное затишье. Полковник Околович ранен в голову, в обе руки и сильно контужен.

Построены солидные земляные укрепления. Сегодня утром снарядом, упавшим перед госпиталем в типографии Поля Дюпона, храброму капитану Кюло оторвало голову. Версальцы продолжают обстреливать этот госпиталь.

¹ Сын Джузеппе Гарибальди, избранный заочно (он находился в это время в Италии и не смог приехать в Париж). — *Прим. ред.*

В четыре часа дня полковник Околович, несмотря на полученные раны, произвел осмотр батарей и отдал ряд приказов. Версальцы окопались на левом берегу Сены. Канонада продолжается».

Со своей стороны Домбровский сообщал:

«Ночью неприятель не предпринимал против нас никаких действий. Только вражеские батареи в Курбевау и батареи Мон-Валерьяна обстреляли нас. Наши войска укрепляются на занятых ими позициях и отдыхают от тяжелых испытаний этого дня».

Заседание Коммуны 20 апреля было посвящено длительному обсуждению вопроса об организации Исполнительной комиссии. Военный делегат Кюзере, выступив в ходе прений, подчеркнул серьезность положения и заявил, что, по его мнению, Коммуна находится накануне генерального наступления противника. В заключение он предложил заменить каждую из комиссий, занимающихся различными правительственными делами, одним делегатом, с тем чтобы все эти делегаты собирались ежедневно на совместное заседание и, кроме того, ежедневно являлись на заседание Коммуны.

В общем речь шла о большей централизации власти; за это высказались многие члены Коммуны. В заключение Исполнительная комиссия была преобразована и ее функции были определены следующим образом:

1. Исполнительная власть временно вверяется объединению делегатов тех девяти комиссий, между которыми Коммуна распределила административные обязанности и функции.

2. Делегаты будут избраны Коммуной большинством голосов.

3. Делегаты будут собираться ежедневно и принимать большинством голосов решения, касающиеся каждого ведомства.

4. Они будут ежедневно отчитываться на секретных заседаниях Коммуны о принятых и приведенных в исполнение мерах. Решать же будет Коммуна.

В состав Исполнительной комиссии вошли следующие члены Коммуны, получившие большинство голосов: военный делегат — Кюзере, делегат финансов — Журд,

делегат продовольствия — Виар,
делегат внешних сношений — Паскаль Груссе,
делегат труда и обмена — Франкель,
делегат юстиции — Прото,
делегат общественных служб — Андриё,
делегат просвещения — Вайян,
делегат общественной безопасности — Р. Риго.

21 апреля

Согласно официальным сообщениям, 21 апреля военное положение было следующим:

«Сегодня утром наши позиции в Нёйи подверглись сильному обстрелу из орудий Мон-Валерьяна и батарей, расположенных на круглой площадке Курбевуа.

Наши войска в Аньере успешно отражали ожесточенные атаки колонн, впереди которых двигалась цепь стрелков.

Наши батареи, установленные на виадуке Аньера и в расположенных поблизости пунктах, ведут ответный огонь и заставляют неприятеля отступать в полном беспорядке.

В настоящий момент неприятель отступает по всей линии.

Монруж подвергся атаке. Неприятель отброшен к Банье. У нас семь человек ранено».

На этом заседании Коммуны были зачитаны письма двух вновь избранных членов — Бриона и Рожара, которые отказывались от своих мандатов. Было зачитано также письмо Феликса Пиа, возражавшего против утверждения некоторых вновь избранных членов Коммуны, не получивших достаточного количества голосов (в таком положении находились оба вышеупомянутых члена).

Коммуна вновь подтвердила свое решение не принимать заявлений об отставке от своих членов.

Было принято ответное благодарственное обращение к английским республиканцам, приславшим приветственный адрес Коммуне.

На этом же заседании был утвержден следующий состав комиссий Коммуны:

Военная комиссия — Делеклюз, Тридон, Авриаль, Ранвье, Арнольд;

Комиссия финансов — Белэ, Бийорэ, Виктор Клеман, Лефрансэ, Феликс Пиа;

Комиссия общественной безопасности — Курне, Верморель, Ферре, Тренке, А. Дюпон;

Комиссия продовольствия — Варлен, Паризель, Э. Клеман, Артюр Арну, Шампи.

Комиссия юстиции — Гамбон, Дерёр, Клеманс, Ланжевен, Дюран.

Комиссия труда и обмена — Тейс, Малон, Серрайе, Ш. Лонге, Шален;

Комиссия внешних сношений — Лео Мелье, Шарль Жерарден, Амуру, Жоаннар, Урбен;

Комиссия общественных служб — Остен, Везинье, Ра-
стуль, Ант. Арно, Потье.

Комиссия просвещения — Курбе, Вердюр, Жюль Мио, Валлес, Ж.-Б. Клеман.

Ряд масонских лож, в частности ложа Люра (департамент Верхняя Сона), направил Коммуне свои резолюции с выражением симпатий.

В этот день (21 апреля) Эдмон де Гонкур записал в своем дневнике следующее наблюдение, касающееся одного из важнейших законов капиталистического производства (о котором он, разумеется, не имел никакого понятия), а именно обнищания рабочего класса.

«Группа рабочих беседует у входа на Елисейские поля под артиллерийским обстрелом. Разговор идет о дороговизне жизни. Один из них рассказывает, что его отец работал на мельнице: «Он зарабатывал только 50 су в день и все же мог прокормить троих детей, а вот я, зарабатывая при империи по 5 франков, с большим трудом мог прокормить только двоих детей». Несоответствие роста заработков крайнему вздорожанию жизни — вот причина сильного недовольства рабочих современным обществом».

Таким образом, этот буржуа, ничего не знавший об учении Маркса, вынужден был все же признать, что при Второй империи, для которой было характерно сильное развитие капитализма, положение трудящихся не только не улучшилось, но еще более ухудшилось.

Официальные сообщения следующим образом освещали ход военных действий:

«Вчера вечером, около 5 часов, аванпосты форта Монруж, защищаемого 128-м батальоном, были атакованы частями версальской армии. Отряд 128-го батальона под командованием майора Моро, подержанный метким огнем артиллеристов XIV округа, заставил их повернуть назад.

Две батареи митральез, установленные стараниями полковника Околовича, заставили неприятельские батареи, стоявшие между башней и четырехугольным домом, прекратить ожесточенный огонь. Нижняя батарея замка Бэкон совершенно выведена из строя в результате обстрела с площади Берамже.

Форты Ванв и Исси, 22 апреля, 1 час 30 минут дня.

Многочисленные отряды версальских войск атаковали наши траншеи. Десять выстрелов из митральез обратили их в бегство. С нашей стороны не было ни убитых, ни раненых.

22 апреля, 2 часа 20 минут.

Новая атака версальцев, и снова безуспешно».

Приказ военного делегата гласил:

«По договоренности с Исполнительной комиссией и исключительно из соображений гуманности я согласен на прекращение огня в Нёйи с целью эвакуации в Париж женщин, детей, стариков — одним словом, мирных жителей, которые, будучи заперты в Нёйи, являются невинными жертвами борьбы.

Генерал Домбровский, по согласованию с гражданами Бонвале и Стюпюи из «Лиги республиканского союза прав Парижа»¹, примет необходимые военные меры, чтобы перемирие не нарушило существующего положения (*status quo*). Перемирие продлится один день.

¹ Организация, созданная группой политических деятелей буржуазно-радикального направления (Корбон, Лефевр, Ранк, Флоке, Бонвале, Моттю и др.) с целью достижения соглашения между Коммуной и Версалем и сведения Коммуны на положение обычного муниципального совета. — *Прим. ред.*

Как только я получу ответ из Версаля, я установлю день перемирия и его продолжительность».

Парижские масоны дали своим делегатам, отправлявшимся в Версаль, следующий наказ:

«1. Добиться перемирия для эвакуации населения деревень, подвергающихся артиллерийскому обстрелу.

2. Настойчиво требовать в Версале мира на основе программы Коммуны, единственной, которая может привести к окончательному умиротворению страны».

На заседании 22 апреля Коммуна поручила Сикару и Ланжевену потребовать у военного делегата объяснений относительно двух лиц, задержанных как будто без оснований¹. На том же заседании Коммуна избрала одного из своих членов² уполномоченным по изысканию научных методов ведения войны, приняла декрет о создании обвинительного жюри³, а также решение об освобождении Бержере.

Поскольку конфликт между Коммуной и военным делегатом все возрастал, Журд заявил: «Я предлагаю, чтобы Коммуна поручила Военной комиссии наблюдать за генералом Кюзере и отстранить его, если он заблуждается или предает нас».

В конце концов Коммуна приняла решение поручить Военной комиссии провести обследование действий военной администрации.

В тот же день в «Journal Officiel» Коммуны был опубликован список членов Федеральной комиссии художников, избранных на заседании в Лувре 17 апреля. Там значились, между прочим, имена живописцев Коро, Курбе, Домье, Эдуара Мане, Франсуа Милле, скульпторов Далу и Моро-Вотье и художника-декоратора Эжена Потье.

23 апреля

Согласно военным донесениям, положение на фронте было следующим:

¹ Речь шла о полковнике Фальто, коменданте форта Венсен, и о капитане Гаранти, командире 105-го батальона. Впоследствии они были освобождены. — *Прим. ред.*

² Паризеля. — *Прим. ред.*

³ Этот трибунал был создан для разбора дел о заложниках, арестованных на основании декрета от 5 апреля. — *Прим. ред.*

«Перемирие в Нёйи начнется завтра в полдень. Батальон линейных войск сложил оружие в Аньере с тем, чтобы перейти на нашу сторону, но, прежде чем нам удалось соединиться с ними, 600 жандармов преградили нам путь.

У южных фортов эскадрон конных стрелков приблизился к нашим позициям, чтобы сдаться. К сожалению, национальные гвардейцы, не поняв сначала их намерений, открыли огонь, после чего большинство усакало обратно. У тех, кто окончательно перешел на нашу сторону, одежда в ужасном состоянии.

Положение в Аньере прекрасное.

147-й батальон отразил сильную атаку версальцев в Нёйи. Неприятель понес большие потери.

Канонада продолжается».

На заседании Коммуны развернулась дискуссия по поводу обвинительных приговоров, вынесенных не отдельным лицам, а целым подразделениям¹. Ряд членов Коммуны восстал против подобного образа действий, в то время как военный делегат защищал его.

Из объяснений, данных на заседании, стало ясно, что военная организация неудовлетворительна. На вопрос Авриала, сколько бойцов имеется у Домбровского, Ключере ответил:

«Численности людей я не знаю, так как я посылаю гражданину Домбровскому по 3—4 батальона, насчитывающих 900, 1200 или 1500 человек, а прибывают на место только 200—300—400 человек».

Из этого видно, что если заявления Ключере никогда не отличались излишней скромностью, то его военным сведениям как раз не хватало точности.

С своей стороны Делекюз заявил, что он распорядился прекратить печатание афиши, которая посягала на права Коммуны, афиши, в которой Ключере призывал граждан отречься от власти и передать ее в его руки².

¹ Имеется в виду 105-й батальон национальной гвардии, многие офицеры и солдаты которого были осуждены 22 апреля Военным трибуналом. — *Прим. ред.*

² Имеется в виду обращение Ключере к национальной гвардии, в котором он доказывал необходимость сосредоточения всей артиллерии в руках военной делегации и отказа окружных комитетов от своей власти в пользу военного делегата. — *Прим. ред.*

Далее Делеклюз заявил, что, как сообщил ему Домбровский, его оставляют защищать фронт от Нёйи до Аньера с 1200 человек. «Если это верно, то это измена», — добавил Делеклюз.

Коммуна поручила Военной комиссии обследовать деятельность военной администрации. Такое решение уже было принято однажды, и тот факт, что оно было возобновлено, свидетельствует о том, что оно не было проведено в жизнь.

Коммуна постановила также расследовать деятельность Военного трибунала, командировать шесть членов Коммуны для посещения казарм, поручить трем другим членам обследовать тюрьмы. Было принято также решение, что каждый член Коммуны, имеющий при себе удостоверение личности, может в любое время посетить тюрьму, любое общественное, гражданское или военное учреждение.

Мы видим, таким образом, что Коммуна стремилась не допустить ущемления своей власти. Но главным в тот момент было неудовлетворительное состояние вооруженных сил Парижа.

Что касается юридической области, то, желая упразднить должность судебных чиновников (*officiers ministériels*) и сделать судопроизводство доступным для всех, Коммуна опубликовала следующий декрет:

«Ст. 1. Судебные исполнители, нотариусы, комиссары-оценщики и секретари различных трибуналов, которые будут назначаться в Париже начиная с сегодняшнего дня, будут получать определенное жалование. Они будут освобождены от внесения залога.

Ст. 2. Они будут ежемесячно вносить делегату финансов суммы, взысканные ими за совершение актов, находящихся в их компетенции»¹.

24 апреля

Согласно военным донесениям, военная обстановка была такова:

«Перемирие в Нёйи начнется завтра, в 9 часов утра.

В Исси, главный штаб, ночь прошла спокойно.

¹ Ст. 3 этого декрета, датированного 23 апреля, гласила, что его исполнение возлагается на делегата юстиции. — *Прим. ред.*

Наши гаубицы все время обстреливают вражеских стрелков. Версальцы предприняли атаку, но, когда они приблизились на 50 метров, выстрелы из митральез обратили их в бегство.

Атака версальцев в Нёйи отражена 2-м батальоном, неприятель понес потери.

Мы потеряли двух человек убитыми и семь ранеными.

Блиндированные вагоны обстреливают Аньер.

Сильная ружейная перестрелка. Версальцы дрогнули. С нашей стороны потерь нет. Монруж продолжает обстреливать Шатильон».

На заседании 24 апреля Коммуна приняла декрет о реквизиции всех свободных жилых помещений и о передаче их жителям кварталов, пострадавших от артиллерийского обстрела. Кроме того, Коммуна назначила Курне делегатом общественной безопасности взамен Рауля Риго, назначенного наряду с Ферре членом Комиссии общественной безопасности.

Было выделено также два делегата для расследования незаконных арестов, произведенных по приказу Росселя, и принят декрет о создании комиссии по пересмотру приговоров, вынесенных Военным трибуналом под председательством полковника Росселя.

25 апреля

В этот день в «Journal Officiel» Коммуны было опубликовано следующее сообщение:

«Достигнуто соглашение о прекращении военных действий на несколько часов, чтобы дать возможность несчастным жителям Нёйи укрыться в Париже от жестокой бомбардировки, которой они подвергаются уже двадцать два дня.

Огонь будет прекращен сегодня, во вторник, 25 апреля, в 9 часов утра.

Он будет возобновлен сегодня же, в 5 часов вечера.

Париж, 25 апреля 1871 года

Исполнительная комиссия:

*Жюль Андриё, Кюзере, Франкель,
Журд, Паскаль Груссе, Прото, Рауль
Риго, Вайян, Виар».*

Военные донесения сообщали:

«Крупное передвижение версальских войск в Исси. Мулен-де-Пьер обстреливает нас, не причиняя особых повреждений.

В Аньере ничего нового.

Эвакуация жителей Нёйи проходит без инцидентов. Большой наплыв любопытных.

Сильный артиллерийский огонь в районе Шатильона».

На заседании Коммуны 25 апреля снова были приведены примеры посягательства Центрального комитета на права Коммуны. Один из членов Коммуны, Шален, потребовал смещения Кюзере, а Бенуа Малон отметил случаи освобождения арестованных преступников и оставления под стражей людей невиновных.

26 апреля

Военные донесения гласили:

«Форт Исси, 25 апреля: ожесточенный обстрел в течение всего дня. Батарея в Мулен-де-Пьер обстреливала форт с полудня до трех часов дня. Интенсивный огонь. Форт ведет сильный ответный огонь.

Вокзал в Кламаре: незначительная ружейная перестрелка, потерь нет.

Монруж: батарея Ба-Фонтенэ обстреливает форт, который отвечает, поддерживаемый огнем из От-Брюйера и Бисетра. Повреждения незначительны.

Нёйи: огонь начался в 8 часов. 195-й батальон овладел баррикадой на улице Перонне.

Ворота Майо: наши артиллеристы вывели из строя пять версальских орудий в Курбеуа. С нашей стороны один раненый артиллерист.

Аньер: ожесточенный огонь. В полдень огонь прекратился, но возобновился снова в три часа. Версальцы отвечают слабо.

Клиши: 42-й бастион вывел из строя одну вражескую батарею.

Аньер, 26 апреля, 6 часов 30 минут вечера: ожесточенная атака, неприятель успешно отброшен, жертв очень мало.

Национальная гвардия держится стойко,

Сегодня утром в Бель-Эпине во время разведки, проводившейся 185-м батальоном перед баррикадой в Вильжюйфе, 40 гвардейцев этого батальона едва не были окружены двумя ротами версальской кавалерии. Большая часть федератов смогла отойти. Только четыре гвардейца, зашедшие слишком далеко, не смогли последовать за ними.

Увидев, что они попали в окружение, они по требованию офицера, командовавшего одной из рот, сложили оружие и были тотчас же расстреляны по его приказанию».

На заседании Коммуны 25 апреля была принята отставка Растуля с поста инспектора лазаретов; кроме того, Коммуна издала декрет, имевший своей целью положить конец действиям безответственных комитетов, затрудняющих исполнение приказов Коммуны (речь шла об окружных подкомитетах, которым покровительствовал Ключере).

Фердинанд Гамбон был выбран прокурором Коммуны 24 голосами против 11, но он заявил, что не может принять это назначение. Тогда на этот пост 20 голосами против 5 был избран Рауль Риго.

Коммуна приняла на парадном дворе Ратуши депутацию от франкмасонов, насчитывавшую более 2 тысяч человек. Жюль Валлес выразил этой депутации благодарность от имени Коммуны.

27 апреля

Положение на фронте было таково:

«Форт Исси: всю ночь батареи Мулен-де-Пьера и Саблиера обстреливали форт.

С 10 до 11 часов огонь стал слабее. Форт отвечает весьма энергично.

Вокзал в Кламаре: версальцы трижды предпринимали атаку, но были решительно отброшены. Дух войск превосходен. Три снаряда упали в Пти-Менаже; убита пенсионерка.

Аньер: ночь прошла спокойно. Наши батареи обстреливали Женвилье и Бэкон. Противник не отвечал. 7 часов: неприятель отвечает, но без всякого успеха. 8 часов: версальцы демаскируют батареи,

Митральезы выведены из строя в один момент. Батареи Клиши продолжают успешно подавлять огонь противника.

Половина первого ночи, Монруж, Бисетр: разведка в направлении Баньё. Версальцы выбиты со своих позиций. Утро: Монруж, Бисетр обстреливают Ба-Фонтенэ. Версальцы отвечают слабо. 2 часа: версальцы отвечают сильным огнем, но без успеха. Церковь в Монруже заперта на замок.

Нёйи: ночь прошла довольно спокойно. 80-й батальон отмечен в приказе за свое мужественное поведение перед лицом врага».

С своей стороны Домбровский писал:

«В четверг утром, в 7 часов, наши аванпосты были атакованы версальскими войсками. 80-й батальон, оказавший стойкое сопротивление, вынужден был оставить вновь сооруженную баррикаду; однако неприятель, обойденный с фланга 74-м батальоном, вынужден был отступить и покинуть захваченные ранее позиции.

В настоящий момент мы удерживаем все свои позиции.

Неприятель отступил по всей линии. Огонь прекратился».

Со своей стороны версальское правительство сообщало:

«В течение вчерашнего дня наша армия продолжала действовать. Наша артиллерия по-прежнему сохраняла явное огневое превосходство, особенно в районе форта Исси. Она не могла, да и не стремилась подавить огонь форта Ванв, который и не был объектом ее усилий. Она ограничивалась лишь тем, что сдерживала его, направив свой удар против форта Исси, который не мешает более нашим операциям, ибо его заставили замолчать...

Армия продолжала сооружать апроши на нашем левом фланге (вправо от форта Исси) и, не собираясь вести правильную осаду, продвинулась вперед настолько, чтобы лишить врага возможности контрудара.

Сегодня ночью генерал Фарон во главе сотни морских стрелков, трехсот человек из 110-го полка и

четыре рот 35-го линейного полка вплотную приблизился к сильно укрепленной позиции Мулино. Дома, баррикады были взяты штурмом, и Мулино, усеянный трупами наших врагов, отныне в наших руках.

Инженерные войска тотчас же приняли необходимые меры предосторожности и укрепили позиции наших войск. Нас отделяет от форта Исси не более 800—900 метров.

В то же время на всем протяжении наших линий, от Нёйи до Мёдона, ведутся приготовления, чтобы сделать наши операции столь же действенными, сколь и быстрыми».

На заседании 27 апреля Коммуна приняла декрет о разрушении церкви Бреа, расположенной на авеню д'Итали. Эта церковь была сооружена в память о генерале Бреа, одном из палачей июньского восстания 1848 года, который был убит восставшими парижскими рабочими. Это здание подлежало разрушению, ибо оно являлось «постоянным оскорблением памяти побежденных в июньские дни и людей, павших за дело народа»¹.

В тот же день Исполнительная комиссия Коммуны опубликовала постановление, исключительно важное с точки зрения защиты прав трудящихся. Это постановление гласило:

«Исполнительная комиссия,
принимая во внимание, что некоторые учреждения ввели в обычай систему штрафов и вычетов из жалованья и заработной платы,

что эти штрафы налагаются часто под самыми незначительными предлогами и наносят реальный ущерб служащему и рабочему,

что юридически эти произвольные и насильственные удержания ничем не могут быть оправданы,

что фактически эти штрафы представляют собой замаскированное снижение заработной платы и идут на пользу тем, кто их налагает,

что эти взыскания, столь же безнравственные по существу, как и по форме, налагаются без санкции

¹ Заключенные в кавычки слова взяты из мотивировочной части декрета. — *Прим. ред.*

какого-либо регулярно действующего судебного органа,

по предложению Комиссии труда, промышленности и обмена

Постановляет:

Ст. 1. Никакое частное или общественное учреждение не будет иметь права налагать штрафы или производить вычеты у служащих и рабочих, оклады которых, заранее установленные, должны выплачиваться в полном размере.

Ст. 2. Всякое нарушение этого распоряжения будет караться в судебном порядке.

Ст. 3. Все штрафы и вычеты, произведенные под видом наказаний с 18 марта, должны быть возмещены тем, кто имеет на то право, в течение 15 дней с момента издания настоящего декрета».

28 апреля

Военное положение, как это явствует из донесений с фронта, становилось все более напряженным:

«Форт Исси героически обороняется. Форт буквально засыпан снарядами.

Мёдон объят пламенем.

Сегодня ночью в Мулино мы отразили две атаки версальских войск. Первую атаку вокзала в Клармаре версальцы предприняли только в 11 часов вечера. К часу ночи бой был прекращен и возобновился лишь в четыре часа утра.

В Аньере ночь прошла довольно спокойно. Сегодня утром канонада была довольно сильной, но к полудню она утихла. В два часа огонь возобновился по всей линии.

Наши батареи в парке Беранже вывели из строя версальские батареи.

В Нёйи около четырех часов дня версальцы дрогнули и отступили. Артиллерийский обстрел не прекращается».

Из Версаля сообщали:

«Наши войска продолжают сооружать апроши в направлении форта Исси. Батареи нашего левого фланга обрушили свой мощный удар по парку Исси,

который стал отныне непригоден для жилья тем, кто занимал его. Форт Исси почти не стреляет¹.

На правом фланге наша кавалерия, объезжая окрестности, натолкнулась на банду инсургентов. Разведчики 70-го батальона под командованием капитана Сантолини обратили в бегство эту банду численностью до одной роты и взяли в плен капитана, лейтенанта, писаря и десять бойцов.

Около 30—40 человек было ранено или убито. Остальных инсургентов преследовали вплоть до От-Брюйера. Несмотря на сильную перестрелку, с нашей стороны не было никаких потерь».

На заседании Коммуны развернулась дискуссия по поводу «*Journal Officiel*» в связи с опубликованием документов, которые могли вызвать конфликт между Коммуной и прусскими войсками, стоявшими под стенами Парижа, в то время как в этом вопросе необходима была крайняя осторожность².

В связи с этим обсуждением зашла речь и о цене и направлении «*Journal Officiel*». Член Коммуны Андриё предложил дать этому органу название «*Journal de la Commune*». Это была попытка пересмотреть решение, принятое 30 марта.

В конце концов предложение Андриё было отвергнуто.

Было принято также решение о превращении «*Journal Officiel*», который являлся до сих пор частной собственностью, в собственность Коммуны.

При обсуждении военного положения было отмечено, что в рядах национальной гвардии царит дезорганизация, что между легионами существует соперничество, что вновь избранные офицеры заменяются другими и отзы-

¹ Это неверно: защитники форта Исси отстреливались до самого его падения. — *Прим. ред.*

² Имеется в виду следующая заметка, напечатанная 28 апреля в «*Journal Officiel*»: «Один человек, достойный доверия, находился 25-го текущего месяца в Ножане-на-Марне. Он видел своими глазами, как пруссаки передали крупновскую пушку и четыре минометы версальским войскам, которые направили их из Ножана в Шуази-ле-Руа. Человек этот не может наверняка указать тот пункт, куда были направлены орудия, переданные таким образом неприятелем версальцам; но однозвучный факт использования неприятельского оружия против Франции не теряет от этого своей достоверности». — *Прим. ред.*

ваются, а уходя, уносят с собой полученное ими обмундирование.

Авриаль указал, что только три или четыре начальника легионов являются с ежедневным рапортом к Ключеру. Он отметил также беспорядок, царящий в артиллерийском парке. Член Коммуны Бланше поддержал Авриаль. «Коммуна, — заявил он, — утратила популярность среди населения». Он подчеркнул, что в батальонах имеются элементы, которые насмеваются над Коммуной. Некоторые из этих людей уже скрылись с оружием и амуницией. Свое выступление Бланше закончил словами: «Кто не двигается вперед, тот идет назад».

Обсуждение предложения Мио о создании Комитета общественного спасения, которому были бы предоставлены широкие права в отношении всех комиссий, было отложено на следующий день (18 голосами против 17).

В этот же день Бержере был назначен в помощь Делеклюзу для работы в Военной комиссии. Пять членов Коммуны были выделены для приема франкмасонов в Ратуше.

В тот же день Исполнительная комиссия опубликовала следующий декрет:

«Исполнительная комиссия,
Во исполнение декрета относительно ночного труда в пекарнях,
Выслушав мнение пекарей — хозяев и рабочих,
Постановляет:

Ст. 1. Ночной труд в пекарнях воспрещается со среды 3 мая.

Ст. 2. Работа должна начинаться не ранее пяти часов утра.

Ст. 3. Исполнение настоящего постановления возлагается на делегата общественных служб.

Париж, 28 апреля 1871 года.

Военный делегат издал следующее распоряжение об организации обороны Парижа:

«Силы, предназначенные для защиты Парижской Коммуны, распределяются следующим образом:

Внешняя оборона будет возложена на боевые батальоны. Внутреннюю службу будут нести запасные части национальной гвардии.

Войска, которым будет поручена внешняя оборона, будут разделены на два крупных укрепленных района.

Первым, который простирается от Сент-Уана до Пуэн-дю-Жур, будет командовать генерал Домбровский.

Вторым, простирающимся от Пуэн-дю-Жур до Берси, будет командовать генерал Врублевский.

Каждый из этих двух районов будет разделен на три подрайона.

Первый подрайон первого укрепленного района включает Сент-Уан и Клиши вплоть до Аньерской дороги.

Второй подрайон включает Леваллуа-Перре и Нёйи вплоть до ворот Дофина.

Третий подрайон включает Ла-Мюэтт и простирается вплоть до Пуэн-дю-Жур.

Первый подрайон второго укрепленного района включает форты Исси и Ванв.

Второй подрайон включает форты Монруж и Бисетр.

Третий подрайон включает форт Иври и участок фронта между Вильжюифом и Сеной.

Главная квартира первого укрепленного района будет находиться в замке Ла-Мюэтт, главная квартира второго укрепленного района — в Жантйи.

Все служебные донесения будут направляться военному делегату через обоих главнокомандующих. Донесения, направленные непосредственно отдельными командирами, не будут приниматься во внимание.

Главнокомандующие должны немедленно организовать при своих главных квартирах постоянный военный суд и военно-полицейскую службу».

Наконец, в этот же день, ощущая опасность своей изоляции, Коммуна опубликовала обращение к сельскому населению. В этом обращении говорилось:

«Революция 18 марта, вначале не признанная, а ныне санкционированная месяцем существования и героических усилий, успех которых не заставит себя ждать, Революция 18 марта, говорю я, является, без

сомнения, величайшим актом народной справедливости, который когда-либо совершался.

Против установленного правительства, располагающего всеми средствами власти, столь же недоверчивой, сколь и жестокой, народ, только народ сумел создать грозную организацию, которая сломит все преграды...

Чего хочет Париж?

Париж хочет всех свобод, вытекающих из полного суверенитета, при коммунальном строе; теперь он завоевал их и сумеет сохранить их вопреки всему. Мог ли он допустить, чтобы завоеванная им республика оставалась и далее объектом покушений для роялистских заговорщиков? Это было бы самоубийством. Он не мог этого допустить...

Парижская Коммуна была вынуждена выйти за пределы своих обычных полномочий.

Поскольку с ней обошлись как с врагом, ей пришлось взять на себя правительственные функции, обеспечить по возможности работу общегосударственных учреждений, действовать как воюющая сторона, ибо к этому ее принудила объявленная ей война...

Победоносное вступление версальцев в стены нашего города было бы смертным приговором для Парижа; эшафоты, расстрелы, ссылки превратили бы его в пустыню.

Каков же будет результат народной победы?

Свобода повсюду — в коммуне и в государстве; неприкосновенность жилищ; расцвет труда, освобожденного от всех пут, и свободное развитие всех его потенциальных сил; восстановление деловой активности в области торговли и промышленности, нарушенной преступными действиями Версаля; просвещение, излучающее свет знания и устанавливающее интеллектуальное равенство, единственный источник и единственную гарантию подлинного равенства; наконец, единение сердец и воли»¹.

¹ Это обращение, датированное 28 апреля 1871 года, первоначально было опубликовано в газете «Réveil du peuple» от 18 апреля 1871 года в виде статьи, автором которой был Делеклюз; некоторые выдержки из нее были напечатаны в «Journal Officiel» Коммуны от 19 апреля 1871 года. — *Прим. ред.*

29 апреля.

Как явствовало из военных донесений, версальцы усилили свои наступательные действия.

Донесения гласили:

«Южные форты подвергаются ожесточенным атакам, митральезы ведут огонь с обеих сторон. На участке от Аньера до Пасси военные действия еще не возобновились.

Версальские батареи, установленные в Мёдоне и Диогеновском фонаре, вот уже два дня обстреливают форты Ванв и Исси.

Передвижные батареи, установленные в Ба-Мёдоне, избрали своей главной мишенью виадук в Пуэн-дю-Жур, под которым стоят на шпринге наши канонерки.

Вчера в десять часов утра бывшая плавучая батарея № 5, «Коммуна», открыла огонь по батареям Мёдона.

Около трех часов версальцы возобновили еще более сильный огонь, нанося непрерывные удары по виадуку в Пуэн-дю-Жур.

В 4 часа 30 минут версальцы демаскировали новую батарею, установленную в роще в Ба-Мёдоне, но плотный и сосредоточенный огонь наших канонеров заставил эту батарею замолчать.

В настоящий момент виадук в Пуэн-дю-Жур весь изрешечен спереди и сзади версальскими снарядами, предназначенными для наших канонеров, которые отвечают сильным огнем».

Коммуна приняла в Ратуше франкмасонов. Делегат франкмасонов, отвечая на речь представителя Коммуны Лео Мелье, заявил, что он и его друзья намерены отправиться на укрепления, чтобы призвать версальских солдат к братанию. Затем он сказал:

«Если мы потерпим неудачу в нашей мирной попытке и если Версаль отдаст приказ не стрелять в нас, но убивать наших братьев, находящихся на укреплениях, тогда мы сольемся с ними... и все вместе присоединимся к боевым ротам, чтобы принять участие в боях».

В этот же день Эли Реклю¹ был назначен директором Национальной библиотеки.

30 апреля

Военные донесения гласили:

«Аньер, 29 апреля вечером: версальские войска вели слабый и нерегулярный огонь. 30 апреля. Перемирие. Версальцы устанавливают батареи, но они не отличаются большой мощностью. Полковник Дюрасье назначен вместо полковника Околовича.

Исси, 29 апреля вечером: наши баррикады подвергаются яростной атаке версальских войск. Федераты успешно отражают их атаки. Митральезы действуют с обеих сторон.

Монруж, Бисетр: всю ночь не прекращался артиллерийский огонь в направлении Ба-Фонтенэ. Утро прошло спокойно. В десять часов версальские войска отвечали залпами из шести орудий. В полдень огонь прекратился. В пять часов имела место легкая перестрелка в районе Баньё.

Ванв, Исси: сильные оборонительные бои в направлении Шатильона. Исси подвергается атакам из Мёдона и Мулино. Бой, начавшийся в час дня, закончился только в полшестого вечера.

Париж, 30 апреля: вчера в течение всего дня батарея Оранжереи вела непрерывный частый огонь по нашим канонеркам, которые отвечали весьма энергично и с большим успехом.

В восемь часов сорок пять минут вечера батареи Диогеновского фонаря, Мёдона и Ба-Мёдона подвергли жестокому обстрелу форт Исси.

Наши канонерки и бастион № 68 довольно успешно поддерживали форт и причинили серьезные повреждения вражеским батареям.

С семи и до одиннадцати вечера на левом фланге слышалась сильная стрельба из ружей и митральез, которая продолжалась затем с перерывами до трех часов утра».

¹ Эли Реклю — брат знаменитого географа Элизе Реклю, также сражавшегося на стороне Коммуны.

Коммуна приняла следующее решение:

«Гражданин Ключере освобождается от обязанностей военного делегата. Приказ о его аресте, отданный Исполнительной комиссией, одобрен Коммуной».

Это решение было принято потому, что беспечность и небрежность Ключере едва не привели к потере форта Исси.

Кроме того, в решении было сказано:

«Приняты меры для временного замещения гражданина Ключере. Коммуна приняла все необходимые меры безопасности».

Одновременно было принято следующее решение:

«Гражданину Росселю поручается временно исполнять обязанности военного делегата.

Париж, 30 апреля 1871 года.

Исполнительная комиссия».

Россель направил Исполнительной комиссии следующее письмо:

«Граждане!

Имею честь подтвердить получение приказа, которым вы временно возлагаете на меня обязанности военного делегата.

Я принимаю эти трудные обязанности, но мне нужно ваше самое полное, самое абсолютное содействие, чтобы не пасть под тяжестью обстоятельств.

Привет и братство.

Париж, 30 апреля 1871 года.

Полковник инженерных войск

Россель».

В тот же день он отдал следующее распоряжение:

«Генерал Врублевский будет командовать всеми позициями, расположенными на левом берегу Сены, войсками и фортами, находящимися между Исси и Иври.

Коменданты фортов, командиры частей и другие офицеры и служащие Коммуны должны учесть это назначение и подчиняться приказам генерала.

Париж, 30 апреля 1871 года.

Военный делегат *Россель».*

Смещение Ключере свидетельствовало о том, что обстановка осложнилась. На втором заседании Коммуны 30 апреля стал очевидным кризис власти. Снова встал вопрос о создании Комитета общественного спасения.

Вайян предложил не создавать пародий на революцию. Важно, добавил он, преобразовать самую Коммуну, сделать ее тем, чем была первая Парижская Коммуна¹.

Но в 1793 году первая Парижская Коммуна была как бы рычагом мощной революции, которая потрясла всю страну, тогда как Коммуна 1871 года была трагически изолирована в Париже.

Было внесено несколько предложений — одно, чтобы дать этому комитету название Руководящего комитета, другое, чтобы назвать его Исполнительным комитетом, но оба эти предложения были отклонены.

В конце концов было принято решение организовать Комитет общественного спасения. Декрет о создании этого комитета был сформулирован следующим образом:

«Коммуна постановляет:

Ст. 1. Немедленно будет организован Комитет общественного спасения.

Ст. 2. Он будет состоять из пяти членов, избранных Коммуной поименным голосованием.

Ст. 3. Этому Комитету, который будет ответственным только перед Коммуной, предоставляются самые широкие полномочия в отношении всех делегаций и комиссий».

Членами Комитета общественного спасения были избраны граждане Антуан Арно, Лео Мелье, Ранвье, Феликс Пиа и Шарль Жерарден.

Одновременно было принято следующее постановление:

«Коммуна постановляет:

Члены Коммуны не могут быть преданы суду какой-либо другой инстанции, кроме своей собственной (суду Коммуны)».

На основе доклада Комиссии труда и обмена Коммуна постановила ликвидировать ломбарды, которые,

¹ «То есть, — читаем мы далее в протоколе, — собранием совместно работающих комиссий, а не парламентом, где каждый стремится высказаться». — *Прим. ред.*

как говорилось в декрете, являются не чем иным, как «очагом ростовщичества». Декрет добавлял:

«Само собой разумеется, что за ликвидацией ломбарда должна последовать социальная организация, которая даст трудящемуся реальные гарантии помощи и поддержки в случае безработицы и болезни»¹.

В тот же день во дворе Лувра состоялось собрание, созванное «Республиканским союзом департаментов», который поставил своей целью «добиться присоединения провинции к Парижской Коммуне».

Резолюция, принятая общим собранием граждан, родившихся в провинции, но проживающих в Париже и собравшихся в числе 100 тысяч во дворе Лувра, заключала

«добрых граждан каждого департамента оказать Парижу моральную поддержку и по мере возможности действенную помощь, чтобы поддержать столицу в ее борьбе за наши национальные и муниципальные права».

*

Этот обзор событий последних чисел марта и всего апреля, дающий нам представление о деятельности Парижской Коммуны, показывает то новое, небывалое, что нашло выражение в этом правительстве, установившем свою власть в столице.

Вот что писал Фридрих Энгельс в 1891 году в своем введении к работе Карла Маркса «Гражданская война во Франции» о сущности власти, вышедшей из революции 18 марта:

«В последнее время социал-демократический филистер опять начинает испытывать спасительный страх при словах: *диктатура пролетариата*. Хотите ли знать, милостивые государи, как эта диктатура выглядит? Посмотрите на Парижскую Коммуну. Это была диктатура пролетариата»¹.

¹ Это был проект декрета, составленный и подписанный членами Комиссии труда и обмена и ее делегатом Лео Франкелем. — Прим. ред.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 94.

Парижская Коммуна была правительством диктатуры пролетариата, но из-за состава этого правительства, в котором социалистические элементы, члены Интернационала, были в меньшинстве¹, эта диктатура неизбежно отличалась неполнотой и не являлась диктатурой пролетариата в том смысле, как мы понимаем ее теперь.

Коммуна состояла в своем большинстве из представителей мелкобуржуазной демократии. Члены Интернационала, которых было меньшинство в Коммуне, не могли не заметить различия между некоторыми решениями Коммуны и их собственными взглядами.

Сами условия, в которых возникла Коммуна, делали такое положение неизбежным. И действительно, несмотря на довольно значительное развитие экономики Франции, ремесленные формы производства все еще играли большую роль в экономике страны.

Пролетариат был еще довольно слабо подготовлен в идеологическом и политическом отношении. Он не имел еще ни единой политической организации, ни массовых синдикальных организаций. Научный социализм Маркса и Энгельса был еще очень мало известен во Франции в рабочей среде, где аполитичность и мютюэлизм прудонистов затрудняли развитие классовой сознательности трудящихся.

Кроме того, надо учесть всю противоречивость и сложность событий, приведших к возникновению Коммуны. Она возникла в результате соединения различных оппозиционных течений, в которых нашли свое выражение и стремление рабочих к изменению существующего социального строя, и негодование мелкобуржуазных элементов, обреченных на разорение, и опасение, что реакция задушит республику, и возмущение широких слоев населения, считавших, что поражение Франции было вызвано изменой правящих кругов буржуазии.

Но, как показывает вся деятельность Парижской Коммуны, она должна была в силу вещей принимать все более отчетливый социалистический характер; правда, это оттолкнуло от нее некоторые элементы, которые прикнули к ней вначале.

¹ Их было примерно 35—36 человек. — *Прим. ред.*

В. И. Ленин писал:

«Только рабочие остались до конца верны Коммуне. Буржуазные республиканцы и мелкие буржуа скоро отстали от нее: одних напугал революционно-социалистический, пролетарский характер движения; другие отстали от него, когда увидели, что оно обречено на неминуемое поражение. Только французские пролетарии без страха и усталости поддерживали *свое* правительство, только они сражались и умирали за него, то есть за дело освобождения рабочего класса, за лучшее будущее для всех трудящихся»¹.

Целый ряд мер, принятых Коммуной, показывает, что власть, созданная в результате революции 18 марта, осуществляла задачи буржуазно-демократической революции: об этом свидетельствовали особенно упразднение постоянной армии, отделение церкви от государства, национализация имущества церкви, отмена субсидий церковным школам.

Другие меры, такие, как отмена квартирной платы, отсрочка платежей по векселям, ликвидация ломбарда, упразднение частных контор по приисканию работы, упразднение бюрократии, запрещение ночного труда, избрание должностных лиц самим народом, свидетельствуют о социальных стремлениях Коммуны и о созидательных способностях рабочего класса, несмотря на внутренние разногласия, которые ослабляли его².

Ленин подчеркнул две ошибки парижского пролетариата, которые ослабили Парижскую Коммуну: он остановился на полпути в осуществлении необходимого дела — экспроприации экспроприаторов, был излишне великодушен к своим врагам и поэтому не уделил должного внимания организации вооруженной борьбы против версальцев³.

Одним из наиболее типичных примеров первой ошибки была позиция, занятая Коммуной по отношению к

¹ В. И. Ленин, Соч., изд. 5, т. 20, стр. 218—219.

² В этом неполном перечне социально-политических мероприятий Коммуны отсутствует упоминание об одном из важнейших декретов Коммуны, согласно которому брошенные хозяевами промышленные предприятия передавались в руки рабочих ассоциаций. Об этом декрете уже говорилось выше, см. стр. 161—162 настоящей книги — *Прим. ред.*

³ См. В. И. Ленин, Соч., изд. 5, т. 16, стр. 452—453.

Французскому банку, который был в то время частным банком с особым уставом и пользовался привилегией эмиссии банкнот. Им заправляли Ротшильды, Малле и прочие тузы финансовой знати.

Если бы Коммуна взяла в свои руки этот банк, она могла бы лишить Версаль кредитов, создать для Тьера серьезные затруднения и существенно увеличить средства Коммуны; но она ограничилась тем, что потребовала от банка платежей, чтобы справиться со своими нуждами. Понятно, что правление Французского банка не решилось отказать ей. Оно стремилось избежать худшего; и в то время, как оно выплачивало некоторые суммы Коммуне, оно посылало деньги также версальскому правительству¹.

Но, осуждая за это Коммуну, не следует забывать о той неясности, которая царила вначале в вопросе о ее целях и задачах. Именно прудонистским идеям «справедливого обмена», которые были распространены в то время среди большого числа социалистов, обязаны победители 18 марта тем, что не извлекли всего того, что они могли бы извлечь из захвата Французского банка, хотя это было в их власти.

Социалисты того времени, не будучи вооруженными марксистским учением; не понимали, какое большое значение имел бы захват банков, и прежде всего Французского банка, который был своего рода банком банков, для нанесения мощного удара по капиталистам и состоящему у них на службе версальскому правительству.

Находясь под влиянием прудонистской идеологии, коммунары не могли, разумеется, ясно осознать историческую роль рабочего класса в строительстве нового общества. Они не могли понять главной особенности капиталистического производства, а именно прибавочной стоимости, то есть присвоения капиталистом части продукта труда рабочего.

Прудонистское понимание производства и обмена было не чем иным, как мечтой о социализме ремесленников. В той мере, в какой эта идеология проникла в

¹ В общем, за весь период существования Коммуны Французский банк выдал ей 15 миллионов франков (в том числе 9400 тысяч с текущего счета города Парижа). За то же время версальское правительство получило от банка 257 630 тысяч франков. — *Прим. ред.*

рабочую среду, она не только не вооружила трудящихся, не только не подготовила их к борьбе, не только не помогла им ясно осознать свои цели, не только не способствовала развитию их классовой сознательности, но, наоборот, внесла в их умы путаницу, которая породила множество трудностей.

Вторая ошибка Коммуны, отмеченная Лениным, была допущена уже вечером 18 марта. Это та выжидательная позиция, которую заняла Коммуна и которая так сильно помогла версальцам. Если бы Коммуна немедленно атаковала версальцев, они оказались бы в очень тяжелом положении, ибо вначале вооруженные силы Парижа превосходили силы версальцев, бегство Тьера подняло дух парижских войск, а версальские войска были деморализованы и близки к полному развалу.

Таким образом, преследование войск Тьера, отступавших к Версалью, могло создать совершенно иную ситуацию, гораздо более благоприятную для трудящихся Парижа.

Как показали факты, к началу мая Коммуна оказалась перед лицом все возраставших трудностей. Этот месяц (май) закончился «Кровавой неделей», о которой нам и предстоит теперь рассказать.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Первые три недели мая

Разногласия среди членов Коммуны по вопросу о Комитете общественного спасения. — Новые конфликты между Центральным комитетом и Коммуной. — Реорганизация военного командования коммунаров. — Манифест Союза женщин. — Захват форта Исси версальцами. — Отставка Росселя. — Делеклюз на посту военного делегата. — Франкмасоны в Ратуше. — Меры против религиозного обучения. — Письмо Карла Маркса к Франкелю и Варлену. — Варлен, выдвинутый кандидатом в члены Комитета общественного спасения, забаллотирован. — «Меньшинство» заявляет, что не будет больше участвовать в заседаниях Коммуны. — Парижский Федеральный совет Интернационала призывает к сохранению единства Коммуны. — Ухудшение военной обстановки. — Вторжение версальцев в Париж 21 мая

Май, который должен был стать решающим месяцем, начался для Коммуны важными изменениями в ее политике — организацией Комитета общественного спасения и заменой военного делегата.

1 мая

Военное положение характеризовалось заметным усилением активности версальцев. Военные донесения гласили:

«Форт Исси: версальцы потребовали сдачи форта. Мы ответили версальским войскам, что скорее взорвем его, чем сдадим роялистам.

Аньер: с восьми часов вечера до одиннадцати часов утра версальцы атаковали наши войска. Неприятель был отброшен, понеся большие потери. 174-й батальон¹ потерял двух человек убитыми и трех ранеными.

¹ Национальной гвардии Коммуны. — *Прим. ред.*

Монруж, Бисетр: до десяти часов здесь царило спокойствие. В десять часов начался сильный ружейный огонь со стороны парка, продолжавшийся весь день, но без существенных результатов. Огонь прекратился в половине пятого дня.

Вчера день прошел довольно спокойно. Пушечной стрельбы почти не было слышно.

Около четырех часов батарея, установленная на правой стороне замка Мёдон, обстреляла форт Исси».

На заседании Коммуны 1 мая обсуждался вопрос об опубликовании в «Paris-Libre», газете Везинье (одного из депутатов, избранных 16 апреля), отчета о секретном заседании Коммуны. Это обстоятельство выявило серьезные недостатки в руководстве «Journal Officiel».

Шарль Лонге¹ заявил, что, не вмешайся он, в газете был бы опубликован ряд опасных для Коммуны сообщений.

Несмотря на то что 30 апреля было принято решение о создании Комитета общественного спасения и были назначены члены этого комитета, этот вопрос снова был поставлен на обсуждение. 34 человека из 62 высказались за Комитет общественного спасения, 28 человек — за Исполнительный комитет. Среди этих последних были члены Интернационала².

Было предложено провести новые выборы членов Комитета общественного спасения. Некоторые члены Коммуны заявили, что они не примут участия в этих выборах в знак протеста «против этого опасного или бесполезного, насильственного или мирного возврата к прошлому, которое должно служить нам уроком, но не примером для слепого подражания». Под этим заявлением подписались: Ш. Лонге, Лефрансэ, Артюр Арну, Андриё, Остен, Журд, Б. Малон, Серрайе, Ш. Белэ, Бабики, Клеманс, Курбе, Э. Жерарден, Ланжевен, Растуль, Жюль Валлес, Варлен.

¹ Он был в это время редактором «Journal Officiel». — *Прим. ред.*

² 20 членов Коммуны, входивших в состав Интернационала, высказались за Исполнительный комитет; 6 других интернационалистов, входивших в Коммуну, проголосовали за создание Комитета общественного спасения — *Прим. ред.*

Некоторые другие члены Коммуны заявили: «Ввиду того, что мы никого не можем избрать в состав учреждения, которое считаем столь же бесполезным, сколь и роковым, мы воздерживаемся». Это заявление подписали: Авриаль, В. Клеман, Верморель, А. Тейс, Тридон, Пенди, Э. Жерарден (подписавший и предыдущее заявление) ¹.

В результате голосования членами Комитета общественного спасения были избраны: Антуан Арно (33 голоса), Лео Мелье (27), Ранвье (27), Ф. Пиа (24) и Ш. Жерарден (21 голос). Но было ясно, что организация этого Комитета породила среди членов Коммуны атмосферу тревоги и недоверия.

2 мая

Военные донесения сообщали:

«Аньер: весь вечер продолжалась сильная канонада. Ночь прошла довольно спокойно. Утром — артиллерийский и ружейный огонь. В два часа дня два снаряда попало в вокзал. В половине четвертого батареи федератов выпустили несколько снарядов по версальцам.

Ванв, Исси: ночь прошла спокойно. В одиннадцать часов шла непрерывная бомбардировка Муленде-Пьера и Шатильона. Два часа — Исси защищает достаточное число федератов. Днем — слабый артиллерийский огонь.

Монруж, Бисетр: в девять часов вечера 1 мая Монруж подвергся нападению со стороны редута в Ба-Фонтенэ. Форт дал сильный отпор.

2 мая в три часа утра версальцы атаковали нас в Гранж-Ори из Баньё, но были отброшены. В час утра Монруж был дважды атакован частями из Ба-Фонтенэ. Бой продолжался в течение часа и завершился с успехом для нас. Шатильон обстреливает Ванв, Мёдон — Исси. Дух войск превосходен.

¹ Зачитано было также заявление Ланжевена. Он отказывался от участия в выборах членов Комитета общественного спасения, так как этот Комитет является «учреждением, имеющим диктаторский характер, несовместимый с демократическими по своей сути принципами Коммуны». — *Прим. ред.*

Вчера в шесть часов утра виадук в Пуэн-дю-Жур, а также все дома по соседству были изрешечены снарядами. Канонерки вели упорный ответный огонь. Через несколько мгновений батареи, установленные слева от О-Мёдона, вынуждены были прекратить огонь».

На заседании 2 мая Курбе подверг суровой критике военную организацию Коммуны. Он подчеркнул, что, по имеющимся у него сведениям, на укреплениях Парижа находится только 6 тысяч человек, что в распоряжении Домбровского не более 1200 человек, которым противостоят 40 тысяч версальцев.

Необходимость военной реорганизации становилась бесспорной. От имени Комитета общественного спасения выступил Феликс Пиа (Карл Маркс называл его злым гением Коммуны) и заявил, что Центральный комитет национальной гвардии разработал проект полной реорганизации военной системы и что этот проект будет представлен Коммуне на ночном заседании.

Это заявление вызвало возмущение среди ряда членов Коммуны, которые решили, что Центральный комитет хочет в какой-то мере подменить их.

На заседании 2 мая делегат финансов Журд представил свой отчет¹, который и был одобрен. Докладчика упрекали², будто он противился ассигнованию достаточных средств на вооружение, но он дал разъяснение по этому вопросу. Журд подал в отставку, но был немедленно вновь избран³.

На секретном заседании Гамбон спросил Росселя, почему был оставлен форт Исси⁴. На это последовал ответ, что форт был оставлен по причине всеобщей трудности, которая объясняется недостаточной организованностью национальной гвардии Парижа. Этот форт был снова занят самим Кюзере.

Перейдя затем к вопросам иного рода, Коммуна приняла следующий декрет:

¹ О доходах и расходах Коммуны за период с 20 марта по 30 апреля. — *Прим. ред.*

² Режер. — *Прим. ред.*

³ 38 голосами. Два других кандидата на этот пост — Лефранс и Режер — получили только по два голоса каждый. — *Прим. ред.*

⁴ 30 апреля. — *Прим. ред.*

«Парижская Коммуна,

Считая неразумным и безнравственным призывать в свидетели своих обязательств божество, существование которого, а следовательно, и влияние на дела человеческие определенно отрицается наукой,

Постановляет,

Статья единственная. Политическая присяга и профессиональная присяга отменяются»¹.

3 мая

Обстановка на фронте, согласно военным донесениям, была следующей:

«Аньер: вечером 2 мая ожесточенный артиллерийский огонь. Ожидали атаки, но она не состоялась. Деревенщина непрерывно обстреливает железную дорогу. В полдень было спокойно. Блиндированные вагоны обстреливают Аньер. Два часа дня — ожесточенный бой, неприятель отброшен. В половине третьего были замечены сигналы из церкви Нёйи. Произвели обыск. Версальцы обрушивают на нас снаряды с керосином; это обнаружили благодаря одному неразорвавшемуся снаряду.

Нёйи: четыре часа — артиллерийская дуэль; огромный успех федератов. Час дня — артиллерийский огонь со стороны версальцев продолжается. В два часа враждебные действия прекратились с обеих сторон.

Ванв: ночь прошла спокойно. Артиллерийский обстрел продолжался с трех до восьми часов. Деревенщина была решительно отброшена. Сильный пожар в Кламаре.

Исси: всю ночь продолжался сильный артиллерийский обстрел.

Атака версальцев со стороны Банье: неприятель отброшен.

Вчера до трех часов пополудни все было спокойно. В этот момент началась ожесточенная, страшная

¹ Этот декрет был опубликован 4 мая в «Journal Officiel» без мотивировочной части, но с указанием, что он принят по предложению делегата юстиции Прото. Текст с атеистической мотивировкой фигурирует только в протоколе заседания, — *Прим. ред.*

канонада; версальские батареи в Мёдоне, Брэмборионе, Оранжерее, на кладбище Кламара и жандармерии Кламара обрушили град снарядов на форт Исси, который яростно отстреливается. Наши канонерки совместно с бастионами № 67 и 68 вступили в борьбу, и благодаря канонирам Перье, Верону и Кулону, исключительная меткость стрельбы которых поистине замечательна, нижние батареи Бретёйя были почти уничтожены и вынуждены были прекратить огонь.

Около пяти часов было замечено продвижение войск со стороны Мулино. Канонерка «Свобода» обстреляла неприятеля картечью; войска отступили. Артиллерийский и оружейный огонь продолжался с перерывами всю ночь».

Коммуна постановила завести во всех мэриях книги почета, куда заносились бы имена граждан, отличившихся в борьбе за республику и коммунальные свободы.

Было также принято постановление о мерах наказания в случаях нарушения декрета, запрещающего ночной труд в пекарнях¹.

В этот день состоялось секретное заседание Коммуны, на котором зашла речь о попытке Центрального комитета национальной гвардии при поддержке начальников некоторых легионов взять в свои руки управление военными делами. Центральный комитет потребовал также смещения Росселя с поста военного делегата, так как последний возражал против передачи Центральному комитету руководства военными делами.

4 мая

Положение на фронте было таково:

«Ванв, Исси: захвачен пост версальцев, десять человек взято в плен. Потери версальцев — двести человек. Больше всего пострадали полки егерей. С двух до трех часов сильный артиллерийский и оружейный огонь; батареи федератов заставили неприятеля прекратить огонь.

¹ См. «Протоколы заседаний Парижской Коммуны», М., 1960, т. II, стр. 81. — *Прим. ред.*

Нёйи: ночью царило полное спокойствие. Утром, с пяти до семи часов, артиллерийская дуэль; наши батареи наносят огромный ущерб солдатам Тьера. Выведены из строя две вражеские батареи. Мы надёжно удерживаем свои позиции. Пять часов. Версальцы слабеют.

Аньер: вечером 3-го было спокойно. С одиннадцати до трех было тоже спокойно. В четыре часа утра на наши позиции обрушился град снарядов; жертв нет. Огонь версальцев скоро затих. В пять часов капитан Роше (артиллерия) нанес серьезный урон неприятелю. С девяти часов утра и до полудня царило спокойствие. В час дня блиндированные вагоны возобновили бой. Неприятель отступает. Три часа дня — огонь с перерывами. Четыре часа — артиллерийская дуэль; успех на стороне федеративов.

В ночь с 3 на 4 мая редут Мулен-Саке обороняли части 55-го и 120-го батальонов, когда вдруг вблизи редута появился отряд версальских войск под видом патруля. Верно назвав пароль, он был пропущен в форт, атаковал застигнутый врасплох гарнизон, вытеснил его из редута и увез шесть пушек с помощью заранее приготовленных упряжек. В результате предварительного следствия командиру 55-го батальона Галльену было предъявлено обвинение в том, что он либо выдал, либо продал врагу пароль или по меньшей мере выболтал его в одном из кафе Витри. Редут был почти тотчас же вновь захвачен майором Кинью во главе 133-го батальона, который занялся сегодня перевооружением редута.

В ночь с 3 на 4 мая вокзал в Кламаре был снова захвачен войсками Коммуны. 4-го с трех часов пополудни замок в Исси был подожжен и покинут противником. Работы по восстановлению укреплений форта Исси идут полным ходом».

На заседании 4 мая Феликс Пиа информировал Коммуну о том, что три члена Республиканской лиги, в том числе Бонвале и Луазо-Пенсон, обратились к Коммуне с предложением «согласиться на двадцатидневное перемирие, условия которого были бы выработаны посредниками, предложенными и одобренными обеими сторонами».

Аналогичное предложение было сделано лигой версальцам.

Комитету общественного спасения было выражено порицание за то, что он принял подобное предложение. В то же время было обращено внимание на статью, опубликованную за два дня до этого Феликсом Пиа в газете «Vengeur». В этой статье, озаглавленной «Господину Тьеру», были следующие строки (причем фраза, набранная курсивом, вызвала беспокойство у членов Коммуны, тем более что пресса расценивала эту фразу как призыв к примирению):

«Послушайте, господин Тьер, ни вы, ни я не являемся уроженцами Парижа. Он оказал нам честь, избрав нас своими представителями¹. Ныне же вы подвергаете его бомбардировке, а я его защищаю. Я приближаюсь к старости, вы — к могиле. *Не настало ли для нас время отбросить всякие другие соображения, кроме чувства долга?* В настоящее время мы облечены в большей или меньшей степени исполнительной властью. Но я, еще будучи молодым человеком, служил Республике, а вы и в зрелом возрасте служили монархии»².

На секретном заседании обсуждался вопрос о положении форта Исси. Военный делегат Россель жаловался на вмешательство Комитета общественного спасения, который приказал Домбровскому и Врублевскому отправиться в форт Исси, что привело к захвату редута Мулен-Саке.

Обсуждение показало, что вмешательство Комитета общественного спасения в военные дела не только не способствовало улучшению положения, но, напротив,

¹ На выборах в Национальное собрание в феврале 1871 года.—
Прим. ред.

² В этой статье имелась еще такая явно капитулянтская фраза: «Никто более нас не исполнен доброй воли в самом мирном смысле этого слова. Париж хочет мира с Версалем, чтобы покончить с Пруссией». Это заявление Пиа, одобрительно встреченное буржуазной газетой «Siècle», вызвало резкие нападки на него со стороны ряда членов Коммуны. Осуждали поведение Пиа и некоторые органы революционной прессы. Но он все же не был привлечен к ответственности и остался членом Комитета общественного спасения.—
Прим. ред.

могло осложнить его и усилить чувство безответственности среди высшего командования.

5 мая

Военные донесения гласили:

«Ванв: ночь прошла спокойно. В полвторого утра версальцы открыли сильный огонь по нашим траншеям; противник отбит.

Исси: в четыре часа дня парк л'Эпин был подожжен федератами и позиция захвачена. Форты Ванв и Исси по-прежнему подвергаются обстрелу, но дела идут хорошо.

Нёйи: слабый артиллерийский обстрел. Полчетвертого: 194-й батальон выбил версальцев с баррикад бульвара Бино и, несмотря на их упорное сопротивление, заставил их отступить. Баррикада в наших руках. В четыре часа мы захватили другие баррикады, версальцы слабеют.

Аньер: 4-го вечером было спокойно. Мэзон-Бланш охвачен огнем; рядом с ним загорается другой дом в результате обстрела батареи, расположенной возле типографии Поля Дюпона. В час ночи федераты завладели баррикадой в Гранд-Жатт и продолжают удерживать эту позицию. Час пополудни: в лагере роялистов затишье. Полковник Домбровский¹ сменяет Дюрасье.

Монруж: утро прошло спокойно. В одиннадцать часов войска деревенщины атаковали форт из Ба-Фонтенэ. Форт отбил их атаку. Час дня: слабый обстрел наших траншей. Версальцы, укрывшиеся за деревьями и стенами домов, отброшены.

Бисетр: утром непрерывная слабая перестрелка. В час дня сильный бой; огонь версальцев был быстро подавлен. В пять часов замок Исси еще продолжал гореть».

Сообщение военного делегата гласило:

«Во исполнение постановления Комитета общественного спасения от 15 флореаля 79 года,

¹ Брат генерала Ярослава Домбровского.

Военный делегат устанавливает следующее распределение военного командования:

Генерал Домбровский будет лично находиться в Нейи и непосредственно руководить операциями на правом берегу.

Генерал Ла Сесилиа будет руководить операциями между Сеной и левым берегом Бьевра. Ему присваивается звание генерала, командующего центром.

Генерал Врублевский будет по-прежнему командовать левым флангом.

Генерал Бержере будет командовать 1-й резервной бригадой, генерал Эд — 2-й бригадой действующих резервных войск.

За каждым из вышеупомянутых генералов сохраняется в городе штаб-квартира, а именно:

1. За генералом Домбровским — на Вандомской площади;

2. За генералом Ла Сесилиа — в Военной школе;

3. За генералом Врублевским — в Елисейском дворце;

4. За генералом Бержере — в Законодательном корпусе;

5. За генералом Эдом — во дворце Почетного легиона.

В последующем приказе будут указаны войска, предоставляемые военным министерством в их распоряжение».

Что касается постановления Комитета общественного спасения, то оно было сформулировано так:

«Ст. 1. Военная делегация разделяется на две части:

военно-оперативную,
административную.

Ст. 2. Инициатива и руководство военными операциями предоставляется полковнику Росселю.

Ст. 3. На Центральный комитет национальной гвардии возлагается управление различными службами военной администрации под непосредственным контролем Военной комиссии Коммуны».

Итак, руководство военными делами было доверено двум органам, что не могло не породить конфликтов по

поводу компетенции каждого из них. К тому же возникал вопрос, как сможет Варлен, назначенный главным начальником управления военного снабжения и, в качестве такового, также членом Военной комиссии, исполнять в ней свои обязанности.

На секретном заседании Коммуны вновь разгорелась дискуссия по поводу приказов, отданных Комитетом общественного спасения Домбровскому и Врублевскому без ведома военного делегата. Были представлены доказательства того, что такие приказы действительно были отданы.

6. мая

Военная ситуация:

«Нёйи: ночь прошла довольно спокойно. Утром — весьма интенсивный артиллерийский огонь. После полудня никаких боев; только несколько пушечных и ружейных выстрелов. Мы на тех же позициях.

Аньер: ночь прошла спокойно. Утром от версальских снарядов обрушился дом; была засыпана одна гражданка, которую удалось откопать, она отделалась легкой контузией. С полудня до трех часов версальцы обстреливали Клиши, но не причинили нам никакого ущерба. В три часа батареи пояса укреплений и блиндированные вагоны обрушили свой огонь на Аньер и Женвилье. Версальцев заставили замолчать. Плац-майор Доби отмечен в приказе за свою активность и решительность.

Ванв: всю ночь продолжался артиллерийский обстрел, повреждений мало.

Исси подвергается непрерывному обстрелу из орудий Мулен-де-Пьера и Мёдона; ведет мощный ответный огонь.

Кламар: половина одиннадцатого утра, оживленная ружейная перестрелка, атака вокзала в Кламаре. Федераты одерживают победу и занимают вокзал.

Монруж: 5-го, с шести до восьми часов вечера сильный артиллерийский огонь из Ба-Фонтенэ; форт решительно отвечает и подавляет огонь неприятеля. Половина двенадцатого: наши батареи ведут обстрел Ба-Фонтенэ, который слабо отвечает. Три

часа. — слабый, безрезультатный обстрел Гранж-Ори из Банье.

Бисетр: с часу до трех форт вел непрерывный обстрел Банье, неприятель не отвечает».

На заседании Коммуны Авриаль, на которого было возложено управление материальной частью артиллерии, попросил назначить в помощь ему Жоаннара, чтобы покончить с расточительностью и навести порядок в этом управлении.

На секретном заседании обсуждался вопрос о форте Исси, который был почти полностью окружен. Комитет общественного спасения подвергся суровой критике, но никакого решения не было принято.

В этот день Коммуна приняла декрет о бесплатной выдаче из ломбарда мебели, одежды, белья, книг, постельных принадлежностей и инструментов труда, если сумма залога не превышала 20 франков.

Центральный комитет Союза женщин для защиты Парижа и ухода за ранеными опубликовал манифест, в котором, в частности, говорилось:

«Во имя социальной революции, которую мы приветствуем, во имя права на труд, равенства и справедливости Союз женщин для защиты Парижа и ухода за ранеными всеми силами протестует против недостойного воззвания к гражданкам, расклеенного позавчера и исходящего от неизвестной группы реакционеров.

В этом воззвании сказано, что женщины Парижа взывают к великодушию Версалия и просят мира любой ценой...

Примирение сейчас было бы предательством! Это значило бы отречься от всех чаяний рабочих, стремящихся к полному социальному возрождению, к уничтожению всех существующих в настоящее время правовых и социальных отношений, к упразднению всех привилегий, всех видов эксплуатации, к замене царства капитала царством труда — одним словом, к освобождению трудящихся самими трудящимися!..

Нынешняя борьба может закончиться только торжеством народного дела... Париж не отступит, ибо в его руках знамя будущего. Пробыл решитель-

ный час... Место трудящимся! Долой палачей народа!..

Нужно действовать, действовать энергично!..

Дерево свободы растет, орошаемое кровью врагов ее!..

Да здравствует Всемирная социальная республика!

Да здравствует труд!

Да здравствует Коммуна!

Исполнительная комиссия Центрального комитета:

Ле Мель, Жакье, Лефевр, Лелу, Дмитриева¹».

7 мая

Согласно донесениям, положение на фронте было следующее:

«Ванв и Исси: ночь прошла довольно спокойно. Днем по-прежнему спокойно, только время от времени обмениваемся с противником отдельными пушечными залпами без всякого результата; ружейной перестрелки не было.

Бисетр: ночью 6-го батареи Мулен-Саке вели с перерывами артиллерийский обстрел позиций версальцев. С пяти до восьми часов утра артиллерийский обстрел тех же позиций усилился. Днем было совершенно спокойно.

Монруж: ночью 6-го форт Монруж подвергся обстрелу из Ба-Фонтенэ и вел сильный ответный огонь. Версальцы вынуждены были замолчать. Три часа: федераты упорно обстреливают версальцев, защищающих баррикаду в Шатильоне.

Аньер: ночью 6-го батареи замка Бэкон сделали несколько залпов по блиндированным вагонам, не причинив им повреждений. Утром спокойно. Три часа: оживленная, но безрезультатная перестрелка на мосту в Аньере. Мы по-прежнему на тех же позициях.

Нёйи: ночь прошла очень спокойно. Утром мы обменялись с противником несколькими пушечными выстрелами. Вечером было спокойно на всей линии.

¹ Русская социалистка Елизавета Дмитриева (Е. Л. Тумановская). — *Прим. ред.*

Вчера весь день сильный артиллерийский огонь со стороны батарей Шале, О-Мёдона и Брэмбориона.

Пуэн-дю-Жур и особенно виадук являются, по видимому, главной мишенью неприятельских батарей.

Снаряды сыплются градом вокруг канонерок, которые ведут энергичный ответный огонь.

Плавучая батарея «Коммуна» была повреждена снарядом, который разорвался в воде вблизи ее борта. С нашей стороны не было никаких жертв».

Командование фортом Исси было доверено капитану Дюмону. В сообщении военного делегата говорилось:

«Ввиду болезни генерала Ла Сесилиа командование всеми позициями на правом берегу возлагается на генерала Врублевского.

Командиры фортов правого берега, офицеры, руководящие обороной городских укреплений, командиры действующих войск, сосредоточенных за пределами городских укреплений, будут выполнять все приказы генерала Врублевского, командующего левым флангом».

В воскресенье, 7 мая заседания Коммуны не было¹. В этот день в «Journal Officiel» было опубликовано обращение к трудящимся Парижа собрания рабочих, состоявшегося 15 апреля в Женеве по инициативе Международного Товарищества Рабочих. В этом обращении говорилось:

«В коммунальной революции 18 марта мы приветствуем политическое возвышение рабочего класса; мы рассматриваем ее как начало эры социальной реорганизации. Ваши имена, неведомые невеждам роялистской Вандеи, дороги нам своей признанной и испытанной преданностью нашему обще-

¹ В этот день в 4 часа дня в Ратуше собралось 26 членов Коммуны (16, принадлежавших к «большинству», и 10, принадлежавших к «меньшинству»). Они составили и подписали протокол, в котором говорилось, что так как «число присутствующих недостаточно для того, чтобы заседать», то решено отпустить секретарей и стенографов и перенести заседание с той же повесткой на понедельник, 8 мая, на 2 часа дня. — *Прим. ред.*

му делу. Принципы, которые вы провозгласили, заявив о создании Республики пролетариев, и которые провозглашаются также на массовых собраниях Международного Товарищества, — эти принципы служат для нас верным доказательством того, что Париж в настоящий момент закладывает фундамент нового социального здания — истинной цитадели свободы, равенства и братства для всех и навсегда, а не для ничтожного меньшинства привилегированных. Тем более омерзительны те, кто воображает, что смогут потопить в крови начатое вами дело...

Примите же, пионеры социальной и интернациональной революции, выражение наших братских чувств и искренние и твердые заверения трудящихся, что, несмотря на пространство, разделяющее нас, мы будем всегда рядом с вами и приложим все усилия, чтобы не допустить торжества реакции, пока хоть один из нас будет в живых.

Да здравствует Парижская Коммуна!

Да здравствует революция пролетариев!»¹

8 мая

Военные донесения гласили:

«Нёйи, Леваллуа-Перре: 8-го вечером сильный артиллерийский и ружейный огонь. Ночью 215-й батальон был атакован версальцами на баррикадах в Перроне и Бино, имевших амбразуры и траншеи. Противник был отброшен с большими потерями; 215-й батальон отмечен в приказе. Четыре часа утра: версальский разведывательный отряд (сорок человек), появившийся на площади Вилье, был обращен в бегство. С шести часов до полудня — спокойно. Половина второго: версальская артиллерия обстреляла Леваллуа: одна гражданка ранена, одному гражданину оторвало ногу. Неприятель все время обстреливает ворота Майо.

¹ Под этим документом стояла 31 подпись (в том числе подписи двух членов «русской секции» Интернационала — Н. И. Утина и А. Трусова). — *Прим. ред.*

Аньер: вечером 8-го ожесточенная артиллерийская и ружейная дуэль; результатов никаких. Ночь прошла спокойно. Утром неприятель начал ожесточенный орудийный обстрел. Федераты не потеряли самообладания и заставили неприятеля прекратить огонь. Снарядом, разорвавшимся на дороге в Аньер, одной гражданке раздробило ногу. Ночь прошла спокойно. В три часа мы обменялись с противником несколькими пушечными залпами. Версальцы произвели несколько выстрелов из митральез, но никто не пострадал. Мы остаемся на тех же позициях».

В этот день на заседании Коммуны обсуждался вопрос о предании гласности дискуссии по поводу Комитета общественного спасения, продовольственный вопрос и вопрос об организации административной работы. Был внесен проект коммунальной организации. Комитет общественного спасения вновь подвергся резкой критике за то, что он доверил Центральному комитету управление частью служб военного министерства. Вновь встал вопрос о конфликте из-за полномочий между Коммуной и Центральным комитетом национальной гвардии.

В заключение Коммуна приняла следующее решение:

«Парижская Коммуна,

Считая, что участие Центрального комитета национальной гвардии в управлении военным министерством, допущенное Комитетом общественного спасения, является необходимым и полезным для общего дела;

считая, кроме того, необходимым точно определить круг его полномочий и, следовательно, поручить Военной комиссии совместно с военным делегатом заняться определением этих полномочий,

Постановляет:

Статья единственная. Военная комиссия совместно с военным делегатом урегулирует вопрос о взаимоотношениях Центрального комитета национальной гвардии и военной администрации».

Было также принято постановление, устанавливавшее цену на хлеб.

Оно гласило:

«Ст. 1. Цена хлеба в Париже сохраняется в размере 50 сантимов за килограмм.

Ст. 2. Количество хлеба, которое должно содержаться в штучных изделиях, продающихся по установленным ценам за 10, 15 и 20 сантимов, должно быть следующее:

для 10 сантимов — 190 граммов;

для 15 сантимов — 290 граммов;

для 20 сантимов — 390 граммов».

В тот же день было послано следующее письмо Инициативному комитету конгресса Патриотической лиги республиканских городов, собравшегося в Бордо:

«Парижская Коммуна. Делегация внешних сношений.

Граждане,

Коалиция монархистов, главари которой находятся в Версале, оспаривает у муниципальных советов департаментов право договариваться между собой о совместных действиях путем посылки делегатов на большой национальный конгресс; она осмеливается угрожать вам в вашем патриотическом начинании применением закона, утратившего силу.

От имени Парижской Коммуны имею честь сообщить вам, что Люксембургский дворец к услугам участников конгресса, если им угодно будет перенести в Париж свои заседания.

Член Коммуны, делегат внешних сношений,

Паскаль Груссе».

9 мая

Положение на фронте, согласно донесениям, было следующее:

«Монруж, Бисетр: как мы, так и противник находимся на прежних позициях. Ба-Фонтенэ непрерывно атакует нас

Ванв, Исси: деревенщина не желает особенно продвигаться в этих местах.

Половина первого — трехцветное знамя развевается над фортом Исси, покинутым вчера вечером его гарнизоном. Час дня. Генералу Брюнелю, командующему частями в деревне Исси, поручено занять

позицию в лице и установить связь между ней и фортом Ванв.

Пти-Ванв (Малакоф): превосходная сторожевая позиция. Продолжаются отдельные бои.

Аньер: 9-го в пять часов вечера версальцы демаскировали свои блиндированные батареи слева от замка Бэкон. Через некоторое время их огонь был полностью подавлен».

Известие о падении форта Исси произвело крайне тяжелое впечатление на членов Коммуны, собравшихся в понедельник 9 мая на секретное заседание. Делеклюз, который из-за болезни не присутствовал на заседаниях предыдущей недели, взял слово и заявил:

«Вы занимаетесь спорами в то время, как трехцветное знамя развевается над фортом Исси. Граждане, надо действовать без промедления. Я видел сегодня утром Росселя; он подал в отставку и твердо намерен не брать ее назад. Все его действия срывает Центральный комитет; он выбился из сил! Он требует, чтобы его отвели в Мазас¹, который является, по его словам, наградой для тех, кто служит Коммуне. Национальная гвардия в результате паники оставила форт Исси. Сегодня утром версальцам удалось занять форт; там ничего не взорвали, не было мин. Измена обступает нас со всех сторон, и трехцветное знамя развевается над этими развалинами!»

Указав на то, что Центральный комитет хотел занять место Коммуны, Делеклюз обрушился на Комитет общественного спасения² в следующих выражениях:

«Комитет общественного спасения не оправдал надежд, которые на него возлагали. Он оказался препятствием, вместо того чтобы послужить стимулом. Я утверждаю, что он должен прекратить свое существование».

На этом же заседании Феликс Пиа обвинил Росселя в измене, не предъявив, впрочем, никаких доказа-

¹ Название одной из парижских тюрем. — *Прим. ред.*

² В этот момент Комитет общественного спасения состоял только из четырех членов (ввиду отставки Феликса Пиа).

тельств, и напал на социалистов из «меньшинства», голосовавших против создания Комитета общественного спасения.

Тем временем Россель отослал в Коммуну свое заявление об отставке, которое было уже опубликовано в газетах. В этом письме, адресованном членам Коммуны, он возлагал на них ответственность за создавшееся положение и писал:

«Зная, что сила революционера состоит именно в четкой и ясной позиции, я должен выбрать одну из двух линий: либо сломить препятствия, мешающие мне действовать, либо уйти.

Я не сломя препятствий, ибо препятствия — это вы и ваша слабость. Я не хочу посягать на народный суверенитет.

Я ухожу и имею честь просить у вас камеру в Мазасе».

Лиссагарэ, анализируя поведение Росселя, писал двадцать пять лет спустя¹:

«Он рассчитывал таким образом снять с себя ответственность за военное положение, но его можно было упрекнуть во многом... Почему вы отослали сегодня утром «семь тысяч человек», раз вы утверждаете, что у вас нет «никаких резервных воинских частей»? Почему вы ничего не знали в течение пятнадцати часов об эвакуации форта, за положением которого вы должны были следить ежечасно? Где ваша вторая линия укреплений? Почему вы не возвели никаких укреплений на Монмартре и у Пантеона?

Россель мог в крайнем случае адресовать свои упреки Коммуне, но он совершил непростительную ошибку, отослав свое письмо в газеты. Менее чем за два часа он обескуражил тысячи бойцов, вызвал панику, оскорбил храбрецов Исси, раскрыл врагу слабые стороны обороны Парижа».

¹ В новом издании своей книги «История Коммуны 1871 г.», опубликованном в 1896 году (первое издание вышло в 1876 году). — *Прим. ред.*

В течение этого дня, 9 мая, Коммуна приняла следующие решения:

потребовать отставки нынешних членов Комитета общественного спасения и немедленно обеспечить их замену;

назначить гражданского делегата по военным делам, обязав помогать ему существующую Военную комиссию, которая станет отныне непрерывно действующим органом;

собираться на заседания не чаще трех раз в неделю. Исключения допустимы лишь в случаях крайней необходимости; тогда заседания будут созываться по предложению пяти членов Коммуны или Комитета общественного спасения;

создать Военный трибунал, члены которого будут немедленно назначены Военной комиссией;

превратить Комитет общественного спасения в непрерывно действующий орган с местопребыванием в Ратуше.

Было также решено, что члены Коммуны должны установить постоянное дежурство в мэриях соответствующих округов, чтобы принимать авторитетные решения, диктуемые потребностями момента.

В качестве новых членов Комитета общественного спасения были избраны: Ранвье, Антуан Арно, Гамбон, Эд и Делеклюз.

10 мая

Положение на фронте было следующее:

«87-й батальон с успехом сражается в Аньере. В полдень было спокойно. В половине четвертого дня блиндированные вагоны открыли частый огонь. Версальцы явно слабеют.

Клиши: непрерывный артиллерийский огонь.

Нёйи: с десяти часов до полудня — сильный обстрел. Ночью версальцы установили новые батареи на бульваре Евгения. Одна батарея мортир установлена в 70 метрах от наших передовых позиций, под прикрытием стены.

В час дня 25-й батальон схватился с версальцами. В два часа дня — сильная артиллерийская дуэль.

Ворота Терн: ночь прошла спокойно. Пять часов утра — артиллерийская дуэль у ворот Майо и Терн.

Ворота Бино: новая атака версальцев отбита с теми же результатами.

Сент-Уан: очень меткая стрельба федератов по версальцам, засевшим в редуте Мэзон-Руж.

Монмартр: замечены огни в замке Женвилье, где устанавливаются батареи, чтобы подавить огонь батарей Монмартра.

Монруж, Бисетр: сильная атака версальцев. Пока ничего нового; позиции те же».

На заседании Коммуны 10 мая обсуждался вопрос о назначении гражданского делегата по военным делам. Жюль Валлес внес предложение назначить Делеклюза, который и был избран 42 голосами из 46, участвовавших в голосовании.

Затем было принято решение о предании Росселя суду Военного трибунала (34 голоса «за», 2 «против», 7 воздержались), но в тот момент, когда собирались перевести его из квестуры Ратуши в тюрьму Мазас, он бежал¹.

Сразу же после своего назначения на пост военного делегата Делеклюз обратился к национальной гвардии с прокламацией, в которой говорилось:

«Граждане,

Коммуна назначила меня своим делегатом в военном министерстве; она решила, что ее представитель в военной администрации должен быть штатским лицом...

Положение серьезное, вы это знаете; жестокая война, которую ведут против нас феодальные заговорщики вместе с остатками монархических режимов, стоила вам уже немало благородной крови.

И все же, когда я представляю себе, не переставая оплакивать эти горестные утраты, то прекрасное будущее, которое ожидает наших детей — даже если нам самим не суждено будет пожать плоды того, что мы посеяли, — я с восторгом приветствую

¹ Вместе с членом Коммуны Шарлем Жерарденом, с которым он подружился еще до своего назначения на пост военного делегата; разыскать и задержать их Коммуне не удалось. — *Прим. ред.*

Революцию 18 марта, открывшую перед Францией и Европой такие перспективы, о которых никто из нас не смел и мечтать три месяца назад.

Итак, по местам, граждане, и будьте стойкими перед лицом врага!

Наши укрепления так же сильны и надежны, как ваши руки и сердца. К тому же вы знаете, что сражаетесь за свободу и социальное равенство, которые вам обещали, но которые столь долго ускользали от вас. Если ваша грудь открыта теперь для пуль и снарядов версальцев, то наградой вам за это будет освобождение Франции и всего мира, безопасность вашего очага и жизни ваших жен и детей...»

В тот же день (10 мая) Комитет общественного спасения опубликовал следующее постановление:

«Комитет общественного спасения,

В ответ на прокламацию Тьера, именующего себя главой правительства Французской республики;

учитывая, что эта прокламация, напечатанная в Версале, расклеена на стенах Парижа по приказанию того же Тьера;

что в этом документе он заявляет, что его армия не бомбардирует Париж, а между тем ежедневно женщины и дети становятся жертвами преступного огня версальцев;

что, желая проникнуть в город, он призывает жителей к предательству, ибо чувствует свое полное бессилие победить героическое население Парижа силой оружия,

Постановляет:

Ст. 1. Движимое имущество Тьера будет конфисковано Управлением коммунальных имуществ.

Ст. 2. Дом Тьера, расположенный на площади Жорж¹, будет снесен»².

¹ Речь шла о площади Сен-Жорж, названию которой здесь был придан светский характер.

² Ст. 3 этого постановления возлагала его исполнение на делегата коммунальных имуществ Фонтена и делегата общественных служб Андриё. — *Прим. ред.*

11 мая

Делеклюз следующим образом охарактеризовал военное положение:

«Как только я вступил в управление министерством, я постарался составить себе представление о нашем положении на различных участках фронта в смысле обороны и наступления; я убедился в том, что укрепления охраняются достаточно основательно и что хороший резерв может в случае необходимости гарантировать нас от всяких неожиданностей.

Положение в Исси ничуть не изменилось. Форт Ванв находился в опасности и на некоторое время был даже оставлен нами.

В четыре часа утра генерал Врублевский, в сопровождении начальника и нескольких офицеров своего штаба, встал во главе 187-го и 105-го батальонов, находившихся под командованием храброго начальника XI легиона.

Они снова заняли форт в результате штыковой атаки и изгнали оттуда версальцев, которые уже считали себя его хозяевами. Им посланы подкрепления, и мы, безусловно, можем быть уверены в успехе.

В направлении Нёйи — без перемен; в направлении Аньера — сравнительно спокойно».

«Journal Officiel» опубликовал обращение франкмасонов Парижа к их братьям во Франции и во всем мире. В этом обращении говорилось:

«29 апреля 10 или 11 тысяч франкмасонов направились к Ратуше по главным артериям столицы, приветствуемые всем населением Парижа. Дойдя до авеню Великой армии, они, несмотря на бомбы и картечь, водрузили свои 62 знамени перед лицом осаждающих нас войск.

Их белое знамя с девизом «Возлюбим друг друга», которое они несли в направлении версальских позиций, заставило неприятеля прекратить огонь на всем протяжении от ворот Дофин до ворот Бино: голова их длинной колонны достигла только первой баррикады вражеских войск.

Три франкмасона были допущены в качестве делегатов. От генералов, к которым они обратились в Нёйи, Курбевуа и в Рюейе, где появление этих делегатов было встречено возгласами «Да здравствуют масоны! Да здравствует Коммуна!», они добились только короткой передышки. Двое из них, уступая настояниям генералов (которые заявили, что не могут быть их посредниками), отправились в Версаль (не имея на то мандата и вопреки линии поведения, которую они себе наметили), чтобы лишний раз доказать, что всякая новая попытка примирения бесполезна.

От главы исполнительной власти они не добились ничего, решительно ничего...

Все поймут, что их парижские братья хотят лишь одного: чтобы справедливость была претворена в жизнь и перестала быть достоянием одной теории, чтобы любовь друг к другу стала законом человеческого общества и что Париж обнажил шпагу лишь для законной защиты человечества...

Действуйте сообща, все города вместе, обратитесь к солдатам, которые сражаются против своей воли за самое несправедливое дело, за эгоистические интересы, и убедите их встать на защиту правого и справедливого дела.

Вы окажете тем самым важную услугу всему человечеству, вы обеспечите этим будущее счастье народов.

Да здравствует Республика!

Да здравствуют Коммуны Франции, объединившиеся с Коммуной Парижа!»

Таким образом, речь шла о выступлении в поддержку Парижа, но этот призыв не стал, разумеется, известен за пределами столицы: окружавшее ее огненное и железное кольцо сжималось все сильнее.

В тот же день «Journal Officiel» опубликовал следующую заметку по поводу народного образования:

«В скором времени религиозное обучение исчезнет из школ Парижа.

Однако воспоминание о нем в виде распятий, мадонн и других религиозных символов еще остается во многих школах.

Учителя и учительницы должны принять меры к удалению этих предметов, присутствие которых оскорбляет свободу совести.

Предметы этого рода, сделанные из ценных металлов, должны быть переданы по описи в Монетный двор».

12 мая

Военные донесения гласили:

«Ванв: федераты отбросили версальцев, которые пытались здесь закрепиться.

Монруж, Бисетр: наши позиции и положение превосходны.

Сент-Уан: версальцы со стороны Женвилье не могут закрепиться.

Клиши: ночь прошла спокойно. С пяти до восьми часов утра — сильный гул артиллерийской и ружейной стрельбы. В одиннадцать часов утра огонь наших батарей вызвал пожар в Аньере, вблизи парка. Ночью до трех часов было тихо. С трех часов федераты начали ожесточенный бой. Версальцы бегут на всем участке. Квартал Терн довольно сильно пострадал.

Нёйи: 128-й батальон отмечен в приказе. С полуночи и до трех часов — артиллерийская дуэль. В девять часов огонь стал ослабевать. В полдень военные действия возобновились; федераты одержали серьезный успех.

Аньер: вечером 11 мая — частые залпы митральез с обеих сторон. Ночь прошла довольно спокойно. В половине пятого артиллерийский огонь наших бастионов нанес версальцам большой урон.

Акты героизма на этих участках фронта довольно частое явление».

Коммуна постановила организовать военный суд в следующем составе:

«Лео Мелье — председатель; судьи: Монури, капитан 133-го батальона, Монрэ, капитан 176-го

батальона, Гано, лейтенант 156-го батальона, Картон, сержант 101-го батальона; секретарь суда — плац-майор Маретт»¹.

В письме к членам Коммуны, которое было оглашено на ее заседании, Делеклюз писал:

«Граждане, прошу вас отметить в приказе, с опубликованием в афише, 128-й батальон национальной гвардии, который сегодня ночью под командой генерала Домбровского очистил парк Саблонвиля от занимавших его версальцев, причем осуществил эту операцию с изумительным воодушевлением...»²

Ввиду того что Делеклюз подал в отставку с поста члена Комитета общественного спасения, пребывание в котором он считал несовместимым с обязанностями гражданского делегата по военным делам, возникла необходимость избрать нового члена этого Комитета. Был избран Бийорэ, получивший 27 голосов; 16 голосов было подано за Варлена.

Избрание Бийорэ говорило о том, что «большинство» Коммуны не желало предоставить хотя бы один пост в составе Комитета общественного спасения социалистическому «меньшинству», примыкавшему к Интернационалу. Эти разногласия в Коммуне обнаружились как раз в тот момент, когда угроза Парижу возрастала с каждым часом. Это было какое-то страшное ослепление: тут проявлялось нечто подобное (конечно, для той эпохи) тому антикоммунизму, который используют ныне раскольники рабочего класса.

13 мая

Военные донесения сообщали:

«Аньер: 12-го вечером сильная, но безрезультатная артиллерийская дуэль. Ночью блиндированные

¹ Этот военный суд был создан в форте Бисетр для суда над версальским шпионом Тибо, который был приговорен к расстрелу. Донесение Лео Мелье об этом деле было одобрено Коммуной на заседании 12 мая. В тот же день Комитет общественного спасения принял постановление об организации нового Военного трибунала под председательством полковника Э. Гуа. — *Прим. ред.*

² По этому письму Делеклюза Коммуна постановила: «128-й батальон оказал важную услугу Республике и Коммуне». — *Прим. ред.*

вагоны обстреляли Аньер. Версальцы отвечали слабо. Утром версальцы подвергли наши позиции сильному обстрелу; наши батареи вели ответный огонь и заставили их замолчать. В полдень было спокойно. В час дня наши батареи открыли сильный огонь. Версальцы отвечали очень вяло.

Нёйи: вечером сильная артиллерийская дуэль. Ночью ружейная перестрелка на аванпостах и баррикадах. Утром мы обменялись с противником несколькими пушечными залпами. С восьми часов до полудня довольно спокойно. С полудня до четырех часов почти полное затишье. Как мы, так и противник — на прежних позициях.

Сент-Уан, шесть часов утра: за один час наши батареи, установленные в доках, заставили замолчать передвижную батарею на полуострове Женвилье.

Ворота Клиши: ночью спокойно. 43-й бастион обстреливает с перерывами Бэкон и Аньер. Клиши подвергается непрерывному артиллерийскому обстрелу.

Ворота Аньера: довольно спокойно. Несколько снарядов противника пролетело в направлении железнодорожных мастерских.

Ванв: вечером версальцы атаковали форт со всех сторон. Как форт, так и бастионы вели энергичный ответный огонь и нанесли врагу большие потери. С десяти часов и до полудня — ружейная перестрелка у баррикады на дороге из Шатильона. 105-й и 187-й батальоны достойны быть отмеченными в приказе за их мужественное поведение в бою с неприятелем; этого заслужил и кавалерист Кобоско, который отличился, доставляя приказы под градом снарядов.

Мулен-Саке: ночь прошла спокойно.

Вильжюиф, половина третьего: баррикада обстреляла картечью версальских кавалеристов-разведчиков и обратила их в бегство.

Бисетр и От-Брюйер: довольно тихо. Только несколько орудийных залпов по Банье.

Монруж, половина десятого: один залп из форта по Ба-Фонтенэ. Днем полное спокойствие.

Вчера на рассвете наши канонерки подверглись артиллерийскому обстрелу; они вели ответный огонь

с мужеством, достойным всяческой похвалы. Огонь продолжался с перерывами весь день.

Примерно около пяти часов вечера форт Исси, батарея острова Сен-Жермен, внезапно демаскированная и батарея мортир открыли ожесточенный огонь по нашим канонеркам.

После ужасающей артиллерийской дуэли наши канонерки вынуждены были вследствие меткой стрельбы неприятеля покинуть опасную позицию, которую они занимали более месяца. Но они оставили эту позицию лишь после того, как одна из канонерок, «Эсток», подбита версальскими снарядами, затонула при криках: «Да здравствует Коммуна!»

Гражданский делегат по военным делам издал следующее распоряжение:

«1. Начиная с сегодняшнего дня командующие трех групп войск — правого фланга, центра и левого фланга — будут осуществлять высшее военное руководство округами, которые примыкают к их зоне командования и, следовательно, будут нести ответственность за выполнение мер, касающихся внутренней обороны.

2. Командующий каждой из трех групп войск должен будет ежедневно поутру представлять военному министерству рапорт об операциях, имевших место накануне и ночью.

3. Этот приказ будет направлен генералам Домбровскому, Ла Сесилиа и Врублевскому, дабы служить им руководством к действию».

Коммуна издала декрет, разрешавший Комиссии труда и обмена пересматривать условия подрядов, заключенных Коммуной до этого¹.

14 мая

Военные донесения гласили:

«Ванв: день прошел спокойно, позиции те же.

¹ Согласно этому декрету, в будущем во всех договорах на поставки для Коммуны должен был указываться обязательный минимум заработной платы рабочих и работниц, занятых выполнением этих поставок, а при распределении заказов предпочтение должно было оказываться рабочим производственным ассоциациям. — *Прим. ред.*

Монруж: несколько снарядов, упавших на форт в течение дня, не причинили никаких разрушений. В Мулен-Саке, Вильжюифе, От-Брюйере и Бисетре спокойно.

Аньер: вечером 13-го ожесточенная артиллерийская дуэль. Версальцы буквально засыпают нас снарядами, не причиняя нам, однако, больших потерь. Федераты во главе с майором Коттро, которого следовало бы отметить в приказе, отвечали весьма энергично и хладнокровно и заставили неприятеля прекратить огонь.

Ночь прошла довольно спокойно. Утром наши батареи и блиндированные вагоны открыли огонь по версальцам, которые отвечали слабо. К вечеру огонь с обеих сторон стал более ожесточенным. В четыре часа версальцы ослабили огонь.

Нёйи: вечером довольно сильный, но безрезультатный артиллерийский огонь. Ночь прошла в общем спокойно — лишь несколько ружейных выстрелов. Утром — сильный артиллерийский огонь; мы нанесли неприятелю значительной урон. С полудня до четырех часов версальцы вели непрерывный яростный обстрел наших позиций, не причинив нам, однако, потерь. Позиции — те же.

Ворота Бино, половина десятого: снаряды сыплются градом, не причиняя урона; мы ведем сильный ответный огонь.

Ворота Клиши: артиллерийский обстрел с перерывами парка в Аньере.

Ворота Сент-Уан: батареи доков рассеивают версальские разведывательные отряды.

Монмартр: начался обстрел Бэкона; стрельба пока не очень меткая».

В «Journal Officiel» был опубликован перевод отрывка из статьи, напечатанной в «Pall Mall Gazette»¹ от 12 мая. В нем говорилось:

«Мирный договор наконец окончательно подписан². Тьер не скрывает своей радости: вскоре он.

¹ Английская буржуазная газета консервативного направления. — *Прим. ред.*

² Мирный договор между Францией и Германией, подписанный 10 мая 1871 года во Франкфурте-на-Майне. — *Прим. ред.*

будет иметь в своем распоряжении большое количество дополнительных войск. Военнопленные, по-видимому, вернутся и займут свое место в рядах армии, которая «восстановила высокий престиж и могущество Франции в глазах Европы...»

Если учесть, в каких условиях оказался Париж, то следует признать, что ход событий начиная с 18 марта, несомненно, делает честь его нынешним правителям.

Они заявили, что будут придерживаться правила — око за око, зуб за зуб, но ни разу не привели в исполнение эту угрозу...

Они могли бы установить непрерывно действующую гильотину, а они начали с того, что уничтожили ее. Они могли бы насадить всеобщую распущенность, а между тем в Париже царит сейчас столь строгий порядок, какого не было ни при одном правительстве...

Эпитеты «отвратительно» и «чудовищно» с гораздо большим основанием могут быть применены к друзьям порядка или по меньшей мере к версальской армии порядка.

Зверская жестокость, которая побуждает их закалывать штыками спящих людей, а затем украшать себя лаврами в честь своих гнусных подвигов; их намерение лишить Париж звания столицы, несмотря на все, что он сделал и выстрадал во время войны, намерение, которое является, так сказать, дополнением к их жестокости, — эти, как и многие другие подобные факты, характеризующие версальские войска и их командиров, гораздо более достойны осуждения, чем все то, за что до сих пор упрекали Коммуну».

В тот же день¹ Карл Маркс писал Лео Франкелю и Варлену:

«Дорогие граждане Франкель и Варлен!
Я виделся с подателем [письма].

Не следовало ли бы спрятать в безопасном месте документы, компрометирующие версальских кана-

¹ 13 мая 1871 года. — *Прим. ред.*

лий? Подобная мера предосторожности никогда не помешает.

Мне писали из Бордо, что на последних муниципальных выборах было избрано четыре члена Интернационала. В провинции начинается брожение. К несчастью, движение носит слишком местный и «мирный» характер.

Я написал по вашему делу несколько сот писем во все концы света, где существуют наши секции. Впрочем, рабочий класс был за Коммуну с самого ее возникновения.

Даже английские буржуазные газеты отказались от своего первоначального злобного отношения к Коммуне. Время от времени мне даже удается помещать в них сочувственные заметки.

Коммуна тратит, по-моему, слишком много времени на мелочи и личные счета. Повидимому, наряду с влиянием рабочих, есть и другие влияния. Однако это не имело бы еще значения, если бы вам удалось наверстать потерянное время.

Совершенно необходимо, чтобы вы поторопились с тем, что считаете нужным сделать за пределами Парижа, в Англии и в других странах. Пруссак не передадут фортов в руки версальцев, но после заключения окончательного мира (26 мая) помогут правительству окружить Париж своими жандармами.

Так как Тьер и компания в своем договоре, заключенном Пуье-Кертье, выговорили себе, как вы знаете, огромную взятку, то они отказались от предложенной Бисмарком помощи немецких банкиров, — иначе они лишились бы своей взятки. Так как предварительным условием осуществления *их* договора было покорение Парижа, то они просили Бисмарка отсрочить уплату первого взноса¹ до занятия Парижа; Бисмарк принял это условие. И так как Пруссия сама сильно нуждается в этих деньгах, то она предоставит версальцам всевозможные облегчения, чтобы ускорить взятие Парижа. Поэтому будьте настороже!»²

¹ В счет пятимиллиардной военной контрибуции. — *Прим. ред.*

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 118—119.

15 мая

Согласно военным донесениям, положение на фронте было следующее:

«Батарея доков Сент-Уана под командованием майора Жаннье заставила замолчать версальскую батарею перед мостом Клиши (14 мая). Эта батарея не дает версальцам закрепиться перед мостом.

Гражданин Жаннье, командующий артиллерией Монмартра, сообщает, что огнем батарей, расположенных на высотах, руководил майор Грейорок, которому было поручено удерживать эту батарею на высотах, и что он (Жаннье) не имеет никакого отношения к тому, что произошло при стрельбе.

Пти-Ванв: ночью и утром довольно спокойно. Мы продвинулись в сторону неприятеля.

Аньер: 14-го вечером версальцы открыли очень сильный огонь по нашим батареям, но безрезультатно. Ночь прошла спокойно.

Клиши: опять обстрел и опять безуспешный.

Монруж: артиллерия молчит, но сильная ружейная стрельба.

Ванв и Исси: сильный артиллерийский огонь по всей линии. Около часа баррикады Шатильона и Мулен-де-Пьера подверглись атаке со стороны Банье. Версальцы были решительно отброшены и вынуждены были ретироваться в парк. Враг продолжает вести работы с этой стороны. От-Брюйер и Кашан безмолвствуют.

Мулен-Саке: версальцы, неоднократно пытавшиеся этой ночью атаковать наши позиции, были решительно отброшены. В половине четвертого артиллерийский обстрел затих, он продолжался со вчерашнего вечера (с семи часов) в направлении Ванва и Исси.

Сент-Уан: федераты наносят чувствительные потери версальцам и неизменно обращают их в бегство.

Нёйи, 15-го вечером: ружейный и орудийный огонь по баррикаде Перроне. Федераты нанесли деревенщине серьезный урон. Ночь прошла спокойно. Утром в бой вступил 174-й батальон. В общем утро

удачное. 117-й батальон также активно поддержал наше продвижение.

Бисетр: дела идут хорошо. Федераты продвинулись вперед на этом участке».

На заседании Коммуны в этот день должно было произойти столкновение между «меньшинством» и «большинством», но ввиду отсутствия почти всех членов «большинства» заседание не состоялось.

По словам одного из членов Коммуны, примыкавших к Интернационалу, Лефрансэ,

«положение сторонников меньшинства сделалось невыносимым. Если не считать некоторых экономических вопросов, которыми большинство пренебрегало, предоставляя в этих случаях свободу действий социалистам, большинство самых важных мер, принятых Коммуной, разрабатывалось не на заседаниях Коммуны, а на сепаратных совещаниях членов большинства».

Членов «меньшинства», одного за другим, устраняли с ответственных постов. Шарль Лонге, руководивший «*Journal Officiel*», был заменен Везинье. Варлена также собирались вывести из состава Военной комиссии¹. В этих условиях «меньшинство» решило заявить 15 мая о своих разногласиях с «большинством» в следующей декларации²:

«Д е к л а р а ц и я

Специальным и совершенно определенным решением Парижская Коммуна отреклась от своей власти, вручив ее диктатуре, которую она назвала Комитетом общественного спасения.

Своим решением большинство Коммуны сняло с себя ответственность и возложило на этот Комитет всю ответственность за наше положение.

Меньшинство, к которому мы принадлежим, считает, напротив, что в условиях политического

¹ 15 мая состав Военной комиссии, подавляющее большинство членов которой (4 из 5) принадлежали к «меньшинству», был обновлен. В новую Военную комиссию вошли исключительно члены «большинства». Примыкавший к «меньшинству» Верморель был выведен из состава Комиссии общественной безопасности за день до того. — *Прим. ред.*

² Она была опубликована в газетах 16 и 17 мая. — *Прим. ред.*

и социального революционного движения Коммуна обязана принять на себя ответственность за все, не уклоняясь ни от малейшей своей обязанности, как бы достойны ни были те люди, на которых она намеревается возложить эту ответственность.

Что касается нас, то мы, как и большинство, желаем социального и политического обновления; но в противоположность большинству мы требуем от имени тех, кого мы представляем, права самим отвечать за свои действия перед нашими избирателями, не прячась за какой-то верховной диктатурой, которую наш мандат не позволяет нам ни допустить, ни признать.

Вот почему отныне мы явимся в Собрание лишь тогда, когда оно соберется в качестве органа правосудия, чтобы судить кого-либо из своих членов.

Преданные нашему великому делу Коммуны, за которое умирает каждый день столько граждан, мы удаляемся в свои округа, которыми, пожалуй, слишком пренебрегали. Убежденные к тому же, что военный вопрос главенствует в данный момент над всеми другими вопросами, мы будем проводить время, которое останется у нас от работы в муниципалитетах, среди наших братьев — национальных гвардейцев и примем личное участие в решающей борьбе, ведущейся во имя прав народа.

Там мы снова будем с пользой служить своим убеждениям и не будем тем самым способствовать раздорам в Коммуне, которые все мы осуждаем, убежденные в том, что, несмотря на наши политические разногласия, все мы — большинство и меньшинство — преследуем одну и ту же цель:

Политическую свободу,

Освобождение трудящихся.

Да здравствует Социальная республика!

Да здравствует Коммуна!

Ш. Белэ, Журд, Тейс, Лефрансэ, Эжен Жерарден, Верморель, Клеманс, Андриё, Серрайе, Лонге, Артюр Арну, Виктор Клеман, Авриаль, Остен, Франкель, Пенди, Арнольд, Жюль Валлес, Тридон, Варлен, Гюстав Курбе».

В дополнение к этой декларации было подано два следующих заявления:

«Голосуя за Комитет общественного спасения, я оставил за собой право критиковать его.

Пользуясь этим правом, я присоединяюсь к «Декларации меньшинства». Прежде всего я хочу спасения Коммуны.

Лео Франкель»

«Если бы я мог присутствовать на заседании 15 мая, то подписал бы «Декларацию меньшинства Коммуны». Я согласен со всем изложенным в ней. После того как я увидел в действии Комитет общественного спасения, против учреждения которого я голосовал, так же как и мои коллеги, я остаюсь при том убеждении, что воспоминания о 93-м годе ни в коем случае не следовало примешивать к социальной и пролетарской революции, начатой 18 марта.

Б. Малон»

Меньшинство, в рядах которого было 13 или 14 членов Интернационала, совершило серьезную ошибку. Ведь эта декларация означала, что они не будут более участвовать в обычных заседаниях Коммуны.

Впрочем, на заседании Федерального совета парижских секций Интернационала 20 мая это добровольное самоустранение не получило одобрения.

«Федеральный совет принял следующие резолюции:

Выслушав объяснения членов Коммуны, принадлежащих к Интернационалу, и признавая безусловную честность мотивов, которые руководили их действиями, призывает их, оставаясь на страже интересов трудящихся, приложить все свои усилия к сохранению единства Коммуны, столь необходимого для победоносной борьбы против версальского правительства.

Федеральный совет одобряет выдвинутое ими требование гласности заседаний Коммуны и изменения статьи 3 декрета об учреждении Комитета общественного спасения, делающей невозможным ка-

кой бы то ни было контроль за действиями исполнительной власти, иначе говоря, за действиями самого Комитета общественного спасения и делегаций Коммуны.

На заседании присутствовали делегаты от следующих секций: Стефенсона, Гобеленов, Реколе, Медицинской школы, Вожирар, Шато-Руж, Батиньоль, Госпиталя Луи, Попенкур, Вербуа, Курон, Терн, Монруж, Вокзала Берси, Мармит 1, 2 и 3 группы, Керамик, Больших Карьеров Монмартра, Ла-Виллет, Ришар-Ленуар, Пуассоньер, Акаций, XIII округа, Кружка по изучению социальных проблем, Дюваля, Переплетчиков, Оптиков, Предместья Тампль.

На заседании присутствовали граждане: Авриаль, Тейс, Серрайе, Жак Дюран, Лео Франкель и Остен — члены Коммуны.

Отсутствовали, прислав извинения: Жоаннар, Малон и Варлен.

Председатель *Бастелика*
Секретарь *Аме*

В тот же день в «*Journal Officiel*» был опубликован окончательный текст мирного договора между Францией и Германией, подписанного во Франкфурте-на-Майне 10 мая. Было опубликовано также письмо, адресованное министру внутренних дел версальского правительства инициаторами созыва конгресса муниципальных советов, который должен был заседать в Лионе. В этом письме говорилось:

«Мы не можем объяснить себе запрета, который вы наложили на заседания мирного конгресса, созванного по нашей инициативе, иначе как ошибочной оценкой наших намерений.

Призывая другие города Франции выразить Собранию и исполнительной власти единодушное стремление страны к немедленному прекращению гражданской войны, мы не собирались подстрекать муниципальные советы, как существующие учреждения, к политическим действиям, а хотели только созвать собрание именитых граждан, общественное

положение которых, их бесспорная честность придали бы вес их выступлению».

«Journal Officiel» напечатал также отрывки из статей, опубликованных в провинциальных газетах, относительно муниципальных выборов:

«*Messenger du Midi*» пишет: «Наконец-то стали известны результаты муниципальных выборов в Тулоне. Кандидаты ультрарадикального направления избраны большинством в две тысячи и несколько сот голосов».

В «*Gironde*» мы читаем: «В Конфолане (департамент Шаранта) прежний муниципалитет, о республиканских мерах которого мы не раз писали, переизбран весь целиком громадным большинством голосов».

«*Lettres charentaises*» сообщают: «Результаты выборов в Ангулеме (второй тур голосования) как раз такие, как мы желали. Этот город, ранее столь индифферентный в политических делах, стряхнул наконец с себя оцепенение и одержал одну из самых блестящих побед. Это большой успех для демократии и Республики».

Муниципальная комиссия в Шабане переизбрана вся целиком. Это блестящая победа республиканской партии.

В Ла-Рошфуко полный триумф: список блока монархистов и клерикалов получил на 600 голосов меньше. Республиканский список прошел весь целиком.

В Рюэле республиканский список одержал вчера полную победу.

В Алансоне (департамент Орн) список республиканских кандидатов прошел за исключением нескольких имен. Большинство мест в избранном совете обеспечено республиканцам.

В Ножан-ле-Ротру (департамент Эр и Луар) большинство вновь избранного совета состоит из республиканцев.

В Вернёйе (департамент Эр) девять кандидатов из шестнадцати по списку радикалов были избраны во втором туре голосования».

16 мая

Согласно официальным донесениям, обстановка на фронте была следующая:

«Монруж, Бисетр: непрерывный артиллерийский и ружейный огонь. Еще один акт варварства версальцев: с позиции в Банье они стреляли в жен национальных гвардейцев. В Бисетре все спокойно.

Пти-Ванв: ночь и утро прошли спокойно. На дороге из Шатильона версальцы снова попытались перейти в атаку, но федераты заставили их отступить на левом фланге.

Ванв и Исси: позиции те же.

Аньер: 15-го вечером было получено достоверное сообщение о пожаре в замке Бэкон. 16-го утром артиллерийская дуэль. Около двух часов дня блиндированные вагоны прочесали огнем позиции в Бэконе и в Турелле. Версальцы отвечали слабо.

Нёйи: 15-го вечером 88-й батальон мужественно сражался на баррикаде Перонне. 159-й и 174-й батальоны достойны похвалы. Разрушен дом, в котором находился пост версальцев, ни одному из них не удалось спастись. Есть все основания полагать, что их потери довольно значительны».

16 мая заседания Коммуны не было.

В «Journal Officiel» было напечатано следующее сообщение, доказывавшее необходимость величайшей бдительности:

«Вчера, в четыре часа дня, во дворе дома, расположенного на бульваре Вольтера, № 71, и принадлежащего Компании недвижимых имуществ, из водосточной трубы выбрались четыре человека, одетые в форму национальных гвардейцев и вооруженные ружьями шаспо. Так как их неожиданное появление показалось жителям несколько подозрительным, то граждане погнались за мнимыми национальными гвардейцами и задержали троих из них. Будучи обысканы и допрошены, они заявили, что принадлежат к жандармерии. Свое появление на бульваре Вольтера они объяснили тем, что заблудились в водосточных трубах и ошиблись люком; по их завере-

ниями они направлялись в казарму Миним, где их ждали товарищи.

Сегодня ночью жители улицы Турнель были разбужены громкими стонами. Обнаружили человека в форме национального гвардейца, руки которого придавило крышкой водосточной трубы. Это был тоже переодетый жандарм.

Эти факты говорят о том, что необходимо установить специальное наблюдение за водосточными каналами, которые связывают Париж с внешним миром.

Делегат общественной безопасности и военный делегат должны принять решительные меры, чтобы защитники Парижа не рисковали быть убитыми в спину своими мнимыми братьями, нарядившимися в форму национальных гвардейцев».

Комитет общественного спасения назначил в качестве гражданских комиссаров:

- 1) при генерале Домбровском — гражданина Дерёра,
- 2) при генерале Ла Сесилиа — гражданина Жоаннара,
- 3) при генерале Врублевском — гражданина Лео Мелье.

В «*Journal Officiel*» появилось сообщение об избрании муниципального совета в Иври¹. Программа избранных в него кандидатов, из которых по меньшей мере двое принадлежали к Интернационалу (Делавиль и Александр), предусматривала полное присоединение к Парижской Коммуне и отправку в Париж делегата для защиты интересов Коммуны Иври.

16 мая, в тот момент, когда войска Тьера все теснее сжимали свое кольцо вокруг Парижа, а версальское Собрание отказывалось признать республику как форму правления, «*Journal Officiel*» Коммуны вернулся к республиканскому календарю. 136-й номер газеты был датирован 26 флореаля 79 года Республики².

¹ Одна из пригородных коммун Парижа, к юго-востоку от столицы. — *Прим. ред.*

² Первый год Республики считался с 22 сентября 1792 года. Республиканский календарь, введенный во время Великой французской революции, был отменен правительством Наполеона I с 1 января 1806 года. — *Прим. ред.*

Можно было подумать, что коммунары придавали словам, освященным историей, какую-то волшебную силу: накануне своих последних сражений они позволили себе увлечься воспоминаниями о Великой французской революции, которая противостояла объединившейся против нее монархической и феодальной Европе.

17 мая

Комитет общественного спасения опубликовал следующее сообщение:

«Версальское правительство запятнало себя новым преступлением, самым ужасным и самым подлым из всех.

Его агенты подожгли патронный завод на авеню Рапп и вызвали страшный взрыв.

Число жертв превышает сто человек. Несколько женщин и даже один грудной младенец были разорваны на части.

Четверо преступников находятся в руках Комиссии общественной безопасности».

Положение на фронте, согласно военным донесениям, было таково:

«Пти-Ванв, форт Ванв: форт не занят версальцами, он лишь окружен ими; он укреплен преимущественно с левой стороны.

Ванв: федераты ведут непрерывные бои с неприятелем.

Монруж: на баррикаде Шатильона ничего нового. Версальцы обстреливают из Банье пространство между двумя баррикадами, чтобы помешать сообщению между ними.

С правой стороны дороги, в 150—200 метрах от баррикады, имеется несколько маленьких каменных, материал которых можно было бы использовать для сооружения других укреплений.

Предполагают, что в Аркейе был пожар.

Сент-Уан: наши батареи причинили довольно серьезный ущерб версальцам. Батареи доков и бастион № 39 продолжают вести огонь по церкви в Женвилье. По нашим сведениям, там укрепились около 600 версальцев.

Нёйи: 16-го вечером ожесточенная артиллерийская дуэль. Версальцы дважды атаковали нас, но были решительно отброшены. 25-й батальон проявил себя достойным образом. Версальцы строят баррикаду на бульваре Бино».

На заседании Коммуны обсуждался вопрос о применении репрессий ввиду преступлений, совершенных версальцами, и был подтвержден следующий декрет:

«Ст. 1. Всякое лицо, уличенное в сообщничестве с версальским правительством, будет немедленно привлечено к суду и заключено в тюрьму.

Ст. 2. В течение 24 часов будет создано обвинительное жюри для разбора дел, которые поступят на его рассмотрение.

Ст. 3. Жюри будет выносить решения в течение 48 часов.

Ст. 4. Все обвиняемые, задержанные по решению обвинительного жюри, будут считаться заложниками парижского народа.

Ст. 5. Казнь каждого военнопленного или сторонника правительства Парижской Коммуны немедленно повлечет за собой казнь трех заложников, задержанных на основании статьи 4; они будут выделены по жребию.

Ст. 6. Каждый военнопленный предстанет перед обвинительным жюри, которое и решит, будет ли он немедленно освобожден или будет задержан как заложник»¹.

На том же заседании обсуждался манифест меньшинства, но не было принято никакого практического решения². По предложению Вайяна было принято следующее постановление относительно обучения в школах.

«Ввиду многочисленных предупреждений окружным муниципалитетам о повсеместной замене рели-

¹ Этот декрет был принят Коммуной 5 апреля, но ст. 5 его не применялась. — *Прим. ред.*

² Обсуждение этого вопроса закончилось принятием предложения Мио, гласившего, что большинство Коммуны «готово забыть поведение членов меньшинства, которые заявят о снятии своих подписей под декларацией», что оно «осуждает эту последнюю». — *Прим. ред.*

гнозного обучения светским, в течение 48 часов будет составлен список школ, ещё находящихся в руках конгрегаций. Список этих школ будет ежедневно печататься в «Officiel» вместе с именами членов Коммуны, делегированных в муниципалитеты тех округов, в которых предписания Коммуны о введении исключительно светского обучения не будут выполнены».

Тогда же Коммуной был принят декрет о пенсиях. Он был сформулирован следующим образом:

«Ст. 1. Каждый гражданин, который примет участие в защите коммунальных свобод и Республики, будет иметь право на получение пенсии в 300 франков; причем за первый квартал года она будет выплачена через три месяца после того, как армия защитников Республики одержит полную победу над армией версальских роялистов.

Ст. 2. Каждый солдат версальской армии, к какой бы части он ни принадлежал, будет иметь право на получение такой же пенсии, если он встанет под знамена Коммуны и Республики.

Ст. 3. Каждый гражданин провинции, который возьмется за оружие для защиты Республики и коммунальных учреждений, будет иметь право на такую же пенсию.

Ст. 4. Каждый офицер и унтер-офицер версальской армии, который встанет на защиту знамени Свободы, получит право на пенсию, соответствующую его званию»¹.

18 мая

Согласно официальным донесениям, военная обстановка была следующая:

«Малакоф (Пти-Ванв): сравнительно спокойно. Слабая ружейная перестрелка без существенных результатов. Бастионы ведут сильный огонь по форту Исси.

Монруж: по-прежнему спокойно. Защитники баррикады придерживаются оборонительной тактики.

¹ Этот декрет не был принят Коммуной, но соответствующее предложение, внесенное советом 5-го легиона национальной гвардии, было оглашено на заседании 17 мая. — *Прим. ред.*

В районе Аркейя арестовано три подозрительных человека. Местные пожарные быстро потушили пожар в замке, хотя огонь уже охватил верхние этажи.

Сент-Уан: наша артиллерия вывела из строя батарею версальцев в парке Женвилье. Бой у ворот Майо.

Нёйи: с полночи до шести часов утра — сильная артиллерийская дуэль. Франтирёры Коммуны совершили вылазку в Булонский лес; они вели себя превосходно в схватке с неприятелем. В три часа версальцы атаковали наши позиции, но были отброшены, понеся большие потери; с нашей стороны — трое раненых.

Аньер: утром версальцы открыли ожесточенный огонь по нашим батареям, но он был быстро подавлен.

Редут Клиши: ночь и утро прошли довольно бурно у замка Бэкон.

Монмартр: установлено, что эта батарея стреляет очень метко и что ее снаряды долетают до замка Бэкон и других позиций версальцев в этом районе. Слух о том, что наши снаряды падают на наши аванпосты, к счастью, оказался ложным.

В течение всего вечера батареи Монтрету обстреливали Отёй, Пасси и Пуэн-дю-Жур; мы вели сильный ответный огонь. Под конец наши храбрые федераты добились успеха в Булонском лесу».

Комитет общественного спасения принял следующее постановление:

«Ст. 1. Издание газет «Commune», «L'Echo de Paris», «L'Indépendance française», «L'Avenir national», «Patrie», «Pirate», «Républicain», «Revue des Deux-Mondes», «L'Echo de Ultramar» и «Justice» запрещается.

Ст. 2. Никакая новая газета или периодическое издание политического характера не будет выходить до окончания войны.

Ст. 3. Все статьи должны быть подписаны их авторами.

Ст. 4. Виновные в нападках на Республику и Коммуну будут предаваться суду Военного трибунала.

Ст. 5. Владельцы типографий, нарушившие настоящее постановление, будут преследоваться как соучастники, а их станки будут опечатаны»¹.

В этот день заседания Коммуны не было.

19 мая

Донесения Делеклюза гласили:

«В 8 часов вечера я получил с позиций у ворот Майо следующую депешу:

Сегодня в три часа утра сильная перестрелка, ожесточенная атака в Булонском лесу. Я отдал приказ стрелять, чтобы поддержать наших бойцов; в четыре часа неприятель отступил. Форт Мон-Валерьен обстрелял ворота Майо, но безрезультатно, если не считать двух раненых на наших аванпостах. Когда неприятель обратился в бегство, я приказал вести огонь на предельную дальность. Наши усилия увенчались полным успехом. Неприятель атакует снова; мы решительно отражаем его атаки. Артиллеристы совершают чудеса.

8 часов вечера — получили от Матьё следующую депешу:

Этим утром мы завязали бой, чтобы захватить позиции версальцев. Мы потеряли трех человек убитыми, а версальцы по меньшей мере 160. Прорыв в Булонском лесу; большой успех. Артиллерийская дуэль продолжается.

8 часов 40 минут вечера: капитан главного штаба галопом прискакал из Ла-Мюэтт. Версальцы выбиты из траншей, наполовину разрушенных.

19 мая 1871 года, 1 час. 10 мин.: получена следующая депеша с поста у Триумфальной арки:

Огонь и атаки прекратились, полагаем, что версальцы отброшены».

¹ Ст. 6 этого постановления поручала комиссару Ле-Муссю довести о нем до сведения редакций запрещенных газет и журналов; ст. 7 возлагала на Комиссию общественной безопасности обязанность следить за выполнением этого постановления. — *Прим. ред.*

Коммуна обсудила деятельность Комиссии юстиции и назначила Везинье членом этой комиссии. Она постановила подчинить театры делегации просвещения.

«Journal Officiel» напечатал отрывок из статьи, опубликованной в газете «Daily Telegraph»¹, в которой по поводу подписания франкфуртского мирного договора говорилось следующее:

«Князь Бисмарк, по его собственному признанию, отправился туда с довольно слабой надеждой достигнуть окончательной договоренности. В свою очередь Фавр и Пуье-Кертье отправились туда с твердым намерением пойти на любые уступки Бисмарку, лишь бы он позволил им в виде компенсации завладеть Парижем».

В «Journal Officiel» было опубликовано также воззвание членов Международного Товарищества Рабочих к трудящимся железнодорожных станций Иври и Берси:

«Революция, которую мы совершили после стольких сильных потрясений, революция, которая является плодом объединения силы и права, — это прежде всего революция социальная.

Ныне речь идет уже не о смене царствующей династии, не об организации умеренной, чисто формальной республики с монархическими институтами, но об утверждении прочного политического строя, который воплотит в жизнь все наши социальные требования.

Вчерашние рабы, ныне освобожденные, мы должны без промедления объединиться, чтобы окончательно завоевать свое законное право, которое до сих пор всегда оспаривали у нас капиталисты и монополисты, — право жить работая.

Мы призываем наших братьев, трудящихся станций Иври и Берси и их окрестностей, присоединиться к нам, став под знамена Интернационала, чтобы вместе с нами изучить и изыскать путем свободной дискуссии средства для нашего скорейшего освобождения».

¹ Английская буржуазная газета умеренно-либерального направления. — *Прим. ред.*

В том же номере «Journal Officiel» можно было прочесть следующее:

«Секция Каррьер Международного Товарищества Рабочих решительно протестует в принятой ею резолюции против статьи, помещенной в газете «Rapport» от 12 мая. В этой статье сказано:

«Нас уверяют, что Пьетри и Базен, находящиеся в настоящий момент в Женеве, пытались вовлечь швейцарских интернационалистов в бонапартистский заговор. Предложения подобного рода были сделаны также интернационалистам Парижа».

Прежде чем печатать такие злостные выпады, «Rapport» должна была бы вспомнить, что Международное Товарищество Рабочих, основанное в Лондоне 28 сентября 1864 года для завоевания прав трудящихся и для их освобождения, не переставало мужественно бороться против империи.

Известно, каким преследованиям и приговорам оно подверглось за это. Несправедливо и подло давать повод думать в силу двусмысленности вышеприведенной цитаты, что те самые люди, которые приняли декларацию Базельского конгресса¹, подписали оба воззвания во время осады Парижа и приняли активное участие в революции 18 марта, могут в той или иной форме договариваться с династической партией о восстановлении монополий и привилегий, которые они хотят окончательно уничтожить».

20 мая

Военные донесения гласили:

«Жантийи: успешная разведка; наши разведчики продвинулись вплоть до Шуази-ле-Руа, Орли и Тиэ.

Бисетр, 9 часов утра: версальцы устанавливают батарею на середине косогора в Банье, но ее снаря-

¹ Имеется в виду резолюция Базельского конгресса Интернационала, происходившего в 1869 году. — *Прим. ред.*

ды не долетают до нас. Форт и От-Брюйер открыли огонь и вскоре подавили огонь неприятельских батарей. С полночи до двух часов утра неприятель продвинулся вплоть до кладбища Банье; наши федераты отбросили его на старые позиции.

Монруж: неприятель предпринял несколько атак на наши позиции; все атаки были успешно отражены. Генерал Ла Сесилиа приказал расстрелять шпиона, застигнутого на месте преступления. Неприятель яростно атаковал наши позиции в От-Брюйер, баррикады Вильжюифа и Мулен-Саке. По достоверным сведениям, неприятель оставил на поле боя около сотни убитых; с нашей стороны потери незначительны. Бисетр и От-Брюйер поддерживали нас, обстреливая отступающего неприятеля.

Нёйи, Отёй: значительный успех; перестрелка, временами прекращающаяся. Наши артиллеристы сражаются с большим пылом; дух войск в общем превосходный.

Нёйи: все идет хорошо. Батареи наших баррикад наносят серьезный ущерб версальцам. Полночь. Военные действия возобновились и продолжались до шести часов утра; превосходство на стороне федератов. После полудня наши бастионы вели время от времени обстрел неприятеля и заставили его прекратить огонь.

Монмартр, Сент-Уан: время от времени ведут огонь по редуту Женвилье, так же как и бастионы. «Жозефина» обстреливает Бэкон, который не отвечает.

Аньер: сильный артиллерийский огонь; мы заставили замолчать многие пушки батарей Бэкона. Монмартр продолжает успешно обстреливать неприятеля. Бомбардировка Отёйя, Пасси, Пуэн-дю-Жура продолжается; Трокадеро подвергся сильному орудийному обстрелу. Среди раненых и убитых имеются женщины и дети; да падет их кровь на голову наших подлых врагов!

Аньер, 19-го вечером: версальцы попытались атаковать нас; не прошло и часа, как их огонь был полностью подавлен. Ночь: артиллерийский обоз, направлявшийся в Женвилье, был рассеян огнем батарей Клиши. 9 часов утра: неприятель открыл

чрезвычайно сильный огонь; наши батареи заставили его замолчать.

Пти-Ванв, полдень: гарибальдийцы обратили в бегство деревенщину. Мы добились также успеха в районе Кламара».

20 мая заседания Коммуны не было, но состоялось собрание избирателей IV округа с участием членов «меньшинства» Коммуны — Лефрансэ, Клеманса, Артюра Арну, Остена, Эжена Жерардена. Присутствовал также один член «большинства» — Амуру. Собрание закончилось принятием резолюции, которая гласила:

«Собрание избирателей IV округа, не делая ни малейшего упрека своим представителям, призывает их вновь занять свои места в Коммуне и высказывает пожелание, чтобы заседания были гласными, с тем чтобы каждый нес ответственность за свои слова».

21 мая

Военные донесения, опубликованные в «Journal Officiel» от 21 мая о происшедших накануне событиях, не были, как в этом можно убедиться, более тревожными, чем обычно. Но в воскресенье 21 мая произошло важное событие: проникновение версальцев в Париж.

Шло заседание Коммуны. Она занималась урегулированием различных инцидентов, возникших в связи с протоколом и с «Journal Officiel»¹. На повестке дня стоял суд над Ключере, бывшим военным делегатом, который после обсуждения его дела был освобожден. Около семи часов вечера, во время этого заседания, которое оказалось последним официальным заседанием Коммуны, член Комитета общественного спасения Бийорэ прервал Вермореля и зачитал следующую депешу:

«Домбровский Военной делегации и Комитету общественного спасения.»

¹ Один инцидент возник в связи с опубликованием в «Journal Officiel» сообщения члена Центрального комитета Грелье, угрожавшего держателям ренты уничтожением Большой книги государственного долга. Везинье, отвечавший за «Journal Officiel», не смог объяснить, каким образом это неофициальное сообщение провокационного характера оказалось опубликованным в газете.

Мои предположения оправдались. В четыре часа ворота Сен-Клу были захвачены версальскими войсками. Я собираю силы, чтобы атаковать их. Надеюсь отбросить их за линию городских укреплений с теми силами, которыми я располагаю, но все же пришлите мне подкрепления. Это серьезное событие не должно нас обескураживать; нужно прежде всего сохранять хладнокровие. Еще ничто не потеряно; если, паче чаяния, версальцы удержат эту часть укрепленного пояса, мы взорвем то, что у нас заминировано, и будем держать их на значительном расстоянии от нашей второй линии обороны, опирающейся на виадук в Отёе.

Сохраним же спокойствие, и все будет спасено. Мы не должны потерпеть поражение!

Домбровский».

Было решено, что члены Коммуны отправятся в свои округа, чтобы организовать там оборону.

Версальцы вступили в Париж примерно около 4 часов дня. Коммуна узнала об этом лишь три часа спустя. Версальцы проникли в город не в результате боя, они вступили через ворота Сен-Клу, которые никто не защищал, — явное доказательство того невероятного беспорядка, который царил в организации обороны Парижа!

Поскольку на укреплениях у ворот Сен-Клу не было федератов, некий Дюкатель¹, прогуливавшийся в этих местах, подал версальцам знак приблизиться, махнув белым платком. Несколько версальцев приблизились, чтобы убедиться, что ворота действительно никем не охраняются. Когда версальское командование узнало о создавшемся положении, артиллерийский обстрел укреплений прекратился, после чего версальские войска смогли вступить в Париж.

Вступление версальских войск в столицу без боя оказалось совершенно неожиданным. Ясно, что при более хорошей военной организации этого не могло бы случиться.

Версальцы были так поражены происшедшим, что создали «героическую» версию этого вторжения.

¹ Один из тайных агентов версальского правительства в Париже. — *Прим. ред.*

«Ворота Сен-Клу, — писали они, — рухнули под огнем наших пушек. Генерал Дуэ устремился туда и в настоящий момент вступает в Париж во главе своих войск. Корпуса генералов Ладмиро и Кленшана готовятся последовать за ним»¹.

В понедельник 22 мая «Journal Officiel» Коммуны опубликовал воззвание к парижскому народу и к национальной гвардии. В этом воззвании, датированном предыдущим днем, не было сделано никаких выводов из новой обстановки, в нем ничего не говорилось о необходимости чрезвычайных усилий для укрепления военной организации Коммуны. Оно возлагало надежды главным образом на инициативу народа.

«Граждане!

Довольно милитаризма, долой главные штабы в расшитых золотом и галунами мундирах!

Место народу, бойцам с засученными рукавами! Час революционной войны пробил.

Народ ничего не смыслит в искусных маневрах, но, когда у него в руках ружье, а под ногами камни мостовой, он не боится никаких стратегов монархической школы.

К оружию, граждане! К оружию! Речь идет, как вы знаете, о том, чтобы или победить, или попасть в руки безжалостных реакционеров и клерикалов Версаля, этих негодяев, которые умышленно предали Францию пруссакам, а теперь заставляют нас расплачиваться за их измену!

Если вы хотите, чтобы благородная кровь, которая в течение шести недель льется как вода, не пропала даром, если вы хотите жить свободными и равноправными в свободной Франции, если вы хотите избавить своих детей от ваших страданий и нищеты, — вы подниметесь все, как один человек, и перед лицом вашего грозного сопротивления враг, который льстит себя надеждой вновь надеть на вас ярмо, будет предан позору за те бессмысленные преступления, которыми он запятнал себя в течение двух последних месяцев.

¹ Телеграмма Тьера всем представителям власти во Франции, датированная 21 мая 1871 г., 7 час, 30 мин. вечера. — *Прим. ред.*

Граждане, ваши уполномоченные будут сражаться и умрут вместе с вами, если это понадобится. Но во имя нашей славной Франции, матери всех народных революций, бывшей всегда колыбелью идей справедливости и солидарности, которые должны стать и станут законами всего мира, вперед на врага, и пусть ваша революционная энергия докажет ему, что можно продать Париж, но ни сдать, ни победить его невозможно!

Коммуна рассчитывает на вас, рассчитывайте и вы на Коммуну!

Гражданский делегат по военным делам

Ш. Делеклюз.

Комитет общественного спасения:

*Ант. Арно, Бийорэ, Э. Эд, Ф. Гамбон, Г. Ранвье*¹.

Теперь Парижу предстояло пережить страшную майскую неделю, вошедшую в историю под названием «Кровавой недели», которое звучит как обвинительный приговор Версалию.

¹ В «Journal Officiel» под этим документом нет подписи Бийорэ; в сборнике афиш и плакатов Коммуны, изданном в 1874 году («*Murailles politiques françaises*», t. II, p. 558), она имеется. — *Прим. ред.*

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

„Кровавая неделя“

Вторжение версальцев в Париж. — Призыв к оружию. — Воззвание Коммуны к версальским солдатам. — Последний номер «Journal Officiel» Коммуны. — Смерть и похороны Домбровского. — Последняя афиша Коммуны. — Виктор Гюго требует от бельгийского правительства предоставления убежища коммунарам. — Сопrotивление Парижа близится к концу. — Борьба среди могил кладбища Пер-Лашез. — Последние бои. — Смерть Варлена. — Обращение Карла Маркса к членам Интернационала. — Злобные вопли версальцев. — Женщины и молодежь в первых рядах сражающихся коммунаров. — Кровавая резня и репрессии. — Парижские коммунары и алжирские повстанцы встречаются в ссылке в Нумее. — Амнистия коммунарам в результате длительной борьбы французского народа. — Коммуна отстояла республику.

Ворвавшись в Париж через оставленные без защиты ворота Сен-Клу, версальские войска стали продвигаться вперед. Ночью они заняли Трокадеро. Открыв Севрские и Версальские ворота, они овладели на рассвете 22 мая почти всем XV округом. Это был первый день ужасной недели, которая вполне заслужила свое позорное название «Кровавой недели».

Понедельник 22 мая

Итак, когда Париж проснулся, в стенах города уже находились значительные контингенты версальских войск. Они проделали в его укреплениях бреши, которые, казалось, невозможно было закрыть. Помимо воззвания, которое было опубликовано в «Journal Officiel», Комитет общественного спасения обратился к парижскому народу со следующей прокламацией:

«Граждане!

Ворота Сен-Клу, обстреливаемые одновременно с четырех сторон — батареями Мон-Валерьяна, с высот Мортемара, из Мулино и из форта Исси,

который был сдан в результате измены, захвачены версальцами, занявшими часть территории Парижа.

Эта неудача отнюдь не должна повергнуть вас в уныние, наоборот, она должна стимулировать вашу энергию. Народ, свергающий королей, разрушающий Бастилии, народ 1789 и 1793 годов, народ Революции не может в один день потерять плоды освобождения, которого он добился 18 марта.

Парижане, никто не должен уклоняться от участия в боях, ибо эта борьба — борьба Будущего против прошлого, Свободы против деспотизма, Равенства против монополий, Братства против рабства, Солидарности народов против эгоизма их угнетателей.

К оружию!

Итак, к оружию! Пусть Париж ошетинится баррикадами и пусть из-за этих импровизированных укреплений он снова бросит врагам свой боевой клич, клич гордости, вызова и вместе с тем клич победы, ибо Париж со своими баррикадами непобедим.

Нужно разобрать все мостовые; прежде всего потому, что неприятельские снаряды менее опасны, когда они падают прямо на землю, а кроме того, камни мостовых — это новое средство обороны; их следует сложить на балконах верхних этажей домов, расположенных друг от друга на известном расстоянии.

Пусть революционный Париж, Париж великих дней, исполнит свой долг! Коммуна и Комитет общественного спасения исполнят свой.

Комитет общественного спасения:

Ант. Арно., Эд. Ф. Гамбон, Г. Ранвье.

Следует отметить, что подпись Бийорэ, которого предпочли Варлену при дополнительных выборах в Комитет общественного спасения, отсутствует под этой прокламацией, подчеркивавшей серьезность положения¹.

¹ Это объясняется тем, что Бийорэ, настаивавший на переговорах с Версалем по вопросу о прекращении вооруженной борьбы, но не получивший поддержки других членов Комитета общественного спасения, вечером 21 мая подал в отставку и уклонился от участия в последних боях. — *Прим. ред.*

Что можно сказать об этом волнующем воззвании? Только то, что инструкции, которые в нем содержались, не могли усилить организованную защиту Парижа. Воззвание вносило путаницу в самый принцип военной организации. Призывая народ к борьбе на баррикадах, оно рассчитывало, конечно, на инициативу масс, но отсутствие четкой организации вооруженных сил Коммуны должно было тяжело сказаться на ходе боев в дни «Кровавой недели».

Кроме того, вести баррикадные бои в Париже в 1871 году было куда труднее, чем в июне 1848 года. «Османизация» города¹ привела к прокладке широких улиц. Вследствие этого баррикады стали гораздо более уязвимыми для артиллерийского огня.

В этих условиях Домбровский, который руководил вооруженными силами Коммуны и возможности действий которого значительно сократились, решил, по-видимому, пожертвовать собой в последнем бою. Он тем более подумывал об этом, что версальцы пытались скомпрометировать его и он, несмотря на свою бесспорную честность, чувствовал, что ему не доверяют².

Примерно так же был настроен гражданский делегат по военным делам Делеклюз, ветеран демократического движения. Он, несомненно, не хотел пережить поражения Коммуны.

Действия защитников Парижа в понедельник 22 мая, первый день «Кровавой недели», не были согласованы. В этот день версальские войска заняли площадь Звезды и спустились по Елисейским полям, заняв все кварталы, расположенные на их левой стороне, вплоть до казармы Пепиньер на площади Сент-Огюстен. Эти войска встретили сопротивление лишь на подступах к Тюильри.

Другие части версальской армии, продвигаясь вдоль

¹ Имеется в виду грандиозная перестройка Парижа, проведенная в 50—60-х годах XIX века под руководством префекта барона Османа, в результате которой были снесены многие узкие улицы и было проложено кольцо больших бульваров. — *Прим. ред.*

² Версальские агенты распространили слух, что Домбровский подкуплен Тьером и обещал ему открыть ворота Парижа. Такое предложение действительно было сделано Домбровскому, но он тотчас же сообщил об этом членам Коммуны. Было решено, что Домбровский сделает вид, будто он согласен впустить отдельные части версальской армии в Париж. Этот план имел своей целью заманить эти части в ловушку, запереть за ними ворота и перебить их. — *Прим. ред.*

линии крепостного вала внутри Парижа и вне его по направлению к воротам Курсель, Аньер и Клиши, захватили в плен множество федератов, занимавших позиции в Нёйи, Леваллуа и Сент-Уане.

В квартале Батиньоль, оказавшемся под непосредственной угрозой, было организовано сопротивление; площадь Клиши и Ла-Фурш были приведены в состояние обороны. Однако эту позицию можно было удерживать лишь в том случае, если бы держался Монмартр. Но, увы! В этом народном квартале, где началось восстание 18 марта, ничего не было сделано для его обороны. Имевшиеся там орудия не были поставлены на лафеты, а пушки Военной школы были захвачены версальцами еще утром.

На левом берегу Сены версальцы заняли ворота Ванв, Монпарнасский вокзал и площадь Бретей. Федераты, отступая, возвели баррикаду на улице Ренн (в верхней части улицы Вьё-Коломбье). Тем временем некоторые члены Коммуны и Центрального комитета собрались в Ратуше, но общее настроение было таково, что они занимались больше составлением прокламаций, чем выработкой конкретных директив для организации обороны.

Вследствие этого вторая половина дня 22 мая, когда версальцы приостановили свое наступление, не была использована коммунарами для координации своих оборонительных действий в различных кварталах города. Тем не менее баррикады вырастали как из под земли. Они появились на улице Риволи, у входа в сквер Сен-Жак, на улице Обер, на улице Шоссе-д'Антен, на улице Шатоден, на перекрестках улицы Фобур-Монмартр, около церкви Нотр-Дам-де-Лорет, на улице Мучеников, у церкви Трините. Баррикады были воздвигнуты также в квартале Ла-Шапель, на Шомонских высотах, в Бельвиле, Менильмонтане, на улице Ла-Рокет, на площади Бастилии, на бульварах Вольтера и Ришар-Ленуар, на площади Шато д'О и на Больших бульварах, идущих от ворот Сен-Дени.

На левом берегу баррикады были сооружены на бульваре Сен-Мишель, у Пантеона, на улице Сен-Жак, в квартале Гобеленов, на крупных артериях XIII округа. Всю ночь мужчины, женщины и дети трудились, строя баррикады.

Как только версальцы вступили в Париж, они тотчас же стали расстреливать коммунаров без суда и следствия. В Вавилонской казарме было расстреляно 16 федератов, схваченных на улице Дю-Бак.

К вечеру 22 мая в руках версальцев находилась уже часть столицы: они вышли на линию ворота Аньер — вокзал Сен-Лазар — мэрия VIII округа — Дворец промышленности — Бурбонский дворец — Гро-Кайю — Дом инвалидов — Монпарнасский вокзал — ворота Ванв.

В Версале была устроена иллюминация. Все реакционеры, дельцы, «друзья порядка» (как их называли тогда), укрывшиеся в этом городе, собрались на возвышенности, откуда был виден Париж, и любовались злобещим заревом пожаров, зажженных снарядами Тьера и его банды.

Те, кто дрожал до сих пор от страха перед восставшим Парижем, теперь жаждали мести. Они готовы были пролить потоки крови, напыщенно заявляя при этом: «Дело справедливости, порядка, гуманности и цивилизации восторжествовало»¹.

Вторник, 23 мая

В этот день в «Journal Officiel», который Коммуне еще удалось выпустить, было опубликовано продолжение отчета о заседании 21 мая, на котором рассматривалось дело Ключере.

В том же номере «Journal Officiel» было помещено следующее послание делегатов конгресса муниципальных советов, собравшегося в Лионе, адресованное одновременно правительству Тьера и Парижской Коммуне:

«Делегаты, члены муниципальных советов шестнадцати департаментов, собравшиеся в Лионе, от имени населения, представителями которого они являются, заявляют, что Республика — единственно возможная и законная форма правления, а коммунальная автономия — единственная основа республиканского строя, и требуют:

прекращения военных действий;

ропуска Национального собрания, срок полно-

¹ Фраза из речи Тьера на заседании Национального собрания 22 мая 1871 года. — *Прим. ред.*

мочий которого истек, поскольку мир подписан;
ропуска Коммуны;
проведения муниципальных выборов в Париже;
проведения выборов в Учредительное собрание
по всей Франции.

В том случае, если эти предложения будут отвергнуты Национальным собранием или Коммуной, ответственной за это перед суверенной нацией будет та из двух сражающихся сторон, которая отвергнет их и тем самым будет способствовать дальнейшему продолжению гражданской войны.

Подписали делегаты следующих департаментов:
Ардеш, Буш-дю-Рон, Шер, Дром, Гар, Эро, Изер, Луара, Верхняя Марна, Ньевр, Восточные Пиренеи, Рона, Сона и Луара, Савойя, Вар, Воклюз.

Накануне делегаты лионского конгресса явились в Ратушу, чтобы предложить свое вмешательство, но им дали понять, что оно уже бесполезно.

«Journal Officiel» напечатал также декрет версальского Собрания, разоблачавший лицемерие версальцев, стремившихся прикрыть таким образом ту оргию убийств, ту кровавую бойню, которую они уже готовили. Он гласил:

«Национальное собрание, глубоко потрясенное страданиями родины,

Постановляет:

По всей Франции будут организованы публичные молебны, чтобы умолить Господа прекратить наши гражданские распри и положить конец бедствиям, поразившим нас.

Принято на открытом заседании в Версале
16 мая 1871 года.

Председатель *Жюль Гриви*

Секретари: *Поль Бетмон, Поль де Ремюза, виконт де Мо, Н. Жонстон, де Кастеллан, барон де Барант*

Председатель Совета министров, глава исполнительной власти Французской Республики

А. Тьер».

Отсутствие в этом номере «Journal Officiel» Коммуны каких-либо официальных сообщений свидетельствует

вало о том, какая дезорганизация царил в деле защиты Парижа.

Собрание версальских реакционеров приветствовало вступление «армии порядка» в Париж и заявило, что эти войска и глава исполнительной власти оказали важную услугу отечеству¹.

Однако Париж продолжал оказывать сопротивление, особенно на левом берегу Сены, где Варлен и Эд создали своего рода плацдарм на перекрестке Круа-Руж. Народ держал в своих руках Университетскую улицу, улицы Гренель, Сен-Доминик, Ренн и Вавен. Но версальцы заняли Монпарнасское кладбище; проникнув в XIV округ, они изолировали Шатильон и Монруж и достигли Обсерватории.

Врублевский организовал в Бютт-о-Кай центр обороны, располагавший артиллерией и опиравшийся на баррикады Итальянского бульвара, бульвара Л'Опиталь и бульвара Ла-Гар.

Что касается обороны на правом берегу Сены, то в XIX и XX округах были сооружены баррикады на улицах Ла-Шапель, Обервилье и на Фландрской улице; были установлены батареи пушек на газовом заводе, на Шомонских высотах, на улице Пюэбла и на Пер-Лашез.

Стены Парижа пестрели афишами. Это были прежде всего афиши, призывавшие народ на баррикады:

«Пусть поднимутся все честные граждане!
На баррикады! Враг в стенах нашего города!
Никаких колебаний!
Вперед за Республику, за Коммуну, за свободу!
К оружию!

Париж, 3 прериаля 79 года

Комитет общественного спасения:

Ант. Арно, Бийорэ, Э. Эд, Ф. Гамбон, Г. Ранвье».

Были, кроме того, расклеены афиши с воззванием к солдатам версальской армии:

«К версальским солдатам

Братья!

Час великой битвы народов против их угнетателей настал!

¹ Резолюция эта была принята на заседании 22 мая. — *Прим. ред.*

Не предавайте дела трудящихся! .
Поступайте так, как поступили ваши братья
18 марта!

Присоединяйтесь к народу, ибо вы часть его!

Пусть аристократы, привилегированные, палачи
человечества защищают себя сами, и тогда царство
справедливости будет легко установить.

Покидайте ваши ряды!

Войдите в наши жилища!

Идите к нам, в наши семьи!

Вас встретят с радостью, по-братски.

Парижский народ верит в ваш патриотизм!

Да здравствует Республика!

Да здравствует Коммуна!

3 прериаля 79 года

Парижская Коммуна».

Центральный комитет национальной гвардии со своей
стороны обратился к версальским солдатам со следую-
щим призывом:

«Солдаты версальской армии!

Мы — отцы семейств.

Мы сражаемся за то, чтобы наши дети не ока-
зались однажды, подобно вам, под игом военного
деспотизма.

Придет день, и вы тоже станете отцами.

Если вы будете стрелять сегодня в народ, ваши
дети проклянут вас, как мы проклинали солдат, ко-
торые проливали кровь народа в июне 1848 года и
в декабре 1851 года.

Два месяца тому назад, 18 марта, ваши братья,
солдаты парижской армии, сердца которых были
исполнены ненависти к подлецам, продавшим Фран-
цию, побратались с народом; последуйте их при-
меру.

Солдаты, наши дети и наши братья, слушайте
нас внимательно, и пусть ваша совесть решит:

Когда приказ бесчестен, неповиновение стано-
вится долгом»¹.

Это обращение к версальским солдатам следовало за

¹ Это воззвание было датировано 3 прериаля 79 года (23 мая
1871 года) и подписано: Центральный комитет. — *Прим. ред.*

другим воззванием, которое было написано Комитетом общественного спасения и составлено в следующих выражениях:

«Солдаты версальской армии!

Парижский народ никогда не поверит, что вы, оказавшись с ним лицом к лицу, решитесь направить против него оружие: ваша рука не поднимется на такое дело, которое было бы поистине братоубийством.

Вы, как и мы, пролетарии; вы, как и мы, заинтересованы в том, чтобы заговорщики-монархисты не могли более проливать вашу кровь так же, как они выжимают пот ваш.

Вы поступите так, как вы поступили уже 18 марта, и народ будет избавлен от горькой необходимости сражаться против тех, кого он считает своими братьями и с кем он хотел бы сидеть рядом на гражданском пиршестве Свободы и Равенства.

Придите же к нам, братья, придите к нам! Наши объятия открыты для вас!»¹

Увы! Призыв повторить то, что было совершено 18 марта, то есть побрататься с парижским народом, не нашел отклика в сердцах версальских солдат. Они были основательно обработаны психологически для совершения своего черного дела «защиты порядка» от парижан, которых обвиняли во всех преступлениях и изображали виновниками всех бед, обрушившихся на Францию.

Одновременно с обращением к версальским солдатам Центральный комитет вступил в переговоры с «Лигой республиканского союза прав Парижа». Он передал ей предложения, которые были опубликованы в афишах и в «Journal Officiel» за 24 мая.

«В тот момент, когда оба лагеря собираются с силами, присматриваются друг к другу и занимают свои стратегические позиции;

в этот последний миг, когда все население в пароксизме отчаяния решилось победить или умереть, защищая свои права;

¹ Это воззвание было датировано 3 апреля 79 года и подписано всеми пятью членами Комитета общественного спасения. — *Прим. ред.*

Центральный комитет хочет, чтобы прислушались к его голосу.

Мы боролись только с одним врагом: гражданской войной. Мы всегда оставались верны себе; находились ли мы временно у власти или были совершенно удалены от дел, мы всегда мыслили, говорили и действовали в этом духе.

Сегодня, и уже в последний раз, перед лицом бедствий, которые могут обрушиться на всех, мы предлагаем героическому вооруженному народу, который избрал нас, а также заблуждающимся людям, которые атакуют нас, единственное решение, могущее остановить кровопролитие и оградить в то же время законные права, завоеванные Парижем:

1) Национальное собрание, миссия которого окончена, должно быть распущено;

2) будет распущена также и Коммуна;

3) так называемая *регулярная армия* должна покинуть Париж и удалиться от него на расстояние не менее 25 километров;

4) из делегатов от городов, насчитывающих не менее 50 тысяч жителей, будет создан временный орган власти; этот орган изберет из числа своих членов временное правительство, которое должно будет провести выборы в Учредительное собрание и в Парижскую Коммуну;

5) ни члены Национального собрания, ни члены Коммуны не будут подвергаться никаким преследованиям за действия, совершенные после 26 марта.

Вот единственно приемлемые условия.

Пусть кровь, пролитая в братоубийственной борьбе, падет на головы тех, кто отвергнет их!

Что касается нас, то мы, как всегда, исполним свой долг до конца.

Центральный комитет»¹.

Разумеется, эти предложения остались без ответа. Между Версалем и Парижем завязалась борьба не на жизнь, а на смерть.

¹ Этот документ был датирован 4 прериаля 79 года и подписан 39 членами Центрального комитета. — *Прим. ред.*

Чтобы сделать оборону более действенной, Комитет общественного спасения принял следующее постановление:

«Ст. 1. Шторы и ставни на всех окнах должны оставаться открытыми.

Ст. 2. Дом, из которого будет произведен хотя бы один ружейный выстрел или какая-либо другая враждебная акция против национальной гвардии, будет немедленно сожжен.

Ст. 3. Наблюдение за строжайшим исполнением настоящего постановления возлагается на национальную гвардию»¹.

К вечеру 23 мая бойцы Коммуны оказались в тяжелом положении. Домбровский, сражавшийся на баррикаде улицы Мирра, был смертельно ранен. Тем временем версальские войска достигли центра Парижа.

Федераты продолжали оказывать сопротивление на улице Руаяль, на террасе Тюильри, на улице Сен-Флорантен. Когда дальнейшее сопротивление стало невозможным, они отступили в направлении Ратуши. Ночью баррикада на Шоссе д'Антен была оставлена и здание Новой Оперы было захвачено версальцами. Но на Вандомской площади федераты еще держались.

На левом берегу Сены версальцы заняли военное министерство и казарму Бельшасс. Федераты оставили объятый пламенем дворец Почетного легиона, а также баррикады на улице Ренн и Круа-Руж.

К вечеру 23 мая в руках федератов оставалось уже не более половины Парижа. Там, где версальцы стали хозяевами, они чинили расправу без суда и следствия. Дым пожаров подымался в сражающемся Париже над дворцом Почетного легиона, над Тюильрийским дворцом, над зданием Государственного совета, над Счетной палатой и над многими другими зданиями.

В этих пожарах реакционеры обвиняли, конечно, Коммуну, но не следует забывать о версальских снарядах, вызвавших многочисленные пожары, а также об ответных мерах, принятых коммунарами в отношении домов,

¹ Это постановление было датировано 3 прериаля 79 года и подписано четырьмя членами Комитета общественного спасения. — *Прим. ред.*

из окон которых стреляли по федератам. Наконец, как доказали историки, озабоченные восстановлением истины, бонапартистские агенты старались с помощью поджогов уничтожить фальшивые счета и компрометирующие документы¹.

Среда 24 мая

В этот день вышел последний номер «Journal Officiel». В нем были напечатаны все воззвания, опубликованные накануне в виде афиш.

В этом номере был помещен официальный бюллетень Коммуны, в котором говорилось:

«Враг проник в стены нашего города скорее вследствие измены, чем с помощью силы; храбрость и энергия парижан отбросят его.

Все на баррикады! Все, по доброй воле или по принуждению, должны участвовать в их сооружении; те же, кто владеет оружием, кто умеет наводить пушку или митральезу, должны защищать их.

Пусть и женщины станут рядом со своими братьями, отцами и мужьями!

Те из них, у кого нет оружия, будут ухаживать за ранеными, таскать в свои комнаты булыжник, чтобы обрушить его на захватчиков.

Пусть звучит набат! Звоните во все колокола, заставьте греметь все пушки, пока хоть один неприятельский солдат остается в стенах нашего города!

Эта война ужасна, ибо враг беспощаден. Тьер хочет раздавить Париж, расстрелять или сослать всех наших национальных гвардейцев; ни один из них не будет помилован этим палачом, запятнавшим свою жизнь бесконечными преступлениями и покушениями на народный суверенитет. Для него и его сообщников все средства будут хороши.

Единственная надежда на спасение, которую оставляет нам неумолимый враг — это полная победа. Будем едины и преданы своему делу — и мы победим.

¹ Некоторые дома были подожжены их владельцами, стремившимися получить страховую премию. — *Прим. ред.*

Пусть Париж исполнит сегодня свой долг, завтра его примеру последует вся Франция».

Сообщения, напечатанные в этом номере «Journal Officiel», освещали ход боев 22 и 23 мая и описывали размах наступательных действий версальцев против Парижа, а также героическое сопротивление коммунаров:

«Снаряды продолжают сыпаться градом. Они долетают до площади Новой Оперы, где было ранено несколько прохожих.

В верхней части Амстердамской улицы идет оживленная ружейная перестрелка. Римская улица, площадь Монсей — в руках регулярных войск.

В районе Батиньоля бои продолжаются с утра, но версальцы, кажется, отступают. Иначе обстоит дело на подступах к кварталу Сент-Оноре.

В этом районе бои с каждой минутой становятся все более ожесточенными. На улице Гельдер свистят пули. На Елисейских полях идут ожесточенные бои. Центр Парижа ошетинился баррикадами. Все улицы перегорожены, и движение запрещено. Центральный рынок превращен в настоящий плацдарм. То же и на площади Шато д'О. Мощная баррикада закрывает вход на улицу Беранже. У ворот Сен-Мартен и Сен-Дени строятся баррикады. Площадь Биржи охраняется войсками. Версальским снарядом подожжено здание Морского министерства; предпринимаются энергичные меры, чтобы потушить огонь.

Другой снаряд попал в здание Почтового управления. Вопреки слуху, распространившемуся сегодня утром, Рауль Риго жив. Он по-прежнему во главе своего батальона. Уверяют, что в федератов стреляли даже на Монмартре. Дома, из которых стреляли, обысканы, и люди, застигнутые на месте преступления, арестованы. Несколько снарядов упало на улицах Фэдо и Вивьен. Один снаряд разорвался на улице Круассан: несколько человек было ранено — к счастью, совсем легко.

В пассаже Панорамы в шесть часов вечера упало три снаряда один за другим... Многие отряды версальских войск проникли в город на небольших пароходах. Они высадились выше Гренельского моста

при поддержке батальонов, действовавших с ними заодно. Оттуда солдаты Тьера добрались до Трокадеро. Один из батальонов, охранявших Монмартр, был, как уверяют, подкуплен группой бонапартистов II округа.

Федераты на высотах Монмартра не сидели без дела этой ночью. Они без устали обстреливали все позиции версальцев, ведя одновременно огонь по коллежу Шапталю, по церкви Успения и по казарме Пепиньер и отвечая на огонь батарей Трокадеро. С этой стороны линия версальских аванпостов проходит у нового коллежа Шапталь. На углу Римской улицы и бульвара солдаты Тьера возвели баррикаду, которая, вероятно, долго не продержится. Из соседних домов, которые были укреплены и в которых были проделаны бойницы, федераты непрестанно обстреливают защитников этой баррикады и наносят им серьезный урон. Оба квартала, Батиньоль и Монмартр, хорошо укреплены. Мэрия занята сильным отрядом. Среди батальонов федератов находятся Верморель и Лефрансэ.

На углах всех улиц имеются баррикады. Но особого упоминания заслуживает одна из них. Она возвышается на площади Бланш и превосходно сооружена; ее защищает женский батальон...

Всю ночь на высотах продолжались бои на аванпостах. Они не носили серьезного характера, и наши потери незначительны. Но сегодня утром версальцы попытались совершить обходный маневр.

От Западного вокзала (Батиньоль) они спустились по окружной железной дороге до Северного вокзала (Ла-Шапель). Мы предусмотрели этот маневр: все меры были приняты, и Кюзере поджидал их там. Версальцы вынуждены были отступить.

Впрочем, с этой стороны наши позиции хорошо укреплены. На площади Орнано сооружена баррикада со рвами, контрэскарпами, которая представляет собой настоящий редут. Восемь 12-миллиметровых митральез составляют ее вооружение. Она защищает предместье Пуассоньер, бульвар Маджента и две линии Внешних бульваров...

Пожар в Министерстве финансов потушен. Морское министерство еще дымится... Говорят, что вер-

сальцы продвинулись в верхней части Монмартра. Они достигли улицы Мобёж и площади Сен-Жорж.

В этом районе идет ожесточенная борьба. Федераты, укрывшись за баррикадами, упорно защищаются. На улице Вожирар из окон домов стреляли по национальным гвардейцам. Дома обьскали.

На улице Нев-де-Пти-Шан из окон бросали мраморные плитки. Федераты возмущены до крайности; они поговаривают о том, чтобы сжечь этот дом. Борьба продолжается почти на всех участках. Соппротивление организуется и, кажется, усиливается. Но и атаки неприятеля становятся все более упорными».

Эти сообщения свидетельствовали о серьезности положения в Париже.

Утром 24 мая версальцы достигли Французского банка, подступов к Пале-Руаялю, Лувра и сквера Монтолон, а на левом берегу Сены, проникнув на улицу д'Асса и улицу Нотр-Дам-де-Шан, приблизились к Валь-де-Грасу и Пантеону.

Ввиду создавшейся обстановки члены Коммуны, находившиеся в Ратуше, решили перенести свое местопребывание в мэрию XI округа. Вскоре пламя охватило Ратушу, где 58 дней назад была торжественно провозглашена Коммуна.

Домбровскому, погибшему в бою, были устроены волнующие похороны. Вот как рассказывает о них Лиссагарэ:

«В двух шагах оттуда, на кладбище Пер-Лашез, телу Домбровского были оказаны последние почести. Его перевезли туда ночью; при перевозке тела на площади Бастилии разыгралась трогательная сцена.

Федераты, защищавшие эти баррикады, остановили кортеж и положили его тело у подножия Июльской колонны.

Мужчины с факелами в руках окружили его смертное ложе и образовали вокруг него как бы огненный свод; федераты подходили один за другим, чтобы запечатлеть на лбу своего генерала последний поцелуй.

Во время этой процессии барабаны били «встречу». Наконец тело Домбровского, завернутое в красное знамя, было положено в гроб.

Верморель, брат генерала, его офицеры и около двухсот гвардейцев стояли с обнаженными головами. «Вот тот, кого обвиняли в измене! — воскликнул Верморель. — Одним из первых он отдал свою жизнь за Коммуну. А мы... что делаем мы, вместо того чтобы подражать ему?»

Он продолжает говорить, клеймя трусов и паникеров. Его речь, обычно сбивчивая, льется, воспламенная страстью, подобно расплавленному металлу. «Поклянемся же умереть, но не отступить ни на шаг!» Это были его последние слова; он сдержал их. Гул орудий, стоявших в двух шагах от этого места, временами заглушал его голос. Мало было среди присутствующих тех, кто сумел удержаться от слез.

Счастливы те, кто удостоился таких похорон! Счастливы те, кто был предан земле в разгар битвы, по ком прогремел прощальный салют пушек, кого оплакали друзья!»

В это же самое время предатель Вейссе, которого версальцы использовали, чтобы бросить тень подозрения на героя, был расстрелян на Новом мосту.

Версальцы продолжали неуклонно продвигаться вперед. В четыре часа дня они захватили Пантеон. Расстрелы без суда продолжались: на улице Сен-Жак и улице Гэ-Люссак было расстреляно 40 человек, и среди них Рауль Риго. Однако на Бютт-о-Кай федераты во главе с Врублевским отражали все атаки версальцев.

На правом берегу Сены был захвачен Северный вокзал, но Восточный вокзал, Шомонские высоты, Американские каменоломни и Пер-Лашез оборонялись с помощью пушек. К вечеру 24 мая в руках коммунаров оставались только XI, XII, XIX и XX округа, а также некоторые районы III, V и XIII округов.

Вечером версальцам удалось окружить баррикаду у ворот Сен-Мартен. Находящийся рядом театр был охвачен пламенем пожара. Версальцы подошли к Восточному вокзалу и к площади Ратуши; на левом берегу Сены они заняли парк Монсури.

Истребление федератов продолжалось. Версальская пропаганда кричала о «поджигательницах», обвиняя женщин в пожарах, которые опустошали Париж. Солдаты Тьера уже не довольствовались расстрелом мужчин, они расстреливали также и женщин.

В этой атмосфере ненависти, доведенной до крайности, и было казнено в тюрьме Ла-Рокет несколько заложников, в том числе парижский архиепископ Дарбуа. В течение нескольких недель Тьер упорно отклонял предложение Коммуны обменять этого прелата на арестованного в провинции Бланки¹.

24 мая, в 9 часов вечера, Военная комиссия Коммуны распорядилась расклеить следующий приказ:

«Немедленно сжигать все дома, из окон которых будут стрелять по национальной гвардии, и расстреливать всех жителей этих домов, если они не выдадут или сами не казнят виновников этого преступления».

Борьба становилась все более напряженной. Кровавые действия версальцев заставляли бойцов Парижской Коммуны принимать самые решительные меры. Как далек был этот приказ Военной комиссии от примиренческих предложений Центрального комитета национальной гвардии, упоминавшихся выше и опубликованных в тот же день в «Journal Officiel».

Четверг 25 мая

С утра пушки, увезенные из X округа, были доставлены федератами на площадь Шато д'О. Набережная Жемап все еще находилась в руках коммунаров. Версальцы поставили своей целью захватить в этот день площадь Бастилии (генерал Винуа) и площадь Шато д'О (генералы Дуэ и Кленшан). Они вели наступление в этих двух направлениях.

Мэрия XI округа оставалась центром Коммуны, доживавшей последние дни. 25 мая, в полдень, около два-

¹ С одной стороны, Тьер опасался, что освобождение Бланки и его возвращение в Париж усилят Коммуну, а с другой стороны, он преследовал явно провокационные цели, рассчитывая в случае гибели архиепископа использовать его смерть, чтобы возбудить общественное мнение Франции и католические круги всего мира против коммунаров. — *Прим. ред.*

дцати членов Парижской Коммуны и Центрального комитета ознакомились с сообщением секретаря посольства США, предлагавшего им посредничество пруссаков. Делегаты, выделенные для поездки в Венсен с целью установления контакта с этими посредниками, не смогли добраться туда, так как им воспрепятствовали федераты, хотя они имели при себе пропуска. Считают, что, делая свое предложение, предусматривавшее приезд делегатов в Венсен, посол США имел в виду скомпрометировать Парижскую Коммуну¹.

Беспощадная борьба продолжалась: Франкель был ранен, ранена была и Елизавета Дмитриева. Брюнель тоже был ранен, а Верморель получил смертельное ранение. Но ожесточенная борьба продолжалась. Версальцы завладевали баррикадами лишь после жестоких и упорных боев.

На левом берегу Сены Врублевский, который героически сражался на Бютт-о-Кай, получил приказ отступить к XI округу. Но он воспротивился этому и перенес центр сопротивления к площади Жанны д'Арк. Он согласился перейти на правый берег лишь после того, как солдаты Тьера овладели мэрией XIII округа и начали заимать бульвар Сен-Марсель.

Когда Врублевский прибыл в мэрию XI округа, Делеклюз предложил ему главное командование. Но на вопрос Врублевского: «Есть ли у вас хоть несколько тысяч решительных людей?» — Делеклюз ответил: «Самое большее несколько сот человек».

Делеклюз был убит у входа на бульвар Вольтера, близ площади Шато д'О (ныне площадь Республики). Он явно стремился покончить счеты с жизнью, которая после поражения Коммуны теряла для него всякий смысл².

¹ Следует также отметить, что ложные слухи о намерении командования немецких оккупационных войск выступить в роли посредника между версальцами и коммунарами и разрешить последним выбраться из Парижа отрицательно сказались на сопротивлении федератов (именно это и было главной целью посла США Уошберна). Поверив этим слухам, многие из них направлялись к немецким аванпостам, но там их задерживали и выдавали версальцам. — *Прим. ред.*

² Перед смертью он написал своей сестре письмо, в котором признавался, что не в силах перенести поражение еще одной революции и поэтому решил умереть. — *Прим. ред.*

Вот как описывал смерть Делеклюза Лиссагарэ:

«Солнце садилось за площадью. Делеклюз, не оглядываясь, чтобы узнать, следует ли за ним кто-нибудь, шел все тем же шагом, — единственное живое существо на бульваре Вольтера. Дойдя до баррикады, он повернул налево и взобрался на камни. В последний раз увидели мы его суровое лицо, обрамленное короткой белой бородой, лицо, обращенное к смерти. Внезапно Делеклюз исчез. Он упал, сраженный наповал».

К вечеру 25 мая часть столицы, находившаяся в руках Коммуны, еще больше уменьшилась. Коммунары занимали только XIX и XX округа и примерно половину XI и XIII округов.

Бойня продолжалась. Маршал Канробер поздравлял Тьера.

«Позвольте мне выразить свою радость по поводу ваших последних успехов в борьбе против гнусной анархии, — писал маршал. — Они умерили мое глубокое сожаление, что мне не пришлось сражаться против нее... Благодаря вам и благодаря своей армии Франция избавилась от самой страшной, самой ужасной опасности, которая когда-либо угрожала ей»¹.

Версальцы буквально купались в крови народа. Они терзали и мучили Париж, ибо не могли простить Коммуне того, что она явилась предвестницей нового мира.

Пятница 26 мая

На рассвете этого дня версальцы овладели Лионским вокзалом, баррикадой на улице Касте поблизости от Бастилии и сквером Тамплъ вблизи площади Шато д'О. С этого момента план Мак-Магона состоял в том, чтобы, осуществив обходное движение, захватить высоты Менильмонтана и Бельвиля, в то время как Винуа должен был занять площадь Бастилии и площадь Нации.

¹ Канробер был настолько тесно связан с правительством Наполеона III, что Тьер не решился доверить ему командный пост в версальской армии. — *Прим. ред.*

Вскоре после полудня площадь Бастилии была захвачена, а к концу дня версальцы достигли площади Нации, но шквал артиллерийских залпов с Пер-Лашез заставил их отойти. Тем не менее наступление войск Тьера неуклонно продолжалось. Лишь в нескольких местах его сдерживал огонь орудий Шомонских высот, Бельвиля и Пер-Лашез.

Соппротивление коммунаров становилось все менее организованным и согласованным. Коммуна, члены которой рассеялись по округам, все более теряла возможность играть руководящую роль.

Несколько членов Коммуны, в том числе Варлен и Ранвье, сошлись в XX округе с несколькими членами Центрального комитета. Они пытались обсудить положение и принять некоторые меры, но их возможности все более сокращались.

Они решили бороться до конца. Это решение нашло выражение в следующей афише — последней афише Коммуны, которую Ранвье распорядился отпечатать вечером 26 мая:

«Граждане XX округа!..

Если мы будем разбиты, вы знаете, какая участь ждет нас... К оружию!.. Будьте бдительны, особенно ночью... Я призываю вас в точности исполнять приказы...

Окажите поддержку XIX округу; помогите ему отразить врага. От этого зависит и ваша собственная безопасность...

Не ждите, когда подвергнется нападению сам Бельвиль... и тогда Бельвиль сможет вновь восторжествовать. Итак, вперед... Да здравствует Республика!»¹

К вечеру 26 мая вооруженные силы Коммуны удерживали уже только маленький участок Парижа — от ворот канала Урк до Венсенских ворот; граница между обоими лагерями внутри города проходила через бассейн Ла-Виллет, канал Сен-Мартен, бульвар Ришар-Ленуар и улицу Фобур-Сент-Антуан.

¹ Под этим воззванием стояли подписи члена Комитета общественного спасения Г. Ранвье и членов Коммуны Бержере, Виара и Тренке. В сборнике документов, изданном после Коммуны, это воззвание было датировано 25 мая. — *Прим. ред.*

В тех частях Парижа, которые были уже заняты версальцами, расстрелы без суда принимали все более массовый характер. Залпы выстрелов карательных отрядов раздавались во всех концах города. В этот день на ступеньках Пантеона версальцы расстреляли Мильера—депутата Национального собрания, который не примкнул к Коммуне, но опубликовал ряд статей, выдержанных в республиканском духе¹.

Жажда убийств, овладевшая версальцами, была так велика, что газета «*Siècle*»² вынуждена была заявить в этот день:

«Это какая-то оргия безумия. Уже не отличают виновных от невинных. Подозрительность написана на всех лицах. Доносам нет конца. Жизнь граждан ни в грош не ставится. За одно слово «да» или «нет» арестовывают, расстреливают».

В тот же день заключенные, находившиеся в тюрьме Ла-Рокет, были выведены оттуда и отведены на улицу Аксо. Это были 50 заложников Коммуны; их появление на улицах XX округа было встречено гневными возгласами населения. Они были расстреляны, хотя никакого приказа об этом не было отдано³. Но разве трудно понять ярость парижского народа, который знал, что версальцы систематически расстреливают пленных коммунаров!

Федераты продолжали ожесточенную борьбу, которая с каждым часом становилась все более безнадежной.

В то время, как по адресу коммунаров со всех сторон неслись вопли ненависти, Виктор Гюго⁴, который на

¹ Одной из главных причин ареста и расстрела Мильера версальцами была личная ненависть к нему министра иностранных дел Жюля Фавра, вызванная тем, что незадолго до революции 18 марта Мильер опубликовал документы, разоблачавшие грязное прошлое Фавра, мошеннические проделки, с помощью которых он нажил громадное состояние. — *Прим. ред.*

² Орган буржуазных республиканцев правого крыла. — *Прим. ред.*

³ В общей сложности коммунары расстреляли 64 заложника. — *Прим. ред.*

⁴ Вскоре после восстания 18 марта между Виктором Гюго, провожавшим тело своего сына Шарля на кладбище, и национальными гвардейцами произошла волнующая встреча. «*Journal Officiel*» опубликовал 20 марта отрывок из газеты «*Rappel*», одним из руково-

ходил тогда в Брюсселе и который не одобрял Коммуны и не понимал ее значения, не захотел, однако, быть вместе с волками. В пятницу 26 мая он направил в газету «L'Indépendance belge» замечательное и благородное письмо, в котором требовал предоставления коммунарам права убежища в Бельгии.

Он писал:

«Я протестую против заявления бельгийского правительства, касающегося побежденных парижан.

Что бы ни говорили и что бы ни делали, эти побежденные являются политическими деятелями.

Я не был с ними.

Я приемлю принцип Коммуны, но не одобряю ее руководителей...

Возвращаюсь к бельгийскому правительству.

Оно неправильно поступает, отказывая коммунарам в убежище.

Закон допускает такой отказ, но право запрещает его...

Что касается меня, то я заявляю следующее: убежище, в котором бельгийское правительство отказывает побежденным, предлагаю им я.

дителей которой был Шарль Гюго, отрывок, рассказывавший об этой встрече:

«В указанный час показались похоронные дроги, за которыми шли в слезах Виктор Гюго и его младший сын Франсуа-Виктор, а за ними Поль Мёрис, Огюст Вакери, Поль Фуше и несколько близких друзей.

Те, кто пришел выразить свое глубокое соболезнование великому поэту, понесшему столь тяжелую утрату, а также отдать последнюю дань уважения мужественному журналисту, столь рано ушедшему от нас, присоединились к этому печальному кортежу, и процессия направилась к кладбищу Пер-Лашез.

На площади Бастилии разыгралась трогательная сцена. Три национальных гвардейца, узнав Виктора Гюго, тотчас же пошли за похоронными дрогами и эскортировали их, взяв ружья под мышку.

Многие другие национальные гвардейцы последовали их примеру: вскоре их набралось уже более ста; они образовали почетный караул, который проводил до самого кладбища тело нашего дорогого и незабвенного товарища.

Через некоторое время пост национальных гвардейцев, весьма многочисленный в связи с событиями этого дня, узнав, кого хоронят, выстроился в ряд и взял на караул; зазвучали трубы, барабаны забили «встречу», знамя склонилось в знак приветствия».

Такова была дань уважения и свидетельство глубокого почтения, которые участники революции 18 марта выразили Виктору Гюго в связи с постигшей его тяжелой утратой — смертью сына.

Где? В Бельгии. Я оказываю эту честь Бельгии.

Я предоставляю убежище в Брюсселе, на площади Баррикад, № 4... Защищая Францию, я защищаю Бельгию. Правительство Бельгии будет против меня, но народ Бельгии будет со мной.

Во всяком случае, совесть моя будет чиста»¹.

Суббота 27 мая

С первых часов этого дня территория столицы, еще остававшаяся в руках коммунаров, угрожающе сократилась. Ворота Монтрёй и Баньоле были захвачены версальцами. Зато баррикада на улице Попенкур еще держалась и продолжала борьбу до самого вечера. Но сопротивление Парижа подходило к концу.

Утром около десяти членов Коммуны собрались на улице Аксо, но вскоре они разошлись, чтобы принять участие в последних боях агонизирующей Коммуны.

Из-за недостатка боеприпасов позиции на Шомонских высотах невозможно было далее удерживать. Площадь Празднеств в свою очередь также была занята версальцами, такая же участь постигла и площадь перед церковью в Бельвиле. Таким образом поле действий федератов, вынужденных отступать, все более суживалось. Именно в этих условиях бойцы Коммуны вступили в последний бой на кладбище Пер-Лашез. Ворота были снежены пушечными залпами, после чего завязался рукопашный бой среди могил и в склепах. Здесь у славной Стены федератов, куда каждый год приходит парижский народ отдать дань уважения коммунарам, были расстреляны последние защитники Пер-Лашез.

В субботу вечером, накануне последнего, 72-го дня Парижской Коммуны, в руках федератов оставалась только часть XX округа с его мэрией и часть XI округа. В этом трагическом уголке XX округа Ферре, Варлен, Ранвье и Журд, верные до конца своему долгу членов Коммуны, приняли участие в последних боях. Те из героических коммунаров, которые могли еще сражаться,

¹ В ночь на 27 мая банда «золотой молодежи», в том числе сын министра внутренних дел Бельгии, окружила дом, где жил с семьей Гюго. Они бросали камни, выкрикивали грубые оскорбления и пытались ворваться в дом. — *Прим. ред.*

были истощены шестью днями непрерывной и теперь уже безнадежной борьбы.

Жестокость версальцев была так велика, что газета «Times» писала в этот день:

«Партия порядка, трусость которой была главной причиной войны, отличается ныне своей свирепой жестокостью. В поисках инсургентов они обшаривают все дома, расстреливая многих из тех, кого удастся найти».

Воскресенье 28 мая

В восемь часов утра версальские войска заняли мэрию XX округа, а вскоре после этого завладели тюрьмой Ла-Рокет. К десяти часам утра оставался только один, слабый центр сопротивления: федераты засели в узком четырехугольнике, образованном предместьем Тамплъ, улицей Труа-Борн, улицей Труа-Курон и Бельвильским бульваром.

Варлен, Ферре, Гамбон, опоясанные красными шарфами, отправились во главе маленькой группы бойцов защищать баррикаду в предместье Тамплъ и баррикаду на улице Фонтен-о-Руа, которые версальцам не удалось захватить лобовым ударом и которые им пришлось обойти.

Еще сражались и на нескольких баррикадах XI округа. На одной из них находился последний ветеран Коммуны, Альбер Лежён, который умер в 1942 году в Советском Союзе.

Шел последний бой на последних баррикадах Парижа. Описанию этого боя Лиссагарэ посвятил следующие волнующие строки:

«В десять часов у федератов почти не остается пушек, их окружают две трети версальской армии. На улицах Фобур-дю-Тамплъ, Оберкампф, Сен-Мор и Пармантье еще идет борьба. Там есть баррикады, которые невозможно обойти, и дома, у которых нет выхода. Версальская артиллерия обстреливала их до тех пор, пока федераты не истратили всех своих боеприпасов...

Стрельба утихает. Наступает глубокое молчание. В полдень в воскресенье 28 мая с Парижской улицы,

захваченной версальцами, прозвучал последний пушечный выстрел федератов. Выстрел этой пушки, заряженной двойным зарядом, был последним вздохом Парижской Коммуны.

Последней баррикадой майских дней была баррикада на улице Рампонно. В течение четверти часа ее защищал только один федерат. Три раза ломал он древко версальского знамени, водружаемого над баррикадой Парижской улицы. В награду за свое мужество последнему бойцу Коммуны удалось спастись».

Вечером 28 мая, гордясь делом рук своих, Мак-Магон писал в прокламации к жителям Парижа:

«Французская армия пришла спасти вас. Париж освобожден.

В четыре часа наши солдаты овладели последними позициями инсургентов.

Ныне борьба окончена; порядок, труд и безопасность будут восстановлены».

Версаль торжествовал победу, сопротивление Парижа было сломлено, Коммуна задушена. Для завершения своей победы версальцам оставалось только овладеть Венсенским фортом, который, поскольку он был разоружен, не смог принять участие в борьбе между Парижем и Версалем. Комендант форта гражданин Мерле, решивший скорее взорвать форт, чем сдать его, был убит изменником капитаном, которого версальцы отпустили на свободу. Девять других офицеров форта были расстреляны во рвах; они умерли как герои.

Эжен Варлен, которого узнал и выдал один священник, был расстрелян версальцами после того, как его прекрасная голова мыслителя, исполненного помыслов братства, была совершенно изуродована, превращена в какое-то кровавое месиво, глаз был выбит и висел из орбиты. Характерная деталь: версальский офицер, приказавший расстрелять Варлена, украл у него часы.

Париж был залит кровью. Тьер и его банда брали реванш у парижских трудящихся, перед которыми они в свое время дрожали.

Все реакционеры того времени приветствовали преступные действия версальцев как подвиг. Газета «Fi-

гаго» писала: «Что такое республиканец? Это дикий зверь. Ну-с, честные люди, ударим, чтобы навсегда покончить с демократической сволочью».

Газета «Journal des débats» цинично заявляла: «Наша армия отомстила за свои неудачи неоценимой победой». Следовательно, она отомстила немцам истреблением парижан. Такой ход мысли не чужд и некоторым из нынешних военачальников, которые тоже помышляют о том, чтобы искупить свои неудачи уничтожением всех демократических свобод.

В занятом версальцами Париже оргия убийств приняла такие размеры, что этого не могли скрыть даже благонамеренные газеты. Вот что писала по этому поводу 30 мая газета «Siècle»:

«Каждый обвиняемый подвергается краткому допросу, после чего председатель суда произносит свой приговор. Если виновного квалифицируют как рядового, его направляют в Сатори; если же как нерадового, то его уводят в соседнюю залу, где ему разрешают побеседовать несколько минут со священником, прежде чем быть расстрелянным».

Со своей стороны газета «Liberté» писала в тот же день:

«Военные суды в Париже действуют с небывалой активностью в нескольких специальных пунктах. В казарме Лобо, в Военной школе производятся непрерывные расстрелы. Так расправляются с мерзавцами, которые принимали непосредственное участие в борьбе».

В тот же день бельгийское правительство решило изгнать из страны Виктора Гюго за благородную и мужественную позицию, которую он занял в отношении участников Парижской Коммуны.

30 мая в обращении ко всем членам Международного Товарищества Рабочих в Европе и в США Карл Маркс от имени Генерального совета Интернационала писал:

«После троицына дня 1871 г. не может уже быть ни мира, ни перемирия между французскими рабочими и присвоителями продукта их труда. Железная рука наемной солдатни может быть и придавит на время оба эти класса, но борьба их неизбежно снова

возгорится и будет разгораться все сильнее, и не может быть никакого сомнения в том, кто, в конце концов, останется победителем: немногие ли присвоители или огромное большинство трудящихся. А французские рабочие являются лишь авангардом всего современного пролетариата.

Европейские правительства продемонстрировали перед лицом Парижа международный характер классового господства, а сами вопят на весь мир, что главной причиной всех бедствий является Международное Товарищество Рабочих, то есть международная организация труда против всемирного заговора капитала... «Помещичья палата» поднимает против него вой, а европейская печать хором поддерживает ее. Один уважаемый французский писатель¹, ничего общего не имеющий с нашим Товариществом, сказал о нем:

«Члены Центрального комитета национальной гвардии и большая часть членов Коммуны — самые деятельные, ясные и энергичные головы Международного Товарищества Рабочих... Это — люди безусловно честные, искренние, умные, полные самоотвержения, чистые и фанатичные в *хорошем* смысле этого слова».

Буржуазный рассудок, пропитанный полицейской, разумеется, представляет себе Международное Товарищество Рабочих в виде какого-то тайного заговорщического общества, центральное правление которого время от времени назначает восстания в разных странах. На самом же деле наше Товарищество есть лишь международный союз, объединяющий самых передовых рабочих разных стран цивилизованного мира...

Та почва, на которой вырастает это Товарищество, есть само современное общество. Это Товарищество не может быть искоренено, сколько бы крови ни было пролито. Чтобы искоренить его, правительства должны были бы искоренить деспотическое господство капитала над трудом, то есть искоренить ос-

¹ По-видимому, Ж.-Ф.-Э. Робине — врач, публицист и историк буржуазно-республиканского направления, избранный в Коммуну, но через несколько дней (30 марта) вышедший из нее. — *Прим. ред.*

нову своего собственного паразитического существования.

Париж рабочих с его Коммуной всегда будут чувствовать как славного предвестника нового общества. Его мученики навеки запечатлены в великом сердце рабочего класса. Его палачей история уже теперь пригвоздила к тому позорному столбу, от которого их не в силах будут освободить все молитвы их попов»¹.

На следующий день, 31 мая, Эмиль Золя писал в газете «*Sémaphore*»:

«Мне удалось совершить прогулку по Парижу. Это ужасно... Скажу вам только о груде трупов, которые уложили штабелями под мостами. Нет, никогда не забыть мне ужаса, от которого сжалось мое сердце, при виде этой массы окровавленных человеческих тел, брошенных как попало... Головы и члены перемешались в чудовищном беспорядке. Из груди выглядывают искаженные судорогой лица... Ноги свисают, иные мертвецы кажутся разрезанными надвое, у других как будто четыре ноги и четыре руки. О, какая зловещая бойня!..»

В тот же день Александр Дюма-сын² подло оскорбил великого художника Гюстава Курбе и, говоря о женщинах Коммуны, заявил:

«Мы ничего не скажем об их самках из уважения к женщинам, на которых они похожи, когда мертвы».

Эти гнусные оскорбления не могли, однако, заставить забыть о героической борьбе женщин Парижа во время Коммуны. Они участвовали во всех боях и проявили изумительную храбрость в борьбе против врага не только в качестве маркитанток или санитарок³, но и в качестве бойцов. На Монмартре сражался целый батальон

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 17, стр. 365—367.

² Французский драматург, сын автора «Трех мушкетеров» и других известных романов, умершего в 1870 году. — *Прим. ред.*

³ Член Коммуны Ж. Б. Клеман посвятил одной из санитарок Коммуны свою знаменитую песенку «Дни созревания вишен», написанную еще в 1866 году в Бельгии, куда он бежал, чтобы спастись от преследований полиции Второй империи.

женщин во главе с Луизой Мишель. В Батиньоле отряд женщин возглавляла Елизавета Дмитриева.

В письме к Герману Юнгу от 24 апреля эта революционерка писала о деятельности женщин Парижа:

«Я много работаю. Мы поднимаем всех женщин Парижа. Я созываю публичные собрания. Мы учредили во всех округах в помещениях самих мэрий комитеты защиты и, кроме того, Центральный комитет. Все это для того, чтобы основать Союз женщин для защиты Парижа и ухода за ранеными¹. Мы устанавливаем контакт с правительством², и я надеюсь, что организация наладится. Но сколько потеряно времени и сколько труда мне это стоило!»

Именно потому, что женщины проявили во время Парижской Коммуны такую энергию, версальцы и пустили в ход легенду о «петролейщицах», чтобы обвинить женщин в поджогах домов во время боев, происходивших в дни «Кровавой недели».

Ленин восхищался ролью, которую сыграли женщины Парижа в боях за Коммуну; в 1916 году он писал:

«Один буржуазный наблюдатель Коммуны писал в мае 1871 года в одной английской газете: «Если бы французская нация состояла только из женщин, какая это была бы ужасная нация!» Женщины и дети с 13 лет боролись во время Коммуны наряду с мужчинами»³.

О героической борьбе женщин Коммуны напомнил Артюр Рембо в своей поэме «Руки Жанны-Мари».

Безжалостное сердце мая
Заставило их побледнеть,
Когда, восстанье поднимая,
Запела пушечная медь⁴.

¹ Союз женщин для защиты Парижа и ухода за ранеными был основан 11 апреля 1871 года. С 11 апреля и по 14 мая он созвал 24 публичных собрания. Несколько женских отрядов, сформированных Союзом, героически сражались в рядах коммунаров.

«Journal Officiel» в номере от 24 мая сообщал: «Батальон гражданок Монмартра сегодня в течение четырех часов выдерживал огонь версальцев, защищая баррикады, которые они сами же возвели, вплоть до того момента, когда прибыло подкрепление национальных гвардейцев. Некоторые из женщин тяжело ранены».

² То есть с Парижской Коммуной. — *Прим. ред.*

³ В. И. Ленин, Соч., изд. 4, т. 23, стр. 70.

⁴ Артюр Рембо, Стихотворения, М., 1960, стр. 75.

Во время репрессий версальцы не пощадили и женщин: 1501 женщина предстала перед IV военным судом. Среди них была и Луиза Мишель, приговоренная к смертной казни. Ее сослали в Нумею, где она провела долгие годы со своими товарищами по борьбе.

Молодежь Парижа также была среди пламенных бойцов Коммуны. В рядах боевых частей можно было видеть детей, подростков 14—16 лет, которые героически сражались с врагом.

После «Кровавой недели» версальцы арестовали сотни юнцов; среди них был ребенок всего восьми лет от роду. Во время казней, совершавшихся без суда и следствия, версальцы расстреляли нескольких юношей; перед лицом смерти они вели себя столь мужественно, что поразили даже своих убийц.

История помнит юного бойца Коммуны, совсем еще ребенка, который перед расстрелом попросил офицера, командовавшего карательным взводом, маленькой отсрочки, чтобы передать товарищу часы для своей матери, после чего он тотчас же вернулся и гордо встал у стены, где расстреливали оставшихся в живых участников жестоких боев «Кровавой недели».

Молодые коммунары, находившиеся в первых рядах бойцов Парижской Коммуны, следовали примеру и продолжали традиции тех юношей, которые накануне восстания 10 августа 1792 года, покончившего с монархией, вместе со своими старшими братьями призывали жителей парижских предместий взяться за оружие.

Они продолжали традиции тех юношей, которые в битве при Вальми¹ сражались в рядах бойцов революции, перед которыми вынуждена была отступить европейская феодально-монархическая коалиция.

Детей Коммуны вдохновляла память о маленьком барабанщике революции Жозефе Бара, который умер с возгласом: «Да здравствует Республика!»; их вдохновляла память о юном Жозефе Виала, который был убит при попытке перерезать канаты понтонов, чтобы помешать роялистам перейти реку Дюранс².

¹ 20 сентября 1792 года. — *Прим. ред.*

² Оба мальчика (одному было 13, другому 14 лет) погибли в 1793 году: Бара — в бою с вандейскими мятежниками, Виала — в борьбе против контрреволюционеров на юге Франции. — *Прим. ред.*

Молодые коммунары продолжали традиции баррикадных бойцов 1830 и 1848 годов. Но их борьба носила иной характер, они боролись за торжество нового общества, против нищеты, за счастливую жизнь, за счастье народа, счастье, о котором молодой революционер Сен-Жюст¹ сказал некогда, что это новая идея.

Карл Маркс, который пристально следил за ходом событий в Париже и 30 мая 1871 года дал гениальный анализ грандиозного движения, каким была Парижская Коммуна, писал профессору Э. С. Бизли²:

«Во-первых, я послал членам Коммуны... письмо в ответ на их запрос, каким образом они могли бы продать на Лондонской бирже некоторые ценные бумаги.

Во-вторых, 11 мая, за десять дней до катастрофы, я сообщил... все подробности тайного договора между Бисмарком и Фавром во Франкфурте...

Если бы Коммуна послушалась моих предостережений! Я советовал ее членам укрепить северную сторону высот Монмартра — прусскую сторону, и у них было еще время это сделать; я предсказывал им, что иначе они окажутся в ловушке; я разоблачил им Пиа³, Груссе и Везинье; я требовал, чтобы они немедленно прислали в Лондон все бумаги, компрометирующие членов [правительства] национальной обороны, чтобы таким образом до известной степени сдерживать неистовства врагов Коммуны, — тогда план версальцев был бы отчасти расстроен»⁴.

Из этого письма видно, как старался помочь коммунарам Карл Маркс, как предостерегал он их против некоторых элементов, поведение которых вполне оправдывало его отрицательный отзыв о них.

¹ Вадный деятель яacobинской диктатуры 1793—1794 годов. — *Прим. ред.*

² Английский ученый, публицист и общественный деятель радикального направления, сочувствовавший Интернационалу. — *Прим. ред.*

³ Мелкобуржуазный демократ Феликс Пиа вел себя во время Коммуны как склочник, интриган и трус, без устали клеветавший на социалистов, членов Интернационала, и неоднократно подававший в отставку с поста члена правительства Коммуны. — *Прим. ред.*

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 120—121 (письмо от 12 июня 1871 года).

Зверства версальцев вызвали негодование всего цивилизованного мира. Правду нельзя было полностью скрыть, несмотря на классовую солидарность, объединявшую палачей Парижа с буржуазными правительствами других стран.

Вот несколько особенно показательных выдержек из иностранных газет:

«В Люксембургском саду, в парке Монсо, у башни Сен-Жак были вырыты огромные рвы, которые наполнили негашеной известью. Инсургентов, мужчин и женщин, приводили туда: залп взвода, облако дыма... и ров и известь поглощают свою добычу» («L'Indépendance belge», 27 мая).

«Множество женщин и малолетних детей было расстреляно в Люксембургском саду» («Times», телеграмма от пятницы, 26 мая).

«Вряд ли когда-нибудь удастся узнать точное число жертв той бойни, которая еще продолжается, ибо пленных расстреливают пачками и бросают как попало во рвы, вырытые *ad hoc*¹. Даже организаторы этих казней едва ли могут сказать, сколько трупов они нагромодили. Мы знаем только одно: в Париже продолжается резня, какой не видали со времен Варфоломеевской ночи» («Evening Standard»).

«Вчера после полудня в казармах близ Ратуши расстреливали защитников Коммуны. После каждого ружейного залпа подъезжали закрытые санитарные повозки и в них бросали трупы» (телеграмма Агентства Рейтер от 28 мая).

Даже сама французская пресса не могла замолчать то, что происходило в эти дни. Об этом свидетельствуют следующие выдержки, являющиеся откровенным признанием:

«Сегодня... 25 мая... около Биржи было расстреляно огромное число инсургентов, захваченных с

¹ *Ad hoc* (лат.) — буквально «к этому», то есть для данного случая. — Прим. ред.

оружием в руках. Тех, кто пытался сопротивляться, привязывали к решетке. То же происходило в семинарии Сен-Сюльпис» («Français»).

«Наши солдаты не щадят больше никого: они безжалостно убивают всех, кто попадает в руки; судите сами, сколько при этом должно быть жертв» («Siècle», 27 мая).

«Генерал Ладмиро только что завладел Шомонскими высотами и высотами Бельвиля. Пленных не брали. Это была страшная бойня! На Шомонских высотах и на Пер-Лашез убито десять тысяч инсургентов» («Siècle»).

Не удивительно после этого, что Виктор Гюго писал:

Когда я думаю, что убивали беременных женщин, когда поутру видны были руки, высывающиеся из ям...

Одним из самых циничных палачей Коммуны был генерал Галиффе. В начале войны 1870 года он был полковником, но вскоре был произведен в генералы. Взятый в плен при Седане, он был интернирован в Кобленце, но Тьер, который знал этого бандита, добился от Бисмарка его репатриации.

Действительно, Галиффе был известен своими преступлениями в Мексике, где он воевал под командованием Базена¹. Говоря о роли, которую он играл в этой стране, он сам цинично писал:

«Фактически я начальник жандармерии. Я устраиваю засады... и в отличие от того, что происходит во Франции, мои люди большие разбойники, чем те, которых я преследую. Кроме того, я главный судья: всех разбойников (я говорю не о солдатах), которые уцелели в бою, вешают. И если вам нужна веревка, я смогу торговать ею по возвращении домой: она будет прочной».

¹ Речь идет о Мексиканской экспедиции 1862—1867 годов, затеянной правительством Второй империи с целью превратить эту страну в колонию Франции. — *Прим. ред.*

² Бумаги и переписка императорской фамилии, опубликованные по распоряжению «правительства национальной обороны».

Критерий, которым руководствовался Галиффе при расстреле людей, был прост: «У него интеллигентный вид, вот у этого, расстреляйте его!» Вот как описывают одно из совершенных им преступлений одиннадцать очевидцев:

«Колонна пленных, двинувшаяся от бульвара Мальзерб, направлялась в Версаль. Эта колонна была задержана у замка Ла-Мюэтт, где генерал Галиффе отобрал 83 мужчин и трех женщин, которых и расстреляли у склона. После этого подвига генерал сказал нам: «Меня зовут Галиффе. Ваши парижские газеты достаточно обливали меня грязью. Теперь я беру реванш». После этого колонна была направлена дальше, в Версаль. Во время этого перехода полицейские, составлявшие эскорт, закололи штыками двух женщин и троих мужчин, которые от усталости не могли идти дальше».

Таким образом, палачи коммунаров оказались в какой-то степени предшественниками гитлеровских бандитов, преступления которых оставили за собой столько горя и столько развалин. Еще в начале июня на кладбище Пер-Лашез производились расстрелы без суда.

Камилл Пельтан в своей книге «Майская неделя», давая документально обоснованное описание массовых убийств, совершенных версальцами, писал:

«Майская резня занимает особое место. Во всей нашей истории нет ничего подобного».

Сравнивая число убитых в дни «Кровавой недели» с числом убитых во время Великой французской революции, Камилл Пельтан делал следующий вывод:

«К чему же мы приходим? Самое большее к 12 тысячам во всей Франции за весь период революции. Это немногим больше трети жертв одной Майской недели в Париже! И даже еще на пять тысяч меньше того числа жертв, которое признали сами виновники расстрелов, — 17 тысяч.

Итак, два года невиданных бурь, борьбы за родину и свободу, за основы современной Франции, за спасение вечной Франции, беспощадная война против притаившихся повсюду изменников, действовавших сообща с чужеземными захватчиками, все эти конвульсии нужды, голода, тревоги, жестокое

подавление несчетного числа мятежей, национальное единство, сохраненное благодаря чудесам энергии, зверства дикой войны шуанов — все, что было трагического и ужасного в эту самую страшную эпоху нашей истории... все это стоило в два или три раза меньше крови, чем «восстановление порядка» в Париже в 1871 году».

Тот же автор дал версальской армии, запятнавшей себя столькими преступлениями, такую оценку, которая не утратила своего значения и в наши дни, ибо во Франции, увы, снова установился режим личной власти в результате переворота, совершенного при содействии армии¹.

«Чтобы французская армия могла совершить такие зверства против французов, нужно было, чтобы ею командовали благочестивые кондотьеры государственного переворота².

Таким образом, с Майской неделей связана одна важная общеполитическая проблема. Военный вопрос целиком связан с нею. Нужно выбирать между национальной армией, созданной против чужеземцев, и армией политической, действующей против нации. Одни и те же солдаты не могут играть обе эти роли.

В силу неумолимой логики вещей армия, совершившая государственный переворот, стала армией Седана, а армия, капитулировавшая при Седане, купила свое поражение резней в Париже. Тут уж не может быть и речи ни о дисциплине, ни о серьезном труде, ни о строгом понятии долга среди офицеров, которые чувствуют себя политическими хозяевами страны, среди преторианцев, которые знают, что они предназначены преимущественно для борьбы против мятежей».

Гнусные версальские репрессии осуществлялись с неумолимой жестокостью. Перед военными судами проходили партии обвиняемых, с которыми обращались как со скотом.

¹ Переворота 13 мая 1958 года, приведшего к установлению де-голлевского режима. — *Прим. ред.*

² Переворот 2 декабря 1851 года, приведший к установлению бонапартистского режима. — *Прим. ред.*

18 ноября, то есть почти шесть месяцев спустя после «Кровавой недели», Эмиль Золя с полным основанием писал:

«Два часа в Версале, этой странной столице, где находится правительство, хотя его и незаметно... Я увидел там одни только военные суды. Ссылка ощущается даже на улицах. Некоторое оживление царит лишь у дверей тюрем и трибуналов. Лишь здесь ощущается кипение жизни города. Женщины плачут. Офицеры гремят своими саблями. Свидетели бегут со всех ног, чтобы не опоздать на поезд».

Некоторые члены Парижской Коммуны и революционные деятели вышли живыми из майской резни и нашли убежище за границей. Так, Эдуар Вайян, Аллеман, Гранже, Камелина, Жюль Жоффрен, Ланжевен, Лиссагарэ, Шарль Лонге, Эд, Жюль Валлес и другие оказались в Англии. Эти оставшиеся в живых участники Коммуны организовали общество беженцев Коммуны. Оно разоблачило клеветнические выпады в печати против Коммуны ее бывшего члена Везинье, одного из тех, против кого предостерегал коммунаров Карл Маркс.

Другие бывшие участники и члены Парижской Коммуны укрылись в Швейцарии, а также в Бельгии, ибо протест Виктора Гюго оказал известное действие. Многие мужчины и женщины, осужденные на каторгу, были сосланы в Нумею; некоторые из тех, кому смертная казнь была заменена ссылкой, никогда не вернулись оттуда.

Коренное население Новой Каледонии полюбило этих своеобразных каторжников. Луиза Мишель, например, обучала детей чтению. На солдат, которые стерегли ссыльных коммунаров, их поведение производило сильное впечатление. Я знал одного старого активиста, ставшего членом Французской коммунистической партии: его приобщили к социалистическим идеям коммунары, которых он стерег на каторге в Нумее, когда служил в военном флоте.

*

Здесь будет уместно напомнить, что в тот самый момент, когда парижские коммунары сражались за свободу и независимость французской нации, против сообщников

немецких захватчиков, за освобождение трудящихся от капиталистической эксплуатации, в Алжире вспыхнуло восстание.

В этом восстании приняли участие сначала племена района Константины, а затем и всей Кабилии, где еще в 1857 году Наполеон III предпринял широкие военные операции.

Официальное сообщение версальского правительства освещало происходящие события следующим образом:

«16 марта на караван-сарай Уэд-Окрис напало несколько сот пехотинцев и двадцать всадников под командованием Бумезрага, брата башаги Мокрани. Караван-сарай защищали десять зуавов, два европейца и несколько арабов...

17 марта, узнав, что башага Мокрани собирается послать подкрепления осаждающим, подполковник Трюмоле направил на помощь караван-сараю капитана Картэрада из арабского бюро с двумя взводами африканских стрелков, несколькими спаги и маленьким отрядом арабов из Уэд-Дри.

Капитан Картэрад подвергся нападению примерно 800 пехотинцев и 50 всадников. Тем не менее ему удалось пробиться к караван-сараю и удерживать мятежников на известном расстоянии».

Таким образом, в тот самый момент, когда парижские коммунары вступили в борьбу, которая должна была продолжиться в XX веке и привести к грандиозным потрясениям, очевидцами которых мы являемся, алжирцы Кабилии поднялись на борьбу против колониализма.

Алжирцы подверглись столь же жестоким репрессиям, как и трудящиеся Парижа. Но оргия насилий, устроенная колонизаторами, не могла задержать национально-освободительное движение колониальных народов, которое приняло огромные масштабы, в том числе и в Алжире.

Версальцы расправились с алжирскими инсургентами так же, как с парижскими коммунарами. Адмирал Гедон, которого Тьер назначил губернатором Алжира, отправляясь на свой пост, получил следующую характерную инструкцию: *«Действовать в Алжире так же, как действовали в отношении Коммуны».*

Парижские коммунары, сосланные на каторгу, встретились в Нумее с инсургентами Кабилии, которые сражались под руководством своего замечательного вождя Мокрани, убитого в бою.

Те и другие могли, таким образом, на собственном опыте убедиться, что у них общие враги и что они должны, следовательно, сражаться против них плечом к плечу, как братья.

Заслуга коммунистов состоит в том, что они всегда подчеркивали ту тесную солидарность, которая объединяет трудящихся стран-колонизаторов с народами колонизированных стран в борьбе за их освобождение.

Это особенно важно отметить в настоящий момент, когда война в Алжире, которая ведется уже более шести лет¹, создала тревожную проблему и представляет серьезную опасность для французского народа, ведущего борьбу за достижение мира в Алжире путем переговоров с Временным правительством Алжирской республики².

*

Правящие круги французской буржуазии долго противились амнистии коммунаров. 18 марта 1876 года после долгих дебатов предложение об амнистии было отклонено палатой депутатов 367 голосами против 95. То же произошло в сенате, где поднятием рук проголосовали отрицательное решение. И это несмотря на речь Виктора Гюго, который обличал раболепство сенаторов перед преступниками 2 декабря 1851 года, сопоставляя его с той суровостью, какую они проявили по отношению к народу.

Борьба за амнистию продолжалась по всей стране. Борьба эта была отмечена, в частности, избранием в депутаты престарелого Бланки, хотя он не мог быть избран³. Аналогичные случаи имели место во время

¹ С 1 ноября 1954 года. — *Прим. ред.*

² Только 18 марта 1962 года под давлением прогрессивных кругов французской общественности правительство де Голля подписало в г. Эвиане соглашение с Временным правительством Алжирской республики о прекращении огня в Алжире. — *Прим. ред.*

³ Он находился в тюрьме, из которой был освобожден только в 1879 году. — *Прим. ред.*

выборов в муниципальный совет Парижа¹ и в муниципальный совет Лиона².

В 1880 году начались народные манифестаций в честь погибших коммунаров. 3 апреля 1880 года несколько сот манифестантов собрались на могиле Гюстава Флуранса.

Манифестации с требованием амнистии коммунаров, число которых (в той или иной форме) все возрастало, свидетельствовали о том, что память о Парижской Коммуне жива в сердце парижского пролетариата.

Бойня на Пер-Лашез, борьба последних защитников Коммуны на этом кладбище, среди мертвецов, к которым они должны были вскоре присоединиться, уйдя в небытие, стали в глазах парижского народа символом сурового величия. Стена, у которой были расстреляны последние бойцы Пер-Лашез, стала местом паломничества, священным местом не только для парижских рабочих, но и для пролетариата всего мира. После того как рабочий класс Парижа снова собрался с силами, на 23 мая 1880 года была назначена первая манифестация у Стены федератов. Правительство, возглавлявшееся тогда радикалом Фрейсине, воспротивилось этому. В этом правительстве наряду с Жюлем Ферри, бывшим министром Трошю и Тьера в период революции 18 марта, заседал и радикал Тирар, избранный 26 марта 1871 года членом Коммуны, но вскоре подавший в отставку.

Запрещая эту манифестацию, правительство ссылалось на закон, который был использован Второй империей, чтобы помешать республиканцам во главе с Гамбеттой организовать манифестацию у могилы депутата Бодена, убитого на баррикадах во время государственного переворота 2 декабря 1851 года.

Однако вопреки правительственному запрету манифестация состоялась. Делегации собрались на площади Бастилии, чтобы двинуться затем на кладбище Пер-Лашез. Во главе демонстрантов, число которых достигало 25 тысяч, шел Жюль Гед³.

¹ 12 октября 1879 года в квартале Жавель был избран Альфонс Эмбер, который также не подлежал избранию.

² Социалист Гарель, получивший свободу благодаря частичной амнистии в феврале 1879 года, был избран в Лионе 26 октября 1879 года.

³ Один из основателей и руководителей Французской рабочей партии, созданной в 1879 году. — *Прим. ред.*

Полиция напала на демонстрантов. Но сколько она ни разгоняла демонстрантов, они вновь собирались в колонну. У каждого участника шествия алел в петлице красный цветок шиповника в честь тех, кто сражался и пал под красным знаменем.

У Стены федератов расположились сильные наряды полиции. Тем не менее несколько тысяч манифестантов прорвались на кладбище и бросили через головы полицейских свои красные цветы к подножию Стены федератов.

Поль Дельсаль писал впоследствии в своей брошюре «Париж во время Коммуны»:

«Парижский пролетариат, с трудом сдерживавший свое нетерпение в течение девяти лет, теперь впервые отдал дань уважения храбрецам, павшим за его освобождение».

Перед лицом народного движения за амнистию депутаты не могли уже и далее отвергать ее. Когда Гамбетта узнал, что бывший член Коммуны Тренке избран муниципальным советником от квартала Пер-Лашез, в то время как кандидат, которого поддерживал Гамбетта, потерпел поражение, он убедился в необходимости что-то предпринять.

Именно в этих условиях Гамбетта, бывший председателем палаты депутатов, поднялся со своего кресла, чтобы выступить в защиту предложения об общей амнистии, которое и было принято 312 голосами против 116. Оно было одобрено также и сенатом, и 11 июля 1880 года закон об амнистии был обнародован.

Реакционеры и клерикалы не сложили оружия и продолжали кампанию злобной клеветы на побежденную Коммуну, которая так сильно напугала их когда-то. Но республиканцы, которые тоже были напуганы ею, начинали осознавать, что Коммуна спасла республику.

Камилл Пельтан писал в 1880 году:

«Подавляя Париж, метили в Республику. Депутатам-республиканцам от Парижа, — добавлял он, — напоминали, что раздавленные и перебитые парижане были их избирателями».

В этом вопросе Коммуна показала, по выражению Ленина,

«как единодушно умеет пролетариат осуществлять демократические задачи, которые умела только провозглашать буржуазия»¹.

И Ленин добавлял:

«Только героизму пролетариата обязана своим упрочением республика, т. е. та форма государственного устройства, в которой классовые отношения выступают в наиболее неприкрытой форме»².

Героическая борьба Парижской Коммуны сделала невозможной реставрацию монархии. Эта борьба поставила перед международным пролетариатом проблему единства рабочего класса, его организации и борьбы за построение социализма.

¹ В. И. Ленин, Соч., изд. 5, т. 16, стр. 452.

² Там же, т. 23, стр. 2.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

*От марта 1871 года
к Октябрю 1917 года*

Солидарность трудящихся Англии и Германии с парижскими коммунарами. — Коммуна и трудящиеся Венгрии. — Коммуна и польское революционное движение. — Заключение в тюрьму Августа Бебеля и Вильгельма Либкнехта за их выступления в защиту коммунаров. — Карл Маркс и Ленин об уроках Парижской Коммуны. — Торжество идей, во имя которых боролись и умирали коммунары. — Мощь социалистического лагеря и рост влияния международного рабочего и коммунистического движения

Парижская Коммуна в силу международного характера некоторых ее требований не могла пройти бесследно и не вызвать отклика у трудящихся всех стран.

Несмотря на политику изоляции Коммуны, жестоко проводившуюся версальцами, за границей в большей или меньшей степени знали о том, что происходило в Париже.

Так, например, в воскресенье 16 апреля в лондонском Гайд-парке под руководством Демократической лиги состоялся народный митинг в поддержку Парижской Коммуны. Обращение, принятое присутствующими, приветствовало коммунаров как пионеров и строителей нового «социального строя» и разоблачало версальцев как «достойных последователей героя декабрьского переворота, подлых прислужников деспотов Европы»¹.

Лондонская газета «Standard» писала 19 апреля о Парижской Коммуне:

«Коммуна приобрела в Париже много сторонников благодаря своим декретам о квартирной плате и о пенсиях вдовам национальных гвардейцев. Штурм

¹ Это обращение было зачитано на заседании Коммуны 21 апреля. В ответ Коммуна приняла благодарственное обращение «К английским республиканцам». — *Прим. ред.*

Парижа был бы сопряжен с большими трудностями».

В «Journal Officiel» Коммуны 22 апреля была перепечатана статья из брюссельского еженедельника «Liberté», в которой говорилось:

«Пусть наши друзья из Коммуны, презревшие клевету и смерть во имя защиты своих принципов, не отчаиваются, даже если они будут побеждены; но этого не случится. Это они открыли эру органического социализма. Мы далеко ушли вперед как от путаного и мистического февральского движения, так и от стихийного июньского восстания. Организация сплотила ряды рабочего класса, и она впервые одержала победу. История не знала более торжественного момента. Рабочий народ проявил энергию, являющуюся отличительной особенностью тех классов, которые невозможно более подавить, единодушные в действиях, которое служит залогом победы, богатство людьми и богатство идей, которое является гарантией будущего...

И в то время, как Париж сражается, во всех его кварталах словно из-под земли вырастают комитеты, призванные поддерживать его пыл и энергию. О наивные люди, вы кричите, что в Париже царит анархия, только потому, что его демократия изобилует людьми, жаждущими проявить себя, пылкими в борьбе, до безумия любящими свободу и независимость, но едиными в общем деле...

Какое величественное зрелище являет этот Париж, один поднявший перед лицом всего мира красное знамя и вот уже двадцать дней победоносно удерживающий его! Он рассчитывал сперва на провинцию, но реакция сломила ее. Он победит один...»

В номере от 24 апреля «Journal Officiel» поместил сообщение из Португалии, которое свидетельствовало о большой активности международного рабочего движения, усилившегося, несомненно, под влиянием победоносной революции 18 марта.

«Интернационал, — писала в номере от 15 апреля лиссабонская «Diário de Notícias», — распространяется все шире и шире, создавая свои ответвления

во всех частях Европы. Во Франции, Бельгии, Германии, Швейцарии, России, Италии и Испании активно действуют его агенты. Эта пропаганда ведется с большим успехом в Бирмингеме, Ноттингеме, Ньюкасле, Брайтоне и Шеффилде — одним словом, во всех крупных промышленных центрах.

Две газеты, «Reynold's Newspaper» и «Eastern Post», являются органами Интернационала. Эти газеты широко распространены среди рабочего класса. Крупные суммы вносятся по подписке; все средства используются, чтобы объединить всех трудящихся Европы¹. Никогда еще, — добавляет газета, — пролетариат не был так подготовлен к тому, чтобы нанести удар по остаткам феодализма и монархизма».

2 мая «Journal Officiel» опубликовал обращение к трудящимся Парижа, единодушно принятое на собрании социалистов в Ганновере, на котором присутствовало 3 тысячи человек. В этом документе говорилось:

«Нет, вы не банда разбойников, убийц и грабителей. Мы видим в вас пролетариат, борющийся за права человека. Трудящиеся Франции! Вы являетесь авангардом армии, сражающимся за освобождение всего мира; взоры его прикованы к вам, симпатии его на вашей стороне, он рассчитывает на вас».

И «Journal Officiel» добавлял, что «Norddeutsche Allgemeine Zeitung»,

«публикуя это обращение, напоминала о чувствах уважения и симпатии, которые французская пресса и даже дипломатические представители правительства 4 сентября проявляли во время войны к некоторым немецким патриотам, выступившим против аннексии Эльзаса и Лотарингии. И прусская газета спрашивала, сохранят ли Бебель и Либкнехт, которых считали в то время во Франции выдающимися

¹ В этом сообщении португальской буржуазной газеты было, разумеется, много преувеличений. В России в то время не существовало организаций Интернационала; лишь небольшая группа русских революционных эмигрантов создала в марте 1870 года в Женеве «Русскую секцию» Интернационала. Не было в распоряжении Интернационала и тех крупных денежных сумм, о которых говорится в этом сообщении. — *Прим. ред.*

личностями, свой престиж и теперь, когда они прославляют действия Центрального комитета и правительства Ратуши».

Действительно, руководители немецких социалистов Август Бебель и Вильгельм Либкнехт, протестовавшие против аннексии Бисмарком Эльзас-Лотарингии, заявили о своей солидарности с коммунарами Парижа, к которому обращали свои взоры сознательные трудящиеся всех стран.

Если сражавшийся Париж вызывал за границей уважение, то версальская клика подвергалась там суровому осуждению.

Так, например, газета «Times» напечатала резкую статью о том, как живет Версаль. В этой статье говорилось:

«Версаль — это новый Кобленц¹, Кобленц 1871 года. Разница только в том, что некогда был Кобленц аристократии, а теперь — Кобленц буржуазии; настал и ее черед...

Банкиры, торговцы, капиталисты, люди с большими доходами, чиновники правительственных учреждений, крупные и мелкие, от нечего делать проводят свое время на улице Резервуар или под старыми вязами парка, критикуют, дают советы, зубоскалят, как они это делали бы на парижских бульварах. Они выражают свое презрение к империи, которая дала им возможность обогатиться, объявляют себя легитимистами, орлеанистами, а если потребуется, то и республиканцами. И если Республика вернет им их ложу в Опере, обеспечит спокойствие в Париже, спокойствие, которое приведет к оживлению деловой активности, то эти люди готовы стать кем угодно, только не бонапартистами, хотя когда-то они с энтузиазмом отдавали свои голоса за империю во время плебисцитов.

«Империя разорила нас, она лишила нас покоя, затеяла вопреки нашему желанию войну, войну безумную и губительную. Вот что значит доверять

¹ Город в Западной Германии, бывший центром французской контрреволюционной эмиграции в период революции 1789—1794 годов. — *Прим. ред.*

судьбы страны одному человеку!» — так они рассуждают, но мгновение спустя, обсуждая серьезным тоном создавшееся положение, они уже не знают, ни куда они идут, ни чего они желают — монархии или республики, всё критикуя и приходя к выводу, что нельзя более жить в условиях анархии и что нужна железная рука, чтобы все спасти».

Эта картина, с некоторыми коррективами, сохраняет известную актуальность и ныне, если иметь в виду некоторые круги общества и их отношение к режиму личной власти.

Известно, что Парижская Коммуна, которая была движением, вышедшим из национального протеста против сообщников чужеземных врагов Франции, вдохновлялась в то же время самыми высокими и благородными чувствами интернационализма. Венгерский рабочий-революционер Лео Франкель был не только выдвинут кандидатом и избран членом Парижской Коммуны, но ему доверили ответственный пост в правительстве Коммуны — пост делегата труда.

Венгерские рабочие знали о том, что один из них играет важную роль в Парижской Коммуне; с радостью встретили они провозглашение Парижской Коммуны и торжество революции 18 марта. Геза Шульгоф, принимавший в то время участие в венгерском рабочем движении, писал впоследствии по этому поводу:

«Только рабочие признали важное значение парижских событий. Они начали повсеместно действовать, с гордостью взирая на своих парижских братьев, которые придавали новое, еще большее значение социализму. Общий поток увлек венгерских рабочих, стачки вспыхивали, так сказать, стихийно».

Венгерское правительство подавило стачечное движение. Оно прибегло к арестам, но рабочие Будапешта организовали манифестацию, протестуя против этих репрессий, и направили в парламент петицию с требованием освободить заключенных. Рабочие направились к парламенту, проникли в его здание и заняли трибуны, но в конце концов были удалены оттуда полицией.

В те дни, когда Парижская Коммуна вела борьбу с врагами, один венгерский журналист писал:

«Граждане! Угнетенные народы везде пробуждаются и требуют свободы! Вот уже почти два месяца, как парижский народ борется против тирании угнетателей. Он не хочет больше ни императора, ни короля, ни массы никчемных попов, ни даже **такой** республики, где народ не имеет влияния. Чего он хочет — так это народной республики.

Граждане! Это от вас родина ожидает лучшего будущего. Прошлое принадлежало вельможам, даже настоящее отчасти еще принадлежит им, но будущее принадлежит народу».

Рабочие Венгрии, возлагавшие столь большие надежды на победу Парижской Коммуны, были сильно удручены событиями «Кровавой недели». Горечь и гнев переполнили их сердца. Они организовали массовую манифестацию в знак солидарности с Парижской Коммуной, задушенной после героического сопротивления.

Многолюдная толпа присутствовала на собрании, на котором было решено, что рабочие пройдут по городу с черными повязками в знак траура, «чтобы показать буржуазии, что, несмотря на поражение Парижской Коммуны, рабочие не считают свое дело погибшим».

По словам одного очевидца, демонстранты двигались нескончаемой вереницей; дойдя до городского парка, они запели «Марсельезу», сопровождая каждую строфу ее словами: «За новую революцию, за всемирную революцию!..»

В ответ на это 12 июня 1871 года полиция арестовала руководителя рабочих Андреаса Шей, а также многих деятелей Всеобщего рабочего союза.

Эти активисты провели долгие месяцы в предварительном заключении. Судебный процесс над ними начался лишь в апреле 1872 года. Властям не удалось доказать их виновность, и они были оправданы за исключением одного.

Эти преследования нанесли серьезный удар венгерскому рабочему движению, но это несколько не ослабило глубокого влияния Парижской Коммуны на пролетариат Венгрии.

Лео Франкель, переживший Коммуну, одним из блестящих защитников которой он был, писал о ней в 1887 году:

«Революция, рождение которой было отпраздновано 18 марта на Монмартре, была не просто еще одной революцией, последовавшей за многими другими. Это была новая революция, поставившая перед собой новую цель; революция новая, ибо она являлась рабочей революцией. Коммуна стремилась не просто к учреждению и упрочению республики, она жаждала создания республики, основанной на труде... Она поставила своей целью положить конец эксплуатации человека и классовому господству. Невзирая на проклятия попов, на угрозы и насмешки правящего класса, несмотря на все бедствия и все опасности, великий идеал, воодушевлявший борцов Коммуны, будет и далее распространяться в массах, пока в один прекрасный день не приведет угнетенных к окончательной победе и к освобождению рабочего класса. Для нас, для нашего брата, 18 марта возвещает новый мир, новое общество».

*

Домбровский и Врублевский, польские патриоты, эмигрировавшие во Францию, были выдающимися военачальниками Парижской Коммуны. Домбровский, бывший кадровым офицером, стал на службу Франции, воевавшей против Германии, тотчас же после провозглашения республики; ему было доверено командование польским контингентом гарибальдийских отрядов, которые сражались во Франции.

Но Трошю, ненавидевший Домбровского, выдвинул против него гнусное обвинение, будто он является «прусским шпионом», помешав ему выполнить свою миссию.

В тяжелый период разочарований, который наступил после 4 сентября 1870 года, в Париже были созданы многочисленные клубы. Организовались и польские эмигранты. Активная социалистка Полина Менк¹, полька по происхождению, способствовала сближению республиканских кругов Парижа и польских эмигрантов, которые приняли активное участие в его общественной жизни.

Сразу же после победоносного восстания 18 марта

¹ Ее настоящая фамилия была Менкарская (Паулина). — *Прим. ред.*

Домбровский установил связь с Центральным комитетом, но последний допустил серьезную ошибку, доверив командование национальной гвардией Люлье. Мы знаем, что вскоре Домбровский стал играть первостепенную роль в качестве командующего вооруженными силами Коммуны.

Это был смелый военачальник, мужество которого вызывало всеобщее восхищение и завоевало ему безграничное доверие его солдат. Раненный в живот за баррикадой на углу улицы Мирра и бульвара Барбес в тот момент, когда он сошел с коня, он был доставлен в госпиталь Ларибуазьер, где вскоре и умер. Его тело было перевезено в Ратушу и выставлено в мундире генерала Коммуны, завернутым в красное знамя. Солдаты и офицеры со слезами на глазах стояли в карауле у тела своего командира, которого пытались так подло оклеветать и которого они так горячо любили.

Врублевский, польский офицер, участник польского восстания 1863 года, командовал южным сектором. Во время боев «Кровавой недели» он задержал наступление генералов Дуэ и Кленшана.

Военные и гражданские силы на левом берегу Сены находились под командованием Врублевского, который после падения Монмартра советовал сконцентрировать здесь сопротивление. Когда XV округ, а затем XIV и VII округа были частично заняты версальцами, коммунарам после упорной защиты Круа-Руж, организованной сообществом Врублевским, Лисбонном и Варленом, пришлось в ночь с 24 на 25 мая отступить к Пантеону. Врублевский разместил свой штаб в мэрии округа Гобеленов, где находился Шарль Лонге, расположил свои резервы вокруг площади Италии и укрепил свои позиции на Бютт-о-Кай, где были сосредоточены последние батальоны XIII округа.

Под его командованием войска левого берега Сены перешли в полном порядке Аустерлицкий мост и под адским огнем версальских канонерок (которые поднимались вверх по Сене) попытались добраться до площади Бастилии, следуя вдоль берега канала. Но удержаться там более нескольких часов было невозможно; пришлось свернуть в кривые улицы, поднимающиеся к Пер-Лашез, где еще стреляли пушки федератов. Врублевский приказал установить последние батареи, которыми он еще рас-

полагал, на платформе на склоне холма. Но конец приближался, он наступил после последних боев, которые разыгрались на кладбище Пер-Лашез.

Наряду с Домбровским, его братом и Врублевским за Коммуну сражались и многие другие поляки. Член Коммуны Бабик¹ был поляк, так же как и Ландек², посланный Коммуной со специальной миссией на юг. Невозможно перечислить всех поляков, которые участвовали в боях парижского народа, разделяя его надежды и горести.

С поляками, принимавшими участие в борьбе Парижской Коммуны, версальцы расправлялись так же зверски, как и с их французскими товарищами. Тех и других расстреливали на месте; так поступили, например, с поляками, защищавшими баррикаду на улице Руаяль. Капитан Гарсен, виновный в казни Мильера, писал в своем докладе:

«Всех тех, кто носил итальянскую или польскую фамилию, военные суды приговаривали к смертной казни без всяких объяснений».

Бывший председатель Лиги патриотов³ Морис Баррес вынужден был признать это в своих «Записках». Он писал:

«Латур дю Пен рассказывал Жюде, а этот последний рассказал сегодня (25 июля 1909 года) мне о подвигах Галиффе во времена Коммуны. Генерал Ладмиро поручил Галиффе доставить в Версаль 2500 пленных коммунаров. В пути этот последний приказал колонне остановиться и, обратившись к коммунарам столь же любезно, как если бы это происходило в салоне, сказал: «Господа... некоторые из вас, возможно, могут сослаться на иностранные миссии или посольства... В таком случае я прошу их выйти вперед...»

Иностранцы, обманутые этой вежливостью, которая, казалось, предвещала им свободу, вышли вперед. «Я научу вас не вмешиваться в наши дела...» —

¹ Его настоящее имя — Бабицкий, Юлиуш. — *Прим. ред.*

² Его настоящее имя — Ландовский, Ян-Людвиг. — *Прим. ред.*

³ Монархическая и националистическая организация во Франции, основанная в конце XIX века. — *Прим. ред.*

заявил им тогда Галиффе и приказал расстрелять их».

Борьба Парижской Коммуны способствовала упрочению уз, связывающих французский народ с польским народом.

*

В Германии дело Парижской Коммуны мужественно защищал депутат социал-демократ Август Бебель, который в разгар «Кровавой недели» 25 мая 1871 года заявил в рейхстаге:

«Будьте уверены, господа, что весь европейский пролетариат и все те, в чьих сердцах еще живо чувство свободы и независимости, с надеждой взирают на Париж. И если даже в настоящий момент Париж покорён, то я напому вам, что парижская битва — это лишь небольшая схватка на аванпостах, что главное в Европе еще впереди и что не пройдет и нескольких десятилетий, как боевой клич парижского пролетариата: «Мир хижинам, война дворцам, смерть нужде и тунеядству!» — станет боевым кличем всего европейского пролетариата».

Другой руководитель германской социал-демократии, Вильгельм Либкнехт, который вместе с Августом Бебелем заявил о своей солидарности с Парижской Коммуной, четыре месяца спустя после ее подавления снова без колебаний подтвердил свою верность Коммуне. Он доказал на примере Коммуны жизненную силу социализма, который считали мертвым после 1848 года¹: чтобы обуздать его в Париже, потребовались не только усилия солдат армии «порядка», поддержанной пруссаками, но восемь дней уличных боев.

Солидарность германской социал-демократии с Парижской Коммуной не ограничивалась, разумеется, одними выступлениями в рейхстаге.

В своей «Истории германской социал-демократии» Франц Меринг писал по поводу Коммуны:

«Повсюду, где существовал в Германии сознательный пролетариат, революционное восстание па-

¹ То есть после кровавого подавления июньского восстания парижских рабочих, — *Прим. ред.*

рижских рабочих было встречено громким ликованием. Ни лассальянцы¹, ни эйзенахцы² не колебались ни одной минуты: массовые собрания в Берлине, Гамбурге, Бремене, Ганновере, Эльберфельде, равно как в Дрездене, Лейпциге и Хемнице высказали свое сочувствие и глубокое уважение социальной революции в Париже и послали ее борцам братский привет немецких рабочих. «Sozialdemokrat» и «Volksstaat» с одинаковым превосходством высмеивали «наивную беззастенчивость» некоторых буржуазных газет, требовавших от социал-демократов, чтобы те отреклись от Парижской Коммуны»³.

Следуя примеру Карла Маркса, Либкнехт и Бебель от имени своей партии прославляли Парижскую Коммуну как славное событие в истории международного рабочего движения.

Следуя примеру Карла Маркса, Либкнехт и Бебель защищали борцов Коммуны, разъясняя, почему они взялись за оружие, но месть Бисмарка поразила своими коварными стрелами Либкнехта и Бебеля: некоторое время спустя, а именно в марте 1872 года, их обвинили в государственной измене и на Лейпцигском процессе приговорили к двум годам заключения в крепости, которые они провели в Губертсбурге.

В дальнейшем опыт Парижской Коммуны лег в основу важнейших теоретических дискуссий, развернувшихся в германском социалистическом движении.

Опираясь на опыт Коммуны, Карл Маркс писал в 1875 году в «Критике Готской программы»:

«Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответ-

¹ Сторонники Фердинанда Лассалья, руководителя немецкой социал-демократии, основавшего 20 марта 1863 года Всеобщий германский рабочий союз. Незнание марксизма привело Лассалья к созданию антимарксистской теории «железного закона» заработной платы и цен, к тому, что он погряз в болоте «национального социализма и социального реформизма».

² Так называли сторонников Социал-демократической рабочей партии Германии, учредительный съезд которой состоялся по инициативе В. Либкнехта и А. Бебеля 7 августа 1869 года в Эйзенахе.

³ Ф. Меринг, История германской социал-демократии, М., 1907, т. IV, стр. 20.

ствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*¹.

Ленин внимательно изучал опыт Парижской Коммуны, чтобы извлечь из него полезные уроки для международного пролетариата. Выступая в Женеве 18 марта 1908 года по случаю трех пролетарских годовщин — 25-летия со дня смерти Карла Маркса (1883), 60-летия мартовской революции 1848 года и годовщины Парижской Коммуны, Ленин говорил о парижской революции 1871 года в следующих выражениях:

«После государственного переворота, завершившего революцию 1848 года, Франция на 18 лет подпала под иго наполеоновского режима. Этот режим довел страну не только до разорения экономического, но также до унижения национального. Восставший против старого режима пролетариат взял на себя две задачи — общенациональную и классовую: освобождение Франции от нашествия Германии и социалистическое освобождение рабочих от капитализма. В таком соединении двух задач — оригинальнейшая черта Коммуны»².

Далее Ленин показал, что представлял собой в действительности патриотизм правящих кругов буржуазии:

«Истинная подкладка буржуазного «патриотизма» не замедлила обнаружиться. Заключив позорный мир с пруссаками, версальское правительство приступило к прямой своей задаче — и предприняло набег на страшное для него вооружение парижского пролетариата. Рабочие ответили провозглашением Коммуны и гражданской войной»³.

Прославляя революционную борьбу парижских пролетариев, Ленин заявлял далее:

«Но при всех ошибках Коммуна есть величайший образец величайшего пролетарского движения

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, М., 1955 г II, стр. 23.

² В. И. Ленин. Соч., изд. 5, т. 16, стр. 451.

³ Там же, стр. 452.

XIX века. Маркс высоко оценил историческое значение Коммуны — если бы во время предательского набега версальской шайки на оружие парижского пролетариата рабочие без боя дали бы отнять его, то гибельное значение деморализации, внесенной такой слабостью в пролетарское движение, было бы во много и много раз тяжелее ущерба от потерь, которые понес рабочий класс в бою, защищая свое оружие. Как ни велики жертвы Коммуны, они искупаются значением ее для общепролетарской борьбы: она всколыхнула по Европе социалистическое движение, она показала силу гражданской войны, она рассеяла патриотические иллюзии и разбила наивную веру в общенациональные стремления буржуазии. Коммуна научила европейский пролетариат конкретно ставить задачи социалистической революции.

Урок, полученный пролетариатом, не забудется. Рабочий класс будет пользоваться им, как воспользовался уже в России, в декабрьское восстание»¹.

В работе «Государство и революция» Ленин подчеркивал, что Парижская Коммуна, первое пролетарское государство, осуществило слом буржуазной государственной машины с ее различными органами подавления. Коммуна заменила постоянную армию вооруженным народом; совершенно реорганизовала полицию, состоявшую на службе у власть имущих; сократила и упростила бюрократию; поставила духовенство, это орудие духовного угнетения, на его место, отделив церковь от государства; заменила судейское сословие, якобы независимое, но всецело преданное капиталу, новыми судебными органами, избираемыми и ответственными перед народом, который имеет право сменять судей.

Именно на основе опыта Коммуны Карл Маркс пришел к выводу, что рабочий класс не может просто завладеть государственной машиной и использовать ее в своих собственных целях, но должен разбить ее и создать новый аппарат власти, отвечающий его классовым интересам, выразителем и защитником которых явится новое, пролетарское государство.

Парижская Коммуна была правительством пролетарской диктатуры, а, как показал Ленин в своей работе

¹ В. И. Ленин, Соч., изд. 5, т. 16, стр. 453.

«Государство и революция», диктатура пролетариата, представляющая собой более высокую форму демократии по сравнению с буржуазной демократией, необходима, чтобы обеспечить победу социализма.

Вот что он писал об этом:

«Сущность учения Маркса о государстве усвоена только тем, кто понял, что диктатура *одного* класса является необходимой не только для всякого классового общества вообще, не только для *пролетариата*, свергнувшего буржуазию, но и для целого *исторического периода*, отделяющего капитализм от «общества без классов», от коммунизма... Переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: *диктатура пролетариата*»¹.

То, что писал Ленин о Парижской Коммуне в работе «Государство и революция» в августе — сентябре 1917 года, то есть накануне Великой Октябрьской социалистической революции, еще более углубляло и уточняло то, что он писал в 1911 году в статье «Памяти Коммуны»:

«Память борцов Коммуны читится не только французскими рабочими, но и пролетариатом всего мира. Ибо Коммуна боролась не за какую-нибудь местную или узконациональную задачу, а за освобождение всего трудящегося человечества, всех униженных и оскорбленных. Как передовой боец за социальную революцию, Коммуна снискала симпатии

¹ В. И. Ленин, Соч., изд. 4, т. 25, стр. 384—385.

«Обеспечив полную и окончательную победу социализма — первой фазы коммунизма — и переход общества к развернутому строительству коммунизма, — говорится в программе КПСС, принятой на XXII съезде, — диктатура пролетариата выполнила свою историческую миссию и с точки зрения задач внутреннего развития перестала быть необходимой в СССР. Государство, которое возникло как государство диктатуры пролетариата, превратилось на новом, современном этапе в общенародное государство, в орган выражения интересов и воли всего народа» («Материалы XXII съезда КПСС», М., 1961, стр. 396). Но руководящая роль рабочего класса как самой передовой, организованной силы советского общества осуществляется и в период развернутого коммунистического строительства. — *Прим. ред.*

всюду, где страдает и борется пролетариат. Картина ее жизни и смерти, вид рабочего правительства, захватившего и державшего в своих руках в течение свыше двух месяцев столицу мира, зрелище героической борьбы пролетариата и его страдания после поражения, — все это подняло дух миллионов рабочих, возбудило их надежды и привлекло их симпатии на сторону социализма. Гром парижских пушек разбудил спавшие глубоким сном самые отсталые слои пролетариата и всюду дал толчок к усилению революционно-социалистической пропаганды. Вот почему дело Коммуны не умерло; оно до сих пор живет в каждом из нас.

Дело Коммуны — это дело социальной революции, дело полного политического и экономического освобождения трудящихся, это дело всесветного пролетариата. И в этом смысле оно бессмертно»¹.

Аналогичную мысль высказал в 1949 году Морис Торез в речи, произнесенной на конференции Федерации Сены Французской коммунистической партии:

«Наш народ может гордиться богатой революционной традицией: ведь это парижский пролетариат первым поднял во время Коммуны знамя диктатуры пролетариата. Но другие народы пошли дальше и в свою очередь, признаем это, стали новаторами, у которых мы можем многому научиться, притом во всех областях».

Опыт Парижской Коммуны обогатил в теоретическом отношении весь мировой пролетариат. Ныне, спустя 90 лет после славной эпопеи Парижской Коммуны, продолжатели дела коммунаров Парижа могут с гордостью взглянуть на пройденный путь.

Спустя 46 лет после Парижской Коммуны, закончившейся поражением трудящихся Парижа, Октябрьская социалистическая революция 1917 года, которую привел к победе Ленин, явилась своего рода первым реваншем социализма над его врагами, считавшими, что он уничтожен навсегда.

¹ В. И. Ленин, Соч., изд. 5, т. 20, стр. 221—222.

Ныне, когда мировой пролетариат отмечает 90-ю годовщину Парижской Коммуны, в мире произошли изменения огромной важности.

Мощь и влияние мировой социалистической системы, господствующей на территории от Эльбы до Тихого океана, неуклонно возрастают. Колониальная система быстро распадается под ударами национально-освободительных движений. В силу растущего обострения классовых битв все яснее вырисовывается перспектива разложения и распада мировой капиталистической системы.

Как подчеркнуло Совещание представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшееся в Москве в ноябре 1960 года:

«Главная отличительная черта нашего времени состоит в том, что мировая социалистическая система превращается в решающий фактор развития человеческого общества»¹.

Мы ушли далеко вперед по сравнению с тем этапом развития, на котором находилась 90 лет тому назад не только Парижская Коммуна, но и международное рабочее движение в целом. В то время оно пребывало в значительной степени под влиянием мелкобуржуазной идеологии прудонистов и анархистов-бакунистов, которые даже внутри I Интернационала боролись против теории научного социализма, против теории марксизма.

Большой вред причинило Коммуне то, что среди ее руководителей не было людей, глубоко усвоивших марксистское учение. В 1871 году произведения Маркса и Энгельса не получили еще во Франции широкого распространения. Этим и объясняется идеологическая слабость французского рабочего движения той эпохи.

Теперь положение в корне изменилось. Ныне учение Маркса, обогащенное Лениным, учение, жизненность которого доказана в Советском Союзе и во всех социалистических странах, является идеологическим оружием миллионов коммунистов и трудящихся всего мира, которые поставили своей задачей добиться повсюду победы социализма.

Советский Союз строит коммунистическое общество. Победа Китайской Народной Республики изменила об-

¹ «Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий», М., 1960, стр. 8.

лик азиатского континента. Все страны социалистического лагеря заложили основы социализма, а некоторые из них уже вступили в период развернутого строительства социалистического общества.

Хотя опасность новой мировой войны продолжает существовать, пока существует империализм, однако в связи с новым соотношением сил ныне можно с успехом пресечь попытки развязать такую войну, объединив усилия социалистического лагеря, международного рабочего класса, национально-освободительного движения, всех стран, выступающих против войны, и всех миролюбивых сил земного шара.

Итак, социализм, великий идеал, за который сражались и умирали коммунары Парижа, стал в глазах народов всего света силой мира, влияние которой непрерывно возрастает.

Благодаря победам, одержанным под знаменем социализма, еще до полной победы социализма на земле и даже при сохранении капитализма в части мира можно будет исключить мировую войну из жизни общества.

Спустя 90 лет после Парижской Коммуны притягательная сила идей социализма стала так велика, что можно предвидеть наступление такого момента, когда рабочий класс, опираясь на единство действий трудящихся масс, сможет завоевать власть и передать основные средства производства в руки народа, не прибегая к гражданской войне.

Но совершенно очевидно, что, если эксплуататорские классы прибегнут к насилию против народа, у последнего не останется иного выхода, как ответить на это насилие с той самоотверженностью и мужеством, которые были проявлены коммунарами Парижа.

Один из важнейших уроков, какой следует извлечь из славного опыта Коммуны, заключается в том, что нужно бороться против раскольнических действий, к которым постоянно прибегают враги рабочего класса. Цель раскольнических действий, к которым прибегают политики, состоящие на службе у капиталистических монополий, — увлечь рабочий класс на путь сотрудничества с имущими классами. Этим объясняется и их антикоммунизм, то есть борьба против авангарда рабочего движения, для которого социализм не просто слово, но уже реальная действительность для значительной части

человечества и конечная цель, к которой придут все страны мира.

Сопоставляя ситуацию, существовавшую 90 лет тому назад, а именно: Париж Коммуны, блокированный версальцами и войсками Бисмарка, борющийся с непреклонной решимостью, но лишенный иной поддержки, кроме поддержки со стороны еще слабого рабочего движения других стран, — сопоставляя эту ситуацию с современной обстановкой, характеризующейся мощью социалистического лагеря и все возрастающим влиянием мирового коммунистического и рабочего движения, мы вправе гордиться и уверенно смотреть в будущее.

Не следует, разумеется, увлекаться пророчествами, но можно все же определить направление, по которому развиваются события. В августе 1960 года, когда я присутствовал на VIII съезде Народно-социалистической партии Кубы, замечательной страны, героический народ которой сражался вокруг Фиделя Кастро, чтобы отстоять свою свободу и независимость, один журналист спросил меня, как скоро наступит, по моему мнению, конец капитализма.

Я ответил ему, что было бы неразумно заниматься прогнозами подобного рода, но добавил: «События развиваются быстро. Если бы десять лет назад нам сказали, что мир будет выглядеть так, как он выглядит сегодня, мы с трудом поверили бы этому. Можно предвидеть, что к столетию Парижской Коммуны, которое будут праздновать во всем мире, а также и во Франции, режим которой уже не будет, конечно, режимом личной власти, несомненно, произойдут новые важные изменения».

Эти изменения выразятся в дальнейшем расширении побед социализма, в дальнейшем продвижении человечества вперед по пути к новому миру, предвестницей которого была Парижская Коммуна.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Стена федератов

Место, священное для трудящихся всего мира. — Ленин у Стены федератов. — Славные могилы у Стены федератов. — Боевой гимн трудящихся — «Интернационал», рожденный Парижской Коммуной. — Бойцы 1871 года — предвестники нового мира

Правящие круги французской буржуазии времен Парижской Коммуны питали лютую, можно сказать, звериную ненависть к этим парижанам, которые, поднявшись «на штурм неба», стали предвестниками нового мира. Эту ненависть унаследовали от версальцев их преемники.

Впрочем, идеологи буржуазии не любят вспоминать о революционном прошлом даже своего собственного класса. Ведь не случайно, что великих буржуазных революционеров конца XVIII века — Робеспьера, Марата и Сён-Жюста — чтят трудящиеся, тогда как правящие круги буржуазии игнорируют этих деятелей или клеветуют на них.

Восстав против революционной Франции 1792 года, французские аристократы, эмигрировавшие в Кобленц, вступили в сговор с врагами своей родины. Для них она утратила всякое значение с того момента, как их лишили феодальных привилегий.

В 1871 году правящие круги буржуазии были в гораздо большей мере наследниками кобленцских эмигрантов, чем революционных патриотов, поднявшихся против европейской монархической и феодальной коалиции. Тьер и Бисмарк прекрасно договорились между собой против парижских коммунаров, потому что классовые интересы были для них превыше всего.

Буржуазные публицисты, которые в начале войны 1870 года похвалялись своим шовинизмом и старались

перешеголять друг друга в антипруссачестве, прониклись теперь к солдатам Бисмарка нежностью, столь же великой, как и их ненависть к коммунарам.

Франсиск Сарсэ, примирившись с пруссаками, с восторгом прислушивался к тому, как они произносили свое «*ја*» (да):

«Это «*ја*»... казалось, говорило: «Да, бедный француз, мы здесь, теперь не бойся ничего... Ты тут в свободной стране, на дружественной земле, «*ја*», под защитой баварских штыков».

Итак, перед лицом первой пролетарской революции правящие круги буржуазии подчинили национальные интересы страны своим классовым интересам. С переходом капиталистической системы к стадии ее загнивания, к стадии империализма, правящие круги буржуазии все более и более проникаются духом космополитизма.

Одна из газет того времени, «*Moniteur universel*», потребовала восстановления эшафота, который был уничтожен коммунарами¹, чтобы, как выразилась она, не оказывать им (коммунарам) «чести, расстреливая их».

Подобные заявления, как бы ни были они чудовищны, имели место и в дальнейшем. В 1940 году один «*мюнхенец*» также потребовал гильотины для коммунистов, считая, что они недостойны расстрела.

У коммунаров есть продолжатели их дела. Версальцы также имеют преемников. Но если рабочий класс открыто заявляет о том, что считает себя наследником коммунаров, то реакционная буржуазия испытывает некоторое смущение, не решаясь открыто провозгласить себя наследницей тех преступников, которые потопили в море крови славную эпопею Парижской Коммуны.

Официальная пропаганда окружает молчанием историю Коммуны или же извращает ее. Среди врагов рабочего класса наблюдается тенденция говорить о «мифе» Парижской Коммуны², как если бы дело шло о какой-то

¹ 6 апреля 1871 года на площади перед мэрией XI округа Парижа по постановлению окружного подкомитета была сожжена гильотина. — *Прим. ред.*

² Имеются в виду попытки реакционных историков опровергнуть марксистско-ленинскую концепцию Коммуны как первого опыта диктатуры пролетариата. — *Прим. ред.*

выдумке, имеющей весьма отдаленное отношение к реальности.

Люди, которые хотели бы помешать продвижению человечества вперед, боятся правды. Они хотели бы окружить Коммуну густым туманом, чтобы помешать разглядеть ее истинный характер, оценить ее революционное величие и те перспективы, которые она открыла.

Французская коммунистическая партия провозгласила себя продолжательницей той борьбы, которую начали в 1871 году парижские коммунары. Хотя в настоящее время борьба ведется в иных условиях, ее конечная цель все та же, какую ставили себе коммунары.

Трудящиеся не забывают того, что Парижская Коммуна имела для общей борьбы рабочего класса огромное значение. По выражению Ленина, она «научила европейский пролетариат конкретно ставить задачи социалистической революции»¹.

Практические меры Коммуны показали, как рабочий класс осуществляет демократические задачи, о которых буржуазные демократы умеют только говорить.

Разумеется, Парижская Коммуна, перед которой стояла двойная задача — защита национальных интересов страны ввиду капитулянтской политики буржуазии и защита классовых интересов пролетариата в борьбе с эксплуататорами-капиталистами, — проявила известную слабость в выполнении своей миссии, но осуществлению ее планов препятствовали объективные условия.

Действительно, Парижской Коммуне не удалось вырваться из той страшной изоляции, в которой ей пришлось действовать все 72 дня своего существования; ей не удалось втянуть в свою освободительную борьбу провинциальные города, а попытки достижения союза с крестьянскими массами остались безрезультатными. Но все это были трудно разрешимые тогда проблемы.

Ошибкой Коммуны было то, что она не приняла достаточно решительных мер, которые были необходимы, чтобы сокрушить капиталистов; она пощадила частную собственность банкиров, которым она оставила их банки, в том числе и Французский банк, принадлежавший главным воротилам финансовой олигархии.

¹ В. И. Ленин, Соч., изд. 5, т. 16, стр. 453.

Другой крупной ошибкой Коммуны было ее чрезмерное великодушие по отношению к своим врагам. Это проявилось в том, что она, к сожалению, слишком поздно начала вооруженную борьбу против версальцев. Великодушие Коммуны выразилось также в том, что она не приняла всех необходимых мер против своих врагов в Париже и против их газет.

Правда, время от времени она запрещала контрреволюционные газеты, но чаще всего они снова появлялись под другим названием. Причины этого положения коренятся в том, что Парижской Коммуне не доставало партии, вооруженной теорией научного социализма, партии, сильной своим идеологическим единством и способной сплотить массы и повести их на борьбу.

Изучение великого опыта Парижской Коммуны и анализа этого опыта в работе Карла Маркса «Гражданская война во Франции» (1871), а также изучение произведений Ленина привели Мориса Тореза к выводу о необходимости двух условий: «Единство пролетариата, его союз с крестьянством и средними слоями. И наличие подлинной коммунистической партии — как необходимое условие успеха».

В настоящее время рабочий класс располагает идеологическим оружием, которого не было у коммунаров: он располагает победоносным учением марксизма-ленинизма и сильными политическими организациями — коммунистическими и рабочими партиями.

В наше время трудящиеся, сочетая понимание национальных интересов страны с чувством интернациональной солидарности рабочего класса, не забывают о том, что и парижские коммунары были не только пламенными патриотами, но и последовательными пролетарскими интернационалистами (об этом свидетельствовало участие многих иностранных революционеров в событиях Парижской Коммуны).

Парижская Коммуна была подавлена, но она показала всему миру, на что способны правящие круги французской буржуазии, которые во имя своих классовых интересов совершили самую подлую измену. В то же время Парижская Коммуна показала пример солидарности трудящихся различных стран с парижскими революционерами.

В течение 72 дней Коммуна противостояла старым монархиям и реакционным правительствам всех стран как правительство нового типа, как предвестница великих переворотов.

Парижские революционеры 1871 года указали путь в будущее, и прав был поэт Эжен Пастье, говоря, что 18 марта Версаль, это олицетворение прошлого, ринулся на Париж, символ будущего. Этим и объясняется зверская жестокость, с какой версальцы обрушились на коммунаров, утопив их в море крови.

*

Один из самых драматических эпизодов страшных боев в дни «Кровавой недели» разыгрался среди могил кладбища Пер-Лашез. Бои на территории этого некрополя завершились расстрелом уцелевших коммунаров у Стены федератов.

Живя в Париже, Ленин не раз приходил к этой прославленной стене. И мы не можем забыть того, что в течение долгого времени в мавзолее на Красной площади, где покоится его тело, рядом с его стеклянным гробом находилось знамя Коммуны, старое, выцветшее знамя, наглядно олицетворявшее собой связь между коммунарами Парижа и героями Октябрьской социалистической революции 1917 года, отомстившими за поражение Коммуны в мае 1871 года.

3 декабря 1911 года Ленин выступил с речью у Стены федератов в связи с похоронами Поля Лафарга и его жены Лауры, дочери Карла Маркса. Лафарг и его жена похоронены возле Стены федератов. Рядом с их могилой находятся могилы других коммунаров, а именно Лефрансэ, Бенуа Малона, Жана Батиста Клемана и генерала Врублевского.

Каждый год парижский народ приходит сюда, чтобы отдать дань уважения героям и мученикам Коммуны. В течение долгого времени французские правящие круги чинили помехи организации этих манифестаций, но ничто не в силах стереть славные страницы, вписанные парижскими коммунарами в историю Франции и международного рабочего движения.

Во время гитлеровской оккупации Франции нацистские солдаты также запрещали возложение цветов к

подножию Стены федератов. Тем не менее Центральный комитет Французской коммунистической партии ежегодно возлагал к Стене федератов венок. Его, конечно, каждый раз быстро убрали, однако он свидетельствовал о том, что борьба, начатая в 1871 году, продолжается. А действия гитлеровских захватчиков говорили о том, что они испытывают определенный страх перед мертвецами 1871 года, ибо прав был поэт, сказавший: «Мертвые — это живые участники наших битв».

Поблизости от Стены федератов и от могил ряда коммунаров; расположенных перед ней, находятся другие могилы — яркое свидетельство силы влияния великого идеала, вдохновлявшего коммунаров. По обеим сторонам аллеи, ведущей к Стене федератов, покоятся останки славных деятелей, посвятивших всю свою жизнь борьбе за торжество дела, за которое сражались коммунары. Там находятся одна подле другой могилы Марселя Кашена, Поля Вайяна-Кутюрье, Анри Барбюса, Жана Ришара Блока¹, Марселя Виллара — защитника Георгия Димитрова на Лейпцигском процессе, Амбруаза Круаза — министра из рабочих² и поэта Поля Элюара, который в мрачные дни оккупации писал в своей поэме «Мужество»:

Как угорь — скользкий и тугой — как шпага,
Изобретательный и мудрый город,
Не терпишь ты несправедливой власти.
В ней беспорядок злейший для тебя.
И ты освободишься!³

Наряду с этими прославленными людьми, которые являются честью и гордостью Французской коммунистической партии, в этом особенно волнующем уголке кладбища Пер-Лашез похоронены и другие коммунисты, павшие в борьбе против гитлеровских захватчиков. Здесь хранят память и о самопожертвовании тех, кто, защи-

¹ Талантливый поэт и публицист, активный деятель ФКП. — *Прим. ред.*

² Это было в те годы, когда члены ФКП входили в состав французского правительства (1944—1947). — *Прим. ред.*

³ См. Поль Элюар, Избранные стихотворения, М., 1961, стр. 26.

шая республиканскую Испанию от фашизма, сражался за свободу и за Францию¹.

Рядом с Пьером Семаром², который, перед тем как пасть под пулями карательного взвода, написал последнее письмо, замечательное по своему мужеству и проницательности³, похоронены многие выдающиеся бойцы Сопротивления. Тут и те, кто был расстрелян в Шатобриане⁴, среди них Пьер Тэмбо, который бросил в лицо гитлеровским убийцам: «Да здравствует Коммунистическая партия Германии!» Тут и Гюи Мокэ, расстрелянный в семнадцать лет. Тут и депутат Шарль Мишель. Здесь покоятся и коммунисты — члены муниципального совета Парижа: Морис Гардет, Леон Фро, Ренэ Ле Галь, Раймон Лоссеран, Корантен Кариу и Жюль Оффрэ. Похоронен здесь и Луи Торез, брат генерального секретаря Французской коммунистической партии. Тут же погребены Люсьен Сампе⁵ и Морис Лаказет, Феликс Кадра, Жорж Политцер⁶, Жак Соломон⁷ и Артюр Далиде. Здесь покоится и доктор Пьер Рукэ, и генерал Жуанвиль. Похоронен тут и легендарный полковник Фабьен⁸.

Я называю лишь некоторых прославленных деятелей, которые похоронены вблизи Стены федератов. Но как

¹ Многие участники движения Сопротивления гитлеровским захватчикам во Франции защищали в качестве добровольцев Испанскую республику во время войны, которую вели против нее с 1936 года и до начала 1939 года Франко, Гитлер и Муссолини. И двадцать два года спустя во франкистской Испании, покрытой тюрьмами, все еще ожидают общей амнистии, которой требует испанский народ, а вместе с ним и все народы мира.

² Видный деятель Французской коммунистической партии, член ее Политбюро. — *Прим. ред.*

³ В этом письме Семар призывал своих товарищей-железнодорожников всемерно бороться против немецко-фашистских оккупантов и выражал уверенность в грядущей победе Советского Союза над гитлеровской Германией. — *Прим. ред.*

⁴ 22 октября 1941 года в г. Шатобриане гитлеровские оккупанты расстреляли 27 французских заложников (в том числе 23 коммунистов). — *Прим. ред.*

⁵ Деятель французского рабочего движения, коммунист, один из редакторов подпольной «Humanité». — *Прим. ред.*

⁶ Французский философ-коммунист, автор антифашистского памфлета «Революция и контрреволюция в XX веке». — *Прим. ред.*

⁷ Профессор-коммунист, зять знаменитого ученого Поля Ланжевена. — *Прим. ред.*

⁸ Национальный герой французского народа, один из самых выдающихся деятелей движения Сопротивления. Фабьен — это псевдоним, его настоящее имя — Пьер Жорж. — *Прим. ред.*

не назвать имена других героев, павших в борьбе против фашистских захватчиков, и в том числе Жана Катла, Жака Декура¹, Даниель Казанова² и Габриеля Пери³, тело которого так и не было найдено.

В своем прощальном письме, написанном перед самым расстрелом, Габриель Пери писал: «Если бы мне предстояло начать жизнь сначала, я пошел бы по тому же пути». Его героическую смерть воспел большой поэт Луи Арагон в своей замечательной «Балладе о том, как поют под пыткой». Вот эти ставшие бессмертными строки:

Под пулями успел он фразу
Пропеть: — К оружию, гражд...
И грянул залп. И рухнул сразу
Товарищ славный наш.
Но Марсельеза стала скоро
Той песнею другой,
Той самой лучшею, с которой
Воспрянет род людской⁴.

Этой «Марсельезой» для всего человечества является наш гимн борьбы и надежды — «Интернационал». Этот гимн вышел из недр Парижской Коммуны, так же как «Марсельеза» родилась в огне Великой французской революции.

Эжен Потье, автор «Интернационала», был избран членом Коммуны на выборах 16 апреля. Сразу же по окончании боев в Париже, когда повсюду звучали залпы карательных отрядов, когда версальские садисты, охваченные лютой ненавистью, чинили гнусную расправу над побежденными, Эжен Потье, исполненный веры в революцию и в будущее, написал в парижской мансарде, где он скрывался, «Интернационал»⁵.

Парижская Коммуна была разгромлена, но Эжен Потье знал, что дело коммунаров — это дело трудящихся

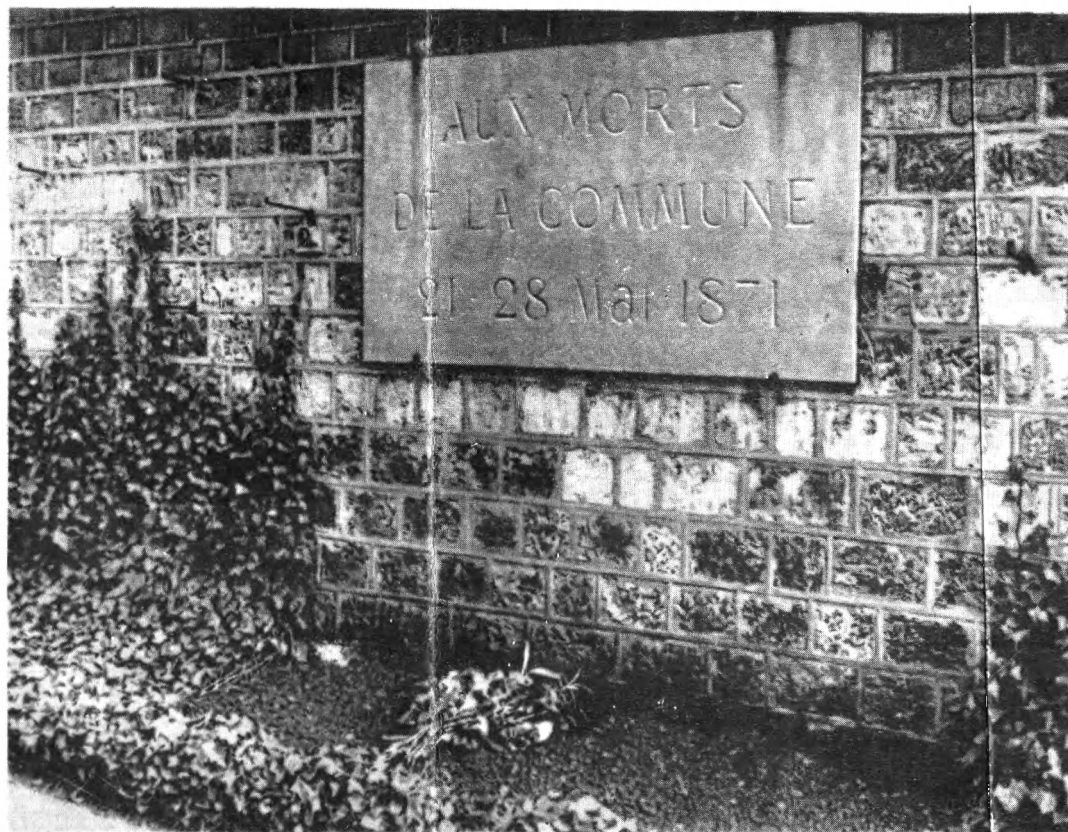
¹ Писатель и литературовед, коммунист, редактор подпольной антифашистской газеты «Lettres françaises». — *Прим. ред.*

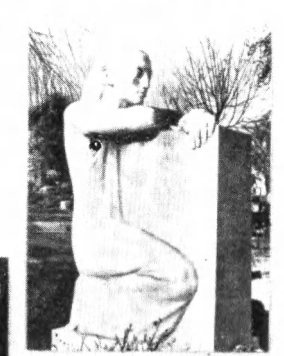
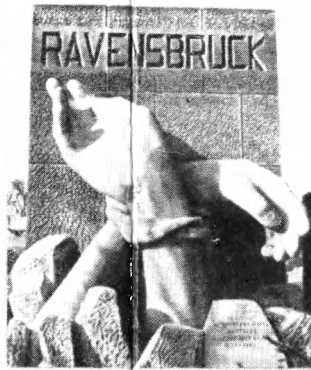
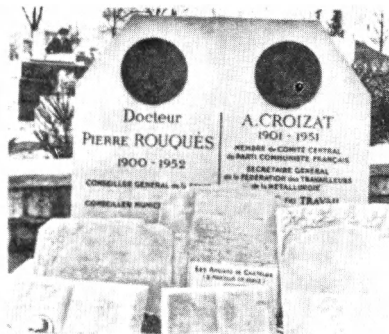
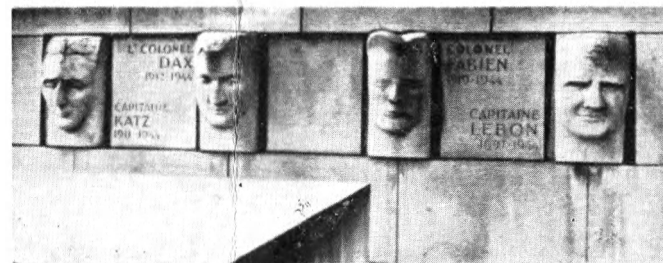
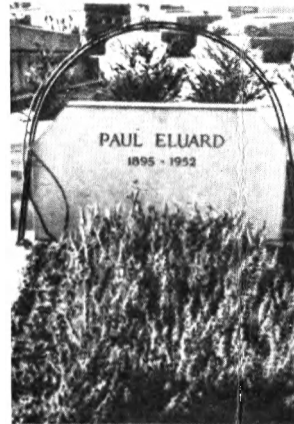
² Национальная героиня французского народа, выдающаяся деятельница движения Сопротивления, коммунистка. — *Прим. ред.*

³ Национальный герой французского народа, выдающийся деятель рабочего движения, член ЦК ФКП, замечательный оратор и публицист. — *Прим. ред.*

⁴ Луи Арагон; Избранные стихи, ОГИЗ, 1946, стр. 67—68.

⁵ Потье посвятил свой гимн члену Коммуны Лефрансэ. — *Прим. ред.*

PAUL VAILLANT-COUTURIER
1894-1957

Docteur
PIERRE ROQUES
1900-1952

A. CROIZAT
1901-1951
MEMBRE DU COMITE CENTRAL
DU PARTI COMMUNISTE FRANCAIS
SECRETAIRE GENERAL
DU RESISTANCE DES TRAVAILLEURS
DE LA TRAVAIL

MARCEL WILLARD
ECRIVAIN ET AVOCAT
1889-1966

DEFENSEUR DE G. DIMITROV
ET DE CERTAINES COMBATTANTS
POUR LA PAIX ET LA LIBERTE
SECRETAIRE GENERAL PROVISOIRE
DE LA JUSTICE, EN AOUT 1944

JEAN-PIERRE BLOCH
MANAGER ET POETE
1904-1944
MEMBRE DU BUREAU POLITIQUE
DU PARTI COMMUNISTE FRANCAIS
FUSILLE PAR LES NAZIS
LE 25 MAI 1942

RAVENSBRUCK

Gloire à nos héros
Gloire à nos martyrs de la résistance
FUSILLES PAR LES NAZIS
CHATEAUBRIANT

PIERRE TIMBALD
1904-1944
CHATEAU LALEY
1904-1944
TOUJOURS
1904-1944
LEONARD LEFVRE
1904-1944
MAURICE PILLET
1904-1944
CAEN
1904-1944
MONT-VALERIEN
1904-1944
PIERRE LACAN
1904-1944
NANTES
1904-1944
MAURICE LACROIX
1904-1944
RENE LEPAGE
1904-1944

WOOG JACQUES
ARCHITECTE

COMMANDEMENT DU 25.0.42 A LA
PRISON DE LA SALLE
AVEC SES CAMARADES
CHATEAUBRIANT

AD. F. M. L. N. 1942

JACQUES SCHIMMEL
1904-1942

FELIX CADRAS
1904-1942

GEORGES TILTZEN
1904-1942

PAROLES FUSILLES PAR LES NAZIS AU MONT-VALERIEN
LES 25 ET 30 MAI 1942

HENRI LOZERAY
1904-1942

ICEN DEPUTÉ DE PARIS, CONSEILLER DE LA SEINE FRANCAIS
FUSILLE AU CHEMIN DE LA MONT-VALERIEN

MAURICE LUIROT
1904-1942

NE LE 20 DECEMBRE 1908 MORT EN 1955
S DE LA MANIFESTATION COMMEMORATIVE DU 14-JUILLET

GEORGES DUPACH
1914-1942

Fusille par les NAZIS AU MONT-VALERIEN
LE 25 MAI 1942

GLOIRE A NOS ELUS
HEROS ET MARTYRS DE LA RESISTANCE
ASSASSINES PAR LES NAZIS

Maurice GARDETTE
1904-1944
LEON FROT
1904-1944
René LE GALL
1904-1944
Jules AUFFRET
1904-1944
René MAURIER
1904-1944
Raymond LATARGET
1904-1944

Raymond LOSSERAND
1904-1944
Cecile CAROUI
1904-1944
Charles MICHEL
1904-1944
Louis THOREZ
1904-1944
Aldred MARTIN
1904-1944

ILS SONT MORTS POUR QUE VIVE LA FRANCE!

всего мира. Он был уверен, что грядущие бои, которые он предвидел, развернутся на более широкой арене, чем то было во времена Парижской Коммуны.

Вставай, проклятем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!

Вслед за этим призывом, обращенным к эксплуатируемым всего света, Эжен Потье указывал цель, которую следует поставить и достигнуть:

Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем!

Этот боевой гимн, написанный в 1871 году и переложенный на музыку в 1888 году рабочим Пьером Дегейтером, стал гимном международного рабочего движения. И можно даже сказать, что предсказание Эжена Потье: «Мы наш, мы новый мир построим» — в значительной мере уже осуществилось.

Целый миллиард человеческих существ сбросил с себя оковы и гнет империализма. Они строят социализм, а Советский Союз, идущий в авангарде, находится на стадии построения коммунизма, который является завершающим этапом социалистического развития.

Отправной точкой всех этих побед социализма явилась Октябрьская социалистическая революция 1917 года, победоносно осуществленная под руководством Ленина. Не случайно один реакционный писатель в эпилоге своей книги, посвященной Коммуне, писал:

«Перед нами высится гора трупов — сорок тысяч человек — мужчин, женщин, детей...

30 мая под последним пролетом моста со стороны Тюильри по течению реки тянется длинная полоса крови. Это — следствие бойни. В сквере Сен-Жак побежденных зарыли, едва присыпав землей, и вот раздувшиеся трупы пробили этот тонкий слой, и глазам окружающих предстали руки и ноги позеленевших трупов, распространявших страшный смрад. Когда же наконец будет покончено с этой Коммуной?

¹ Пьер Доминик. — *Прим. ред.*

И вот на Шомонских высотах запылал гигантский костер. Его обливают керосином и в течение многих дней в него бросают вперемешку дрова и трупы...

И это конец?

Нет. Консерватор, прячущий в шкаф свою нарукавную повязку и полагающий, что восстание задушено и что вскоре все вернется — деловая активность, празднества и привольная жизнь, — ошибается. Да, вернется, и очень скоро, но не надолго.

Однако лагерь Сатори переполнен. На суднах, превращенных в плавучие тюрьмы, заключенных что сельдей в бочке. Нумеа кишит каторжниками. Резня была страшная. Те, кто уцелел, будут теперь трепетать от страха...

Но вот в Симбирске, маленьком городе России, расположенном на правом берегу Волги, инспектор народных училищ Илья Николаевич Ульянов читает газету, ибо надо же знать об этой революции.

«Парижская Коммуна, — говорит он, — раздавлена. Так. Эта революция подавлена». Он думает о Париже, которого он не знает и никогда не узнает.

Коммуна... Парижская Коммуна... Он, вероятно, сочувствует революционному движению. Но надо быть осторожным.

Все чиновники города радуются подавлению Коммуны. По-видимому, в «верхах» это событие расценивается как победа...

Илья Николаевич размышляет по этому поводу с газетой в руках. Его жена Мария Александровна кормит грудью ребенка, взгляд ее добрых глаз устремлен на мужа... «Владимир, — думает отец, — маленький Владимир...»

А в это время в Париже Тьер отправляет рабочих в лагерь Сатори, в плавучие тюрьмы, на каторгу... Семь дней боев после двухмесячной осады. Парижский народ, по-видимому, совершенно обескровлен. Но в маленьком провинциальном городе на Волге, в Симбирске, в доме Ульяновых, Владимир, или Володя, как его называют, растет и наливаются соками.

Этот ребенок, сын Ильи Николаевича, инспектора народных школ, и его жены Марии Александровны,

действительно появился на свет в 1870 году, в том самом году, когда в осажденном Париже зарождалась Коммуна, когда предпринимались первые попытки создать ее. А когда она пала в следующем году, ее участники в пороховом дыму, в огне пожаров мысленно искали своих наследников и, быть может, отчаивались в будущем. Меж тем их наследник живет на берегах Волги. Судьбы мира сложились так, что на смену парижским федератам придет русский. Мальчик вырастет... Он станет Лениным».

Да, руководимая Лениным Октябрьская социалистическая революция 1917 года отомстила за парижских коммунаров и открыла новую эру в истории человечества.

Воспитанные на идеях Ленина трудящиеся различных стран имеют в настоящее время то, чего так сильно недоставало парижским коммунарам: партии, вооруженные учением, доказавшим свою правоту, марксистско-ленинским учением; партии, которые стоят на страже идеологического единства своих рядов и делают все, чтобы добиться боевого единства рабочего класса; партии, которые извлекли уроки из битв прошлого и имеют богатый опыт борьбы; партии, которые, учитывая национальные особенности каждой страны, не забывают о международном значении основ и принципов марксизма-ленинизма.

Парижская Коммуна не успела показать народу благие результаты социалистического строя. Она продержалась только 72 дня. В Советском Союзе социалистическая власть существует с 1917 года, а в странах народной демократии она существует уже 12 лет и более.

Народы всего мира, народы передовых стран, народы бывших колониальных стран, которые совсем недавно добились независимости, и народы стран, которые еще изнывают под игом колониализма, могут ныне сравнить результаты, достигнутые в социалистических странах в деле улучшения положения масс, с тем положением, которое существует в империалистических странах, и это сравнение весьма поучительно.

В экономическом соревновании с капиталистическими странами социалистический лагерь обнаруживает свое превосходство, которое будет проявляться со все большей силой. Это обстоятельство играет огромную роль в

повышении сознательности масс и способствует значительному усилению влияния идей социализма во всем мире.

Оценивая итоги Совещания 81 коммунистической и рабочей партии, состоявшегося в ноябре 1960 года, товарищ Хрущев указывал, что влияние идей социализма и коммунизма неизменно возрастает. Говоря о социалистических странах, он сказал:

«Если в прошлом лозунг борьбы за социализм, за коммунистические преобразования был лозунгом коммунистических партий, то теперь борьба за социализм, за коммунизм уже стала всенародным делом в этих странах, всенародной борьбой за торжество нового, коммунистического мира»¹.

Этому новому миру, предвестником которого была Парижская Коммуна, принадлежит будущее. Благодаря усилиям сотен миллионов мужчин и женщин благородные, гуманные мечты о братстве, с которыми шли на бой и смерть герои и мученики Парижской Коммуны, уже стали реальностью на обширной части земного шара. Они неизбежно победят во всем мире.

Вот почему, оценивая в мировом масштабе то, чего достигли преемники версальцев, и то, чего достигли продолжатели дела коммунаров, мы можем воскликнуть вместе с Эженом Потье: «Не умерла Коммуна!»

Март 1961 года

¹ Н. С. Хрущев, За новые победы мирового коммунистического движения, Госполитиздат, М., 1961, стр. 59.

Указатель имен

- Авриаль, Огюстен 100, 104,
 171, 174, 183, 197, 206, 228,
 230
 Авуан, сын 89
 Адан, Эдмон 94, 98, 107, 137
 Александр 233
 Аллеман, Жан 281
 Алликс, Жюль 99
 Альбер 22
 Аме 53, 97, 230
 Амуру, Шарль 99, 123, 130, 171,
 242
 Андинью 89
 Андриё, Жюль 168, 170, 176,
 182, 196, 216, 228
 Анри Фортюне 89, 100, 104
 Анри, П. 143, 162
 Араго, Этьен 59
 Арагон, Луи 312
 Арно, Антуан 89, 98, 99, 104,
 171, 189, 197, 214, 245, 247,
 252
 Арнольд, Жорж 89, 96, 168,
 171, 228
 Арну, Артюр 99, 104, 137, 171,
 196, 228, 242
 Асси, Адольф Альфонс 89, 98,
 100, 103, 104, 148, 153, 161
 Бабик, Жюль (Бабицкий, Юли-
 уш) 89, 98, 100, 104, 196, 295
 Базен, Франсуа Ашиль 41, 54,
 57, 240, 278
 Бакунин, Михаил 109
 Бальзак, Оноре де 160
 Бара, Жозеф 275
 Барай, дю — см. Дю Барай
 Барант, де 251
 Барбюс, Анри 310
 Барре, Жозеф 98, 137
 Баррер 143
 Баррес, Морис 55, 295
 Барро, Одилон 18
 Барру 89
 Бастелика, Андре 230
 Бебель, Август 144, 287, 289,
 290, 296, 297
 Белэ, Шарль 99, 104, 171, 196,
 228
 Бержере, Жюль 89, 93, 98, 101,
 105, 107, 140, 147, 148, 152, 173,
 183, 204, 265
 Бернар, Мартен 94
 Бернштейн, Эдуард 110
 Бетман, Поль 251
 Бизли, Э. С. 276
 Бийорэ, Альфред Эдуард 89, 98,
 100, 104, 108, 136, 166, 171,
 220, 242, 245, 247, 252
 Бисмарк, Отто фон 36, 37, 47,
 54, 55, 63, 64, 84—86, 109, 111,
 138, 225, 239, 276, 278, 290,
 297, 304—306
 Блан, Луи 22, 90, 94
 Бланше, Жан Батист Станислав
 Ксавье 89, 98, 99, 183
 Блок, Жан Ришар 310
 Боден, Жан-Батист 284
 Бонапарт, Луи — см. Наполе-
 он III
 Бонапарт, Пьер 31
 Бонвале, Теодор Жак 172, 201

Бонгорст, Леонард 144
 Бракке, Вильгельм 144
 Бреа, Жан Батист 24, 180
 Брелз, Пьер Эжен Эмиль 99,
 137
 Брион, Огюст 168, 170
 Бриссон, Анри 59, 94
 Бройль 70
 Брюнель, Антуан Маглуар 96,
 99, 146, 211, 263
 Буде 97
 Буи, Казимир 89
 Бурсье, Леопольд 89, 137, 162
 Бутейе, де 101, 137
 Буше 123

Вайян, Эдуар 16, 99, 105, 146,
 170, 176, 189, 235, 281
 Вайян-Кутюрье, Поль 310
 Вакери, Огюст 267
 Валантэн, Аделаида 158
 Валантэн, Луи Эрнест 76
 Валлес, Жюль Жозеф Луи 71,
 100, 102, 104, 166, 171, 178,
 196, 215, 228, 281
 Варлен, Эжен 32, 42, 44, 53, 68, 86,
 88, 89, 98—101, 104, 137, 153,
 171, 195, 196, 205, 220, 224,
 227, 228, 230, 246, 247, 252,
 265, 268—270, 294
 Везинье, Пьер 168, 171, 196, 227,
 239, 242, 276, 281
 Вейган 54
 Вейо, Луи 56
 Вейссе 261
 Вердаге 80
 Вердюр, Огюст Жозеф 100, 104,
 171
 Вери 97
 Верморель, Огюст Жан Мари
 101, 104, 140, 146, 171, 197,
 227, 228, 242, 261, 263
 Верон 200
 Виала, Жозеф 275
 Виар, Помпей Огюст Венсан
 165, 166, 168, 170, 176, 265
 Виллар, Марсель 310
 Вильгельм I 36, 72
 Винуа, Жозеф 63, 65, 70, 72, 76,
 77, 81, 82, 140, 148, 262,
 264
 Вольф 156

Врублевский, Валерий 184, 188,
 202, 204, 205, 208, 217, 222,
 233, 252, 259, 261, 263, 293—
 295, 309
 Гаан 53, 97
 Гагарин, Юрий 5
 Галан 97
 Галиффе, Гастон 10, 129, 138,
 140, 278, 279, 295, 296
 Галльен 201
 Гамбетта, Леон 44, 47, 49, 50,
 55, 57, 63, 69, 114, 116, 284,
 285
 Гамбон, Фердинанд Шарль 100,
 145, 171, 178, 198, 214, 245,
 247, 252, 269
 Гано 220
 Гардет, Морис 311
 Гарель 284
 Гарибальди, Джузеппе 35, 96,
 168
 Гарибальди, Менотти 168
 Гарнье-Пажес, Луи Антуан
 24
 Гарсен 295
 Гед, Жюль 109, 284
 Гедон 282
 Генрих V — см. Шамбор, Анри
 Гизо, Франсуа Пьер Гийом 18,
 19
 Гитлер, Адольф 311
 Гогенцоллерн, Леопольд 36
 Годье, К. 89
 Гонкур, Эдмон де 147, 151, 155,
 171
 Гранже 281
 Греви, Жюль 251
 Грейорок 226
 Грелье, Виктор 89, 242
 Гремелен 165
 Грешпо 94, 96
 Гролар, Ж. 89
 Грэ, Софи 158
 Гуа, Эмиль 220
 Гуйе, Шарль 89
 Гулле, Анри 97
 Гупиль, Эдуард Альфред 99,
 104, 108
 Гюго, Виктор 21, 54, 55, 70, 246,
 266—268, 271, 278, 281, 283
 Гюго, Франсуа Виктор 267
 Гюго, Шарль 266, 267

- Далиде, Артюр 311
 Далу, Жюль 156, 173
 Дарблэ 113
 Дарбуа, Жорж 262
 Дегейтер, Пьер 313
 Декан, Батист 97, 100
 Декур, Жак 312
 Делавиль 233
 Делеклюз, Луи Шарль 49, 60, 100, 101, 104, 137, 140, 146, 166, 171, 174, 175, 183, 185, 195, 212, 214, 215, 217, 220, 238, 245, 248, 263, 264
 Дельвенкье, Селин 158
 Дельвенкье, Эме 158
 Дельсаль, Поль 285
 Демаре Эрнест Леон Жозеф 100, 107, 137, 140
 Демэ, Антуан Матье 97, 99, 104
 Дерёр, Симон 101, 104, 171, 233
 Дижон, Эмиль 127, 128
 Димитров, Георгий 310
 Дмитриева, Елизавета (Тумановская) 158, 207, 263, 274
 Лоби 205
 Домбровский, Теофил 203
 Домбровский, Ярослав 146—149, 152, 161, 163, 166, 167, 169, 172, 174, 175, 179, 184, 198, 202—205, 220, 222, 233, 242, 246, 248, 256, 260, 261, 293—295
 Домье, Оноре 21, 173
 Дориан, Фредерик Пьер 59, 82
 Дуэ, Феликс Шарль 244, 262, 294
 Дю Барай, Франсуа Шарль 148
 Дюбо, Антонэн 156
 Дюваль, Эмиль Виктор 83, 86, 96, 100, 105, 136, 140
 Дювивье 24
 Дюкан, А. 89
 Дюкатель 243
 Дюкро, Огюст Александр 56, 61, 62
 Дюма, Александр, отец 18
 Дюма, Александр, сын 273
 Дюмон 208
 Дюмэ 120
 Дюпон, Антим 168, 171
 Дюпон, Кловис 89, 98, 104
 Дюпон, Поль 168, 203
 Дюпорталь, Арман 125, 126
 Дюпюи 97
 Дюран, Жак 168, 171, 230
 Дюрасье 203
 Дюфор, Арман Жюль 70, 78, 139
 Дюшен 97
 Жакье, Алина 207
 Жаннье 226
 Жанс 97
 Жерар 120
 Жерарден, Шарль Эмиль 101, 104, 171, 189, 197, 215
 Жерарден, Эжен Франсуа 99, 104, 196, 197, 228, 242
 Жерем, Жан 89, 100
 Жоаннар, Жюль Поль 168, 171, 206, 230, 233
 Жонстон 251
 Жосселен, Франсуа Никола 89
 Жоффрен, Жюль 281
 Жуанвиль 311
 Журд, Франсуа 86, 89, 98, 99, 104, 153, 169, 173, 176, 196, 198, 228, 268
 Жюде 295
 Золя, Эмиль 27, 273, 281
 Кавеньяк, Луи Эжен 10, 24—26
 Кадра, Феликс 311
 Казанова, Даниель 312
 Камелина, Луи Зефирен 32, 97, 281
 Канробер, Франсуа 264
 Кариу, Корантен 311
 Карл X 18, 19, 134
 Картон 220
 Картэрад 282
 Кастеллан, де 251
 Кастиони 89
 Кастро, Фидель 304
 Катла, Жан 312
 Кашен, Марсель 55, 310
 Кератри, Эмиль де 125—127
 Кинэ, Эдгар 94
 Кинью 201
 Кламажеран 59
 Клеман, Виктор Жозеф 100, 104, 171, 197, 228
 Клеман, Жан Батист 101, 104, 161, 171, 273, 309
 Клеман, Эмиль Леопольд 101, 104, 171

Клеманс, Ипполит Адольф 99,
171, 196, 228, 242
Клемансо, Жорж 90, 91, 94, 96
Кленшан, Шарль 244, 262, 294
Клюзере, Гюстав Поль 136—138,
140, 142, 147, 148, 152, 153,
155, 163, 165, 168, 169, 173,
174, 176—178, 183, 188, 189,
198, 242, 250, 259
Колле 162
Коллейль, Ноэми 158
Констан, Бенжамен 18
Конье 122
Корбон 172
Коро, Камиль 173
Котро 223
Кремер 56
Кремье, Гастон 63, 121—124
Круаза, Амбруаз 310
Куафе 97
Кугельман, Людвиг 5, 81, 88,
136, 154, 164
Кулон 200
Курбе, Гюстав 154, 156, 168,
171, 173, 196, 198, 228, 273
Курне, Фредерик Этьен 101, 104,
108, 140, 146, 166, 171, 176
Кюло 168

Лавалетт 89
Ладмиро, Луи Рене Поль де
148, 244, 278, 295
Лаказет, Морис 311
Лакор 157
Лаллеман, Ж. 97
Ламарк 21
Ланглуа, Амеде Жером 82, 83, 94
Ландек (Ландовский), Ян Люд-
виг 130, 295
Ланжевен, Пьер Камилл 100,
152, 171, 173, 196, 197, 281
Ла Сесилиа, Наполеон 159, 165,
167, 204, 208, 222, 233, 241
Лассаль, Фердинанд 297
Латур дю Пен 295
Лафарг, Лаура 309
Лафарг, Поль 309
Лаффит 18, 19
Лебеф, Эдмон 39
Леблан 130
Леви, Лазар 97
Левро, Эдмон 71
Ле Галь, Рене 311

Ледруа, Шарль Жозеф 99, 104
Ледрю 160
Лежён, Альбер 269
Леконт, Клод Мартен 76—80,
92, 98
Лелу 207
Лелье 161
Лемель, Натали 207
Ле-Муссю 238
Ленин, В. И. 6, 13, 22, 25, 74,
110, 192, 194, 274, 285—287,
298—302, 307—309, 313, 315
Лео, Андре (Леони Шампсе)
131
Леон, Мартен 97
Лепеллетье, Эдмон Адольф 79,
84
Леруа, Альбер 99, 104, 107, 137
Леспе, де 118
Лефевр, Эрнест Франсуа 99, 104
Леффло, Адольф 77, 78
Лефранс, Гюстав Адольф 99,
105, 166, 171, 196, 198, 227,
228, 242, 259, 309
Ле Шапелье 17, 33
Либкнехт, Вильгельм 45, 136,
144, 287, 289, 290, 296, 297
Лимузен 97
Лионне 118
Лисбонн, Максим 89, 137, 294
Лиссагарэ, Проспер Оливье 57,
60, 65, 67, 117, 213, 260, 264,
269, 281
Локруа, Эдуар 94, 96
Лонге, Шарль 168, 171, 196, 227,
228, 281, 294
Лонкла, Альфонс 168
Лоро 97
Лоссеран, Раймон 311
Луазо-Пенсон, Шарль Мартен
99, 104, 137, 201
Луи Филипп 18, 19, 77, 130
Людовик XV 40
Людовик XVI 150
Люлье, Шарль 82, 83, 89, 96,
140, 294

Мак-Магон, Мари Эдм Патрис
Морис 40, 42, 86, 148, 264,
270
Малон, Бенуа 101, 104, 131, 166,
171, 177, 196, 229, 230, 309
Мальжурналь 89

Мане, Эдуар 173
 Марат, Жан Поль 305
 Маретт 220
 Мари 23
 Маркс Карл 5, 6, 13, 15, 17, 23,
 25, 28, 32, 34, 37, 38, 41, 46,
 48, 50—52, 55, 68, 74, 75, 81—
 83, 88, 110, 111, 114, 136, 144,
 145, 154, 164, 171, 190, 191,
 195, 198, 224, 225, 246, 271,
 273, 281, 287, 297—300, 302,
 308, 309
 Мармоттан, Пьер Жозеф Анри
 101, 137
 Марсан 158
 Мартеле, Жюль 100, 104
 Мелин, Феликс Жюль 98, 107,
 137
 Мелье, Лео 100, 104, 171, 186,
 189, 197, 219, 220, 233
 Менк, Полина (Менкарская, Пау-
 лина) 130, 293
 Меринг, Франц 296, 297
 Мёрис, Поль 267
 Мерле 270
 Меттерних 34
 Милле, Франсуа 173
 Мильер, Жан Батист 60, 94, 266,
 295
 Мио, Жюль 101, 104, 171, 183,
 235
 Мишель, Луиза 274, 275, 281
 Мишель, Шарль 311
 Мо, де 251
 Моджи 76
 Мокрани, Бумезраг 282
 Мокрани Мухаммад II 282, 283
 Мокэ, Гюи 311
 Монрэ 219
 Монтодон 167
 Монури 219
 Моро, Эдуар 89
 Моро-Вотье 173
 Мортье, Анри Жозеф 89, 98,
 100, 104
 Моттю 172
 Муссолини 311
 Мэ 130
 Мюра, Шарль 99

Наполеон I 40, 67, 233
 Наполеон III 10, 25, 26, 28, 31,
 35—41, 45, 46, 48, 57, 69, 111,
 120, 130, 282

Наст, Гюстав Андре 10, 107, 137
 Негрие 24
 Ностаг, Жюль 97
 Нуар, Виктор 31

Обри 97
 Околович, полковник 167—169,
 172
 Оливье, Эмиль 32, 34, 42
 Орель де Паладин, Луи Жан
 Батист де 68, 69, 72, 73, 78,
 82, 121
 Осман, Жорж Эжен, барон де
 27, 248
 Остен, Франсуа Шарль 101, 104,
 171, 228, 230, 242
 Оффрэ, Жюль 311

Паликао, Шарль Гийом Кузен-
 Монтобан, граф де 42—44
 Паран, Улисс 100, 104
 Паризель, Франсуа Луи 99, 104,
 130, 171, 173
 Пейра, Альфонс 94
 Пельтан, Камилл 279, 285
 Пен, Анри де 93
 Пенди, Жан Луи 97, 99, 104,
 197, 228
 Пери, Габриель 312
 Перье, Казимир 18, 19
 Перье 200
 Петен 54
 Пиа, Феликс 49, 59, 100, 105,
 146, 170, 171, 189, 197, 198,
 201, 202, 212, 276
 Пийо, Жан Жак 168
 Пикар, Эрнест 50, 67, 73, 78, 90,
 139
 Политцер, Жорж 311
 Потье, Эжен 13, 97, 156, 168,
 171, 173, 309, 312, 313, 316
 Потюо, Луи Пьер Алексис 78,
 139
 Пратт, Жозефина 158
 Привэ 53
 Прото, Шарль Эжен Луи 100,
 104, 152, 170, 176, 199
 Прудон, Пьер Жозеф 32, 34, 97,
 109
 Прюдом 89
 Пуйе-Кертье, Огюст Тома 225,
 239

Пуссарг 79
Пьетри 240
Пюже 101, 104

Разуа, Эжен 162
Ранвье, Габриель 60, 89, 96, 98,
101, 103, 104, 152, 160, 171,
189, 197, 214, 245, 247, 252,
265, 268
Ранк, Артур 100, 104, 144, 172
Растуль, Поль Эмиль Бартелеми
Филемон 100, 104, 166, 171,
178, 196
Режер де Монмор, Теодор До-
миник 99, 104, 198
Реклю, Эли 187
Реклю, Элизе 187
Ремюза, Поль де 251
Рембо, Артур 274
Реналь 127
Риго, Рауль 86, 99, 104, 108, 147,
156, 165, 166, 168, 170, 176,
178, 258, 261
Робеспьер, Максимилиан 305
Робийяр 53
Робине, Жан Франсуа Эжен 99,
104, 107, 137, 272
Рожар, Луи Огюст 168, 170
Россель, Луи Натаниель 155,
162, 176, 188, 195, 198, 200, 202,
204, 212, 213, 215
Роша, Ш. 97
Рошар 98, 137
Роше 201
Роштюлон 94
Рошфор, Виктор Анри 49, 50
Рувейроль 97
Рукэ, Пьер 311
Руссо 89

Сампе, Люсьен 311
Сантолини 182
Сарсэ, Франсиск 306
Себастиани 18
Семар, Пьер 311
Сен-Жюст, Людовик Антуан
276, 305
Сен-Симон 17
Сент-Арно 10
Серрайе, Огюст 168, 171, 196,
228, 230
Сессе, Жан Мари 87, 93, 94

Сикар, Огюст Александр 168,
173
Симон, Жюль 48, 50, 60, 61, 78,
139
Сиссэ, Эрнест Луи Октав Курто
де 148
Соломон, Жак 311
Сталин, И. В. 8
Стюпюи 172
Субиз, Шарль де 40
Сульт 20
Сюсбиель 76, 77

Тейс, Альбер Фредерик Жюль
97, 100, 101, 104, 137, 166, 171,
197, 228, 230
Тибо 220
Тирар, Пьер Эммануэль 94, 98,
99, 107, 137, 284
Титов, Герман 5
Толен, Анри Луи 30, 94, 96
Тома, Клеман 60, 78—80, 92, 98
Торез, Луи 311
Торез, Морис 13, 301, 308
Тренке, Алексис Луи 168, 171,
265, 285
Тридон, Эдмон Мари Гюстав 99,
105, 146, 171, 197, 228
Трошю, Луи Жюль 45—47, 50,
53, 55—63, 72, 284, 293
Трусов, А. 209
Трюмоле 282
Тьер, Луи Адольф 19—21, 47,
54, 57, 58, 63—66, 68—78, 81—
87, 90—94, 111, 121—123, 125,
126, 129, 130, 137—140, 142,
145, 160, 165, 193, 194, 201, 202,
216, 223, 225, 233, 244, 248, 250,
251, 257, 259, 262—265, 270,
278, 282, 284, 305, 314
Тэмбо, Пьер 311

Уде, Жозеф Эмиль 101, 104
Ульянов, Илья Николаевич 314
Урбен, Рауль 99, 104, 171
Утин, Н. И. 209

Фабр, Поль 89
Фабьен (Жорж, Пьер) 311
Фавр, Жюль 47—50, 54, 58, 61,
64, 71, 78, 92, 139, 239, 266, 276

Файи, де 38
 Фаллу, Альфред Пьер де 56
 Фальто 173
 Фарон 76, 77, 179
 Фарси 94
 Ферра, Поль 89
 Ферре, Теофиль Шарль Жиль
 101, 104, 171, 176, 268, 269
 Ферри, Жюль 53, 82, 284
 Ферри, Жан Эмиль 100, 107, 137
 Филипп (Фенуйя), Жан Луи 168
 Фламенг 156
 Флёрн, Альфонс 89
 Флоке, Шарль 59, 94, 96, 172
 Флуранс, Гюстав 49, 58—60, 71,
 101, 104, 136, 140, 284
 Фонтен, Жюль Жозеф 216
 Франкель, Лео 97, 100, 104, 106,
 166, 170, 176, 190, 195, 224,
 228—230, 263, 291, 292
 Франко 311
 Фрейсине, Шарль Луи де 284
 Фридрих II 40
 Фро, Леон 311
 Фроссар, Шарль Огюст 40
 Фрюно 100, 137
 Фужере 89
 Фурье, Шарль 17
 Фуше, Поль 267
 Фэдерб, Луи Леон Сезар 56

Хрущев, Н. С. 7, 9, 316

Шален, Луи Дени 101, 104, 171,
 177

Шальмель-Лакур, П. 116
 Шамбор, Анри де 134
 Шампи, Анри Луи 100, 104,
 171
 Шанзи, Антуан Альфред Эжен
 56
 Шардон, Жан Батист 100, 104,
 162
 Шей, Андреас 292
 Шёльше, Виктор 59, 94, 96
 Шерон, Леон 99, 137
 Шнейдер, Эжен 31, 49, 89,
 119
 Шодезег 97
 Шпётлер 53, 97
 Шуазель 18
 Шульгоф, Геза 291
 Шуто, А. 53, 89

Эвett 97

Эд, Эмиль Франсуа Дезире 44,
 86, 96, 100, 104, 138, 140, 152,
 155, 159, 160, 162, 204, 214,
 245, 247, 252, 273, 281

Элюар, Поль 310

Эмбер, Альфонс 284

Энгельс, Фридрих 23, 25, 32, 37
 38, 41, 48, 50, 51, 67, 68, 75
 82, 111, 114, 145, 154, 164, 190,
 191, 225, 302

Эриссон, Шарль 59

Эспиван де ла Вильбуане 122—
 124

Юнг, Герман 274

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к русскому изданию	5
Введение	15
Глава первая. Подъем рабочего движения	17
Глава вторая. От страха перед народом к национальной измене	35
Глава третья. Революция 18 марта	76
Глава четвертая. Коммуна в провинции	113
Лион	114
Сент-Этьенн	117
Крезо	119
Марсель	120
Тулуза	124
Нарбонн	127
Лимож	128
Глава пятая. От начала и до конца апреля	136
Глава шестая. Первые три недели мая	195
Глава седьмая. „Кровавая неделя“	246
Глава восьмая. От марта 1871 года к Октябрю 1917 года	287
Глава девятая. Стена федератов	305
Указатель имен	317

Жак Дюкло
НА ШТУРМ НЕБА

Редактор *Н. В. Рудницкая* Художник *Е. М. Казаков*
Художественный редактор *Б. И. Астафьев* Технический редактор *А. Г. Резоухова*
Корректор *И. Н. Тимошкова*

Сдано в производство 31/V 1962 г. Подписано к печати 25/VIII 1962 г. Бумага
84×108¹/₂=5,2 бум. л. 17,2 печ. л., в т/ч. вкл. 3. Уч.-изд. л. 17,1. Изд. № 6/0860.
Цена 83 к. Зак. 431.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, 1-й Рижский пер., 2

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УПП Ленсовнархоза.
Ленинград, Измайловский пр., 29.

Отпечатано с готовых матриц во 2-й тип. Трансжелдориздата МПС,
Ленинград, ул. Правды, д. 15. Заказ 1614.

GER.

